

**ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ИВАНА ЧАРОТЫ
(1952–2024)**

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИВАНА ЧАРОТЫ (1952–2024)

Сборник научных трудов Международной научной конференции,
состоявшейся 22 июня 2026 года в Институте политических исследований в
Белграде

Редактор

Александра Савич (1990), научный сотрудник,
Институт политических исследований, Белград, Сербия

https://doi.org/10.18485/ips_zhdi_charota.2026

Рецензенты

кандидат богословских наук Александр Романчук, Синодальная
историческая комиссия Белорусского экзархата Русской православной
церкви, Минск, Беларусь
проф. д-р Никола Аврейский, Университет библиотековедения и
информатики, София, Болгария
проф. д-р Будимир Алексич, Исторический институт Университета
Черногории, Подгорица, Черногория

За издателя

д-р Миша Стоядинович, главный научный сотрудник, ИПИ

Издатели

Институт политических исследований (Белград, Сербия)
Синодальная историческая комиссия Белорусского экзархата Русской
православной церкви (Минск, Беларусь)
Минская духовная семинария (Минск, Беларусь)
Минская духовная академия (Минск, Беларусь)
Центр евразийских исследований Филиала РГСУ в Минске (Беларусь)

ISBN 978-86-7419-448-5

Мнения, выраженные в данной книге, принадлежат исключительно авторам работ. Издание публикации профинансировано Министерством науки, технологического развития и инноваций Республики Сербии.

Настоящий сборник научных трудов подготовлен в рамках научно-исследовательского проекта Синодальной исторической комиссии Белорусского экзархата РПЦ «Жизнь и деятельность профессора Ивана А. Чароты» (01.12.2025–01.12.2026, г. Минск).

Все работы в данном сборнике опубликованы под лицензией CC BY.

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИВАНА ЧАРОТЫ (1952–2024)

Сборник научных трудов
Международной научной конференции,
состоявшейся 22 июня 2026 года в Институте
политических исследований в Белграде

Редактор
д-р Александра Савич

ИНСТИТУТ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
БЕЛГРАД, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИВЕТСТВЕННЫЕ СЛОВА

Алексей Черота и Владимир Черота

ОБ ИВАНЕ АЛЕКСЕЕВИЧЕ ЧЕРОТЕ: ВОСПОМИНАНИЯ СЫНОВЕЙ .11

Владимир Чушев

ИВАН ЧАРОТА КАК АКТИВИСТ НАРОДНОЙ ДИПЛОМАТИИ..... 19

Елена Гуськова

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ ЧАРОТА – БОЛЬШОЙ УЧЁНЫЙ И ДРУГ СЕРБИИ
..... 27

ПЛЕНАРНОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ РЕДАКТОРА

Александра Савич

КОНЦЕПТ ЗЕМЛИ В БЕЛОРУССКИХ ЛЕГЕНДАХ (К ВОПРОСУ О
КОМПАРАТИВНОМ ИЗУЧЕНИИ ФОЛЬКЛОРА ИВАНА А. ЧАРОТЫ) . 31

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Зоран Милошевич

СЛАВЯНОФИЛЬСТВО И СЕРБОФИЛИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ИВАНА А.
ЧАРОТЫ..... 55

Даяна Лазаревич

ПО СЛЕДАМ АКАДЕМИКА ИВАНА А. ЧАРОТЫ (1952–2024) —
ПРАВОСЛАВНОГО СЛАВЯНОФИЛА И ОСНОВАТЕЛЯ БЕЛОРУССКО-
СЕРБСКИХ НАУЧНЫХ СВЯЗЕЙ..... 75

ИВАН ЧАРОТА В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Кирилл Владимирович Шевченко

ТРАНСФОРМАЦИЯ БЕЛОРУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ
ГЛОБАЛИЗАЦИИ В ОЦЕНКАХ БЕЛОРУССКОГО УЧЁНОГО-

СЛАВИСТА, АКАДЕМИКА СЕРБСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК И
ИСКУССТВ, ПРОФЕССОРА И.А. ЧАРОТЫ (1952-2024)..... 97

Лев Евстафьевич Криштанович

МЫСЛИТЕЛЬ РУССКОГО МИРА (Памяти Ивана Алексеевича Чароты
посвящается).....113

Олег Геннадьевич Казак

Артем Сергеевич Середа

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЗАПАДНОМ ПОЛЕСЬЕ В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ
АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ) *Обзор малой родине Ивана Чароты* 127

Вячеслав Юрьевич Сухнев

МЫ СНОВА НА КОСОВОМ ПОЛЕ..... 139

ИВАН ЧАРОТА В КОНТЕКСТЕ ФИЛОЛОГИИ

Никита Викторович Супрунчук

СВОЕОБРАЗИЕ СЕРБСКИХ И БЕЛОРУССКИХ ПРИЧАСТИЙ В
АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ И. А. ЧАРОТЫ 159

Брацо Ковачевич

О ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И СКАЗКАХ – ИВАН ЧАРОТА 175

Анна Владимировна Наумова

СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ И. А. ЧАРОТЫ:
АВТОРСКИЙ ПОДХОД К ПРЕПОДАВАНИЮ И
ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ..... 189

Светлана Голяк

СЛАВИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ПРОФЕССОРА ИВАНА ЧАРОТЫ .. 199

Ивана Божович

ПОЭЗИЯ ЯНКИ КУПАЛЫ КАК ПЕРВООСНОВА „ЗЕМЛИ ПОД
БЕЛЫМИ КРЫЛЬЯМИ” *С обращением к редакторской деятельности
Ивана Чароты* 215

ОЧЕРКИ О ТВОРЧЕСТВЕ ИВАНА ЧАРОТЫ

Людмила Сергеевна Циманович

И. А. ЧАРОТА КАК ОСНОВОПОЛОЖНИК БЕЛОРУССКОЙ
ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ШКОЛЫ С СЕРБСКОГО ЯЗЫКА 235

Радомир Андрич

МОЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ СОБЕСЕДНИК ИВАН А. ЧАРОТА..... 241

Антоний Миронович

ИВАН ЧАРОТА КАК ПЕРЕВОДЧИК НОВОГО ЗАВЕТА И ЦЕРКОВНЫЙ
ИСТОРИК..... 245

Игор Йорданов

ИВАН ЧАРОТА И МАКЕДОНО-БЕЛОРУССКИЕ СВЯЗИ 253

Саша Гайич

ИВАН ЧАРОТА И СЛОВЕНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА 257

Эмил Миланов

ИВАН ЧАРОТА И БОЛГАРО-БЕЛОРУССКИЕ СВЯЗИ 261

Милутин Джюричкович

ИВАН ЧАРОТА И ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА..... 265

Юрий Васильевич Иванов

О СОВМЕСТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ С ПРОФЕССОРОМ ИВАНОМ
ЧАРОТОЙ ТОЛКОВИНСКИХ ТЕКСТОВ И МОЛДАВСКОГО ПЕРИОДА
БИОГРАФИИ Г. Ф. СКОРИНЫ 271

НАВСТРЕЧУ БОГУ

Иван А. Чарота

ХРАМ – МЕСТО ВСТРЕЧИ С БОГОМ 293

ПРИВЕТСТВЕННЫЕ СЛОВА

ОБ ИВАНЕ АЛЕКСЕЕВИЧЕ ЧЕРОТЕ: ВОСПОМИНАНИЯ СЫНОВЕЙ

В первую очередь хотелось бы высказать искреннюю признательность и благодарность организаторам и участникам конференции за сохранение памяти о нашем отце, Иване Алексеевиче Чероте, и его деятельности на ниве славяноведения.

Полагая, что не нам – родным Ивана Алексеевича – оценивать его научные достижения, говорить о его вкладе в развитие белорусской славистики, перечислять его заслуги и награды, мы решили рассказать немного о его жизни, привести некоторые малоизвестные факты из биографии отца.

Родился он 16 сентября 1952 года в деревне Лы́щики Кобринского района Брестской области. Его родители, Алексей Пантелеевич и Анна Павловна, работали в колхозе и жили небогато. У отца есть еще две младшие сестры: Мария и Лидия. О своей деревне отец всегда вспоминал с теплотой и рассказывал как о необычном месте, где жили интересные и неординарные люди. Начальное образование он получил в школе, которая находилась недалеко от дома, на хуторе Покупчики. После этого год посещал Рынковскую среднюю школу, где и познакомился со своей будущей женой Надеждой Николаевной Иванюкович, с которой прожил всю жизнь и успел отметить золотую свадьбу, т. е. 50 лет совместной жизни. Программу шестого и седьмого классов отец постигал в восьмилетней школе, открывшейся в его родной деревне. После этого он отправился учиться в город Кобрин, чтобы иметь возможность посещать музыкальную школу и научиться играть на баяне. Доктор физико-математических наук Григорий Григорьевич Федорук, который дружил с отцом до конца жизни, учился вместе с ним в СШ №2 Кобрина и также жил в интернате при ней, рассказывает, что за три года Иван Алексеевич не только освоил музыкальный инструмент, но и получил профессию токаря в рамках школьного трудового обучения. Кроме того, в десятом классе они входили в состав коллектива народных танцев при районном Доме культуры.

В одном из интервью отец вспоминал: «Мой любимый школьный учитель немецкого языка, у которого был друг в московском Военном институте, объясняя все преимущества учебы там, настоятельно рекомендовал мне учиться на военного переводчика».¹ Однако после окончания средней школы отец отправился в Минск с целью обучаться на филологическом факультете Белорусского государственного университета. Как рассказывает наша мама, перед отъездом он говорил ей, что если не поступит на филфак, то пойдет учиться в духовную семинарию. Но экзамены Иван Алексеевич успешно сдал и стал студентом русского отделения. Во время учебы в университете студенты должны были изучать один из славянских языков на выбор. Нам не известно, чем руководствовался отец, но он предпочел сербский. Это предопределило всю его дальнейшую профессиональную деятельность, даже можно сказать, судьбу. На филологическом факультете БГУ «сербско-хорватский язык, как один из четырех предлагаемых славянских языков, с самого начала и до 1990-х годов преподавала Вера Михайловна Лумбина. Она родилась в 1921 г. в Сербии в семье русских эмигрантов, а после известных событий 1948 года вынуждена была покинуть ФНРЮ. <...> Впоследствии она оказалась в БССР. Здесь ее, владевшую несколькими языками, приняли в штат сотрудников библиотеки республиканской Академии наук, где ей и довелось трудиться вплоть до ухода на пенсию. Необходимо отметить, что приглашение В.М. Лумбиной в качестве преподавателя на филфак БГУ было во всех отношениях очень удачным решением. Во-первых, она, рожденная в Королевстве СХС, даже в сравнении с остальными преподавателями, являлась реальным носителем сербского (сербско-хорватского) языка и полномочным представителем сербской культурно-языковой среды. Во-вторых, несмотря на драматические перипетии личной судьбы, к Сербии она сохранила искреннюю любовь, которую старалась передать своим ученикам; в-третьих, что не менее важно, это была особа поистине интеллигентная и на удивление доброжелательная по натуре».² Под руководством Веры Михайловны он и начал изучать сербский. Если нам не изменяет память, то именно с ее подачи после второго курса

¹ Чарота, И. «Мои увлечения – это моя работа, а работа – мои увлечения» / И. Чарота ; [беседовал] В. Шурховецкий // Во славу Родины. – 2002. – 24 сентября. – С. 4.

² Чарота, И. Осврт на историју белоруске србистике / И. Чарота, А. Наумова // Књижевна историја. – 2020. – Год. 52 – Бр. 171. – С. 284.

отец продолжил совершенствовать свой разговорный язык и ближе знакомиться с сербской культурой через ее носителей, когда стал подрабатывать гидом-переводчиком в Бюро международного молодежного туризма «Спутник» и сопровождал прибывающие в СССР туристические группы из Югославии. В тот период он очень много путешествовал по Советскому Союзу и посетил много городов в различных республиках. Отец всегда подчеркивал, что освоению языка очень способствует запоминание звучащих на нем песен и рассказывал, что в те времена им было спето их немало вместе с югославами. Что же касается Веры Михайловны, то до конца ее жизни Иван Алексеевич поддерживал с ней отношения, довольно часто ездил проводить. Кстати, Алексей, старший сын Ивана Алексеевича и один из авторов этой статьи, также посещал занятия В.М. Лумбиной по сербскому языку.

1 мая 1974 года Иван Алексеевич Черота и Надежда Николаевна Иванюкович поженились. После окончания университета в августе 1974 отец был назначен учителем русского языка и литературы в Полецкишскую среднюю школу (Вороновский район Гродненской области). Интересно, что в учебном процессе этого образовательного учреждения был задействован не только отец, но и мама. Она вела уроки по черчению и была педагогическим работником в группе продленного дня. Бытовые условия у родителей были не очень хорошими. Им предоставили половину дома, в котором была очень слабая печь, а выделенного им торфа едва хватило до нового года. Узнав об этом, на зимних каникулах десятиклассники по собственной инициативе заготовили из сухостоя дрова для молодых специалистов. Мама вспоминает, что когда уже родился их первенец-сын (13 августа 1975), которого назвали в честь деда Алексея Пантелеевича, зимой в доме было настолько низкая температура, что в ведре замерзала вода.

Проработав в д. Полецкишки три года, Иван Алексеевич с женой и маленьким ребенком отправились в Минск. В сентябре 1977 года отец устроился на работу в свою Alma mater и был зачислен на должность преподавателя кафедры русского языка по обучению иностранных учащихся основных факультетов. В Белорусском государственном университете он проработал до конца своей жизни, занимая различные должности на разных кафедрах, в том числе возглавляя кафедру славянских литератур (1996–2018). В 1987 отец подготовил и защитил в Ленинграде кандидатскую диссертацию «Творчество М. А. Шолохова в литературном процессе Югославии

(1956–1980)», а в 1998 в Минске докторскую – “Беларуская літаратура XX стагоддзя і працэсы нацыянальнага самавызначэння”.

Первое время в столице БССР родители снимали комнаты, а позже им выделили помещение в общежитии БГУ, которое они за свой счет привели в порядок. 7 декабря 1980-го у них родился младший сын, которого назвали Владимир. В общежитии, которое находилось на улице Парковой (сегодня проспект Победителей, здание общежития снесли в 2011 году), семья с двумя детьми прожила до декабря 1985 г., пока не получила от Союза писателей БССР небольшую квартиру, так называемую «хрущевку», расположенную на улице Карла Либкнехта. Из нее 7 ноября 2024 года Ивана Алексеевича и забрала скорая помощь. Нужно сказать, что отец был непривередлив в быту. Когда мы заговаривали об улучшении жилищных условий, он всегда отмахивался и говорил: «Меня все устраивает. Мне и так хорошо». Одним из его любимых блюд были «квашалыны» (так в Лыцках называли холодец), которые, по его мнению, обязательно должны были присутствовать на праздничном столе. Сербская ракия была для него самым превосходным спиртным напитком. Да и вообще, отвергая любые наши возражения, он решительно заявлял, что все сербское самое лучшее.

Иван Алексеевич никогда не стеснялся своего происхождения, наоборот, даже гордился и подчеркивал, что он из крестьянской семьи. Нас отец поучал, что мы должны не забывать свои корни и знать историю рода и родословную минимум до пятого колена. Он любил рассказывать интересные истории о наших предках. Вот, например, одна из них: “Прадед по отцу, когда стальную магистраль [железную дорогу – А. Ч., В. Ч.] только прокладывали и в соответствии с планом она должна была пересечь его земельный надел, решительно воспрепятствовал этому. Предлагали большие деньги, уговаривали, угрожали... Но он не сдался. Так и проложили путь с очень значительной кривизной, и до сих пор то место называется «Кривая»”.³ Кстати говоря, принципиальность и непреклонность были свойственны многим представителям рода Черот, в том числе и отцу.

Поскольку Иван Алексеевич переводил с разных языков, бравшие у него интервью журналисты часто задавали вопрос о том, сколькими языками он владеет. В одном из них отец поведал

³ Чарота, И. Дорожки памяти – дорожки радости / И. Чарота // За мостом моего детства : путешествие вместе с литераторами по местам, где прошло их детство, по нашей родной Беларуси... : [эссе / сост. Л. Рублевская ; предисл. П. Якубовича]. – Минск, 2011. – С. 28.

следующее: “Что же касается постижения языков через печатное слово, то я начал одновременно читать по районной газете «Камуністычная праца» [на белорусском языке – *А.Ч., В.Ч.*], московской «Правде» [на русском языке – *А.Ч., В.Ч.*] и польскому букварю. К тому же у моего деда были две книги – Евангелие (конечно же, на церковнославянском) и «Кобзарь» Тараса Шевченко (разумеется, на украинском). И мне, как внуку-первенцу, разрешалось их брать, даже читать, если хочу. А я хотел”.⁴ Он рассказывал, что в своей жизни изучал более дюжины языков, но никогда не утверждал, что всеми ими владеет. По его мнению, “если кто-то говорит, что он свободно владеет большим количеством языков, то он либо обманывает, либо обманывается (у него с самооценкой не все в порядке). Настоящее знание языков – это когда человек на них легко поет песни, без особого напряжения думает и видит сны”.⁵ Отец с детства и нас обучал иностранным языкам. Например, сыновья к шести годам уже умели считать до десяти на немецком, испанском, английском и сербском языках – это было результатом ожидания с отцом транспорта на остановках. Кроме того, если кто-то звонил из Югославии, мы знали набор фраз, чтобы поздороваться, попрощаться и, если отца не было дома, объяснить, когда ему лучше перезвонить.

Вспомним еще один факт биографии Ивана Алексеевича: в 1979 году он готовил документы, чтобы поехать на Кубу преподавать в Гаванском университете. Но по какой-то причине разрешение на выезд из СССР не дали. Возможно, из-за того, что отец был беспартийным. Впоследствии ему неоднократно предлагали преподавать в зарубежных университетах (в Испании, Польше), но он всегда отказывался, объясняя нам: “Если ехать, то только всей семьей. А мои сыновья должны получить образование в Беларуси”.

Несмотря на то, что большую часть жизни отец прожил в Минске, городская среда для него так и не стала близкой. В частности, отец пользовался метрополитеном лишь в случаях, когда в то или иное место сложно было добраться на наземном транспорте. Его всегда тянуло в родные места. Если он приезжал в Лышчики в конце лета – ранней осенью, то обязательно шел в лес, потому что очень любил не только собирать грибы, но и есть их, особенно лисички.

⁴ Чарота, И. Ухо «открывается», а затем рот... / И. Чарота ; [беседовала] Е. Шибко // Рэспубліка. – 2009. – 1 снежня. – С. 4.

⁵ Там же.

Поскольку родная деревня находилась довольно далеко от Минска (более 300 километров) и часто ездить туда было проблематично, он решил приобрести участок земли поближе. Свой выбор остановил на легендарном писательском дачном товариществе в 15 километрах от города, который литераторы называют Лысой Горой. Как раз наследники продавали дачу недавно умершего поэта Евгения Миклашевского. Несколько лет мы всей семьёй занимались благоустройством, был возведен новый бревенчатый дом с балконом. Последние годы жизни отец при любой возможности старался поехать туда: все время что-то строил, перестраивал, сажал, обрезал плодовые деревья, которые очень любил. Кстати, после смерти своего отца, Алексея Пантелеевича, в память о нем посадил в Лышиках не менее десятка вишен. А на даче не разрешал спилить большую старую черешню, которая занимала половину участка, а почти весь урожай с нее доставался птицам.

7 ноября 2024 года родители тоже собирались ехать на дачу...

Отец всегда много работал и не очень умел отдыхать. Он трудился и в выходные дни, и в праздники, и в отпуске. Например, в те времена, когда Новый год мы встречали еще всей семьей, праздничный стол накрывался в часов 8–9 вечера. Посидев за ним минут пятнадцать, он уходил работать и просил позвать его, когда до Нового года останутся считанные минуты. Что же касается отпусков, то только два раза мы всей семьей выезжали на отдых за пределы Беларуси. Это были две поездки (в конце 80-х – начале 90-х гг.) в Дом творчества писателей, который находился в абхазском городе Пицунда на берегу Черного моря. Там мы заметили, что отец пишет еще и стихи, но результатами своего поэтического творчества с нами он не делился. Такая его загруженность объясняется тем, что, помимо преподавания на филфаке БГУ, переводов, написания собственных статей и книг, он выполнял достаточно большое количество общественных обязанностей, к которым относился очень ответственно. Еще в 2002 году журналисту газеты “Во славу Родины” отец рассказывал: “Надо мной подшучивают близкие и друзья, потому что, когда нет моих лекций, могу по несколько суток не выходить из квартиры, работая с восьми утра до двенадцати часов ночи. Ясно, что такой напряженный труд сказывается

на здоровье. Но доволен, если выполняю ту работу, за которую взялся”.⁶ Мы можем подтвердить, что это чистая правда. При этом общественная нагрузка ему не оплачивалась. Когда же мы спрашивали, зачем тебе это нужно? Он отвечал, что это надо сделать и он соглашается, поскольку больше некому. Отец сам так поступал и нас всегда учил: если берешься за что-то, то подходи к этому со всей серьезностью, отдавая все силы, чтобы сделать хорошо, потому что халтуру делать неприлично.

Перед тем как публиковать свои научные статьи, Владимир высылал их по электронной почте отцу, чтобы узнать его мнение. В ответ получал следующие оценки своих трудов: “Сносно”, “В принципе, нормально”, “Вполне нормально, кажется”, “В принципе, пойдет” и подобное. Отец был очень требователен к результатам как собственного труда, так и нашего. Перечисленные выше фразы воспринимались от него как похвала. Прочитав очередную статью младшего сына, 5 ноября 2024 года он отправил по электронной почте следующее сообщение: “Някепска. Хоць і занудна. І.Ч.». На него Владимир ответил: “Про занудно сам понимаю, но не знаю, как можно было сделать по-другому”. 6 ноября он получил последнее письмо по электронной почте от отца следующего содержания: “Что ж, наука – не юмористика. И.Ч.”.

Хотелось бы еще остановиться на написании фамилии, с которой часто возникали непонятные ситуации и даже курьёзы. На русском языке наша фамилия пишется через “е”, а на белорусском через “а”. А отец все свои и научные, и творческие работы по-русски всегда подписывал “Чарота”. Мы считали, что это у него вроде псевдонима. Но когда старший сын начал работать в редакции журнала и потребовались паспортные данные отца для оформления гонорара, Алексей попросил их прислать. Увидев написанную на русском языке фамилию через “а”, естественно, задался вопросом почему, ведь это официальный документ. Решил уточнить. Отец ответил, что так написано у него в паспорте. Но у детей во всех документах фамилия пишется через “е”. Поэтому все-таки решили посмотреть и его паспорт. Конечно же, и там была буква “е”, но Иван Алексеевич привык к своему “псевдониму” и был уверен, что он Чарота и по документам.

⁶ Чарота, И. «Мои увлечения – это моя работа, а работа – мои увлечения» / И. Чарота ; [беседовал] В. Шурховецкий // Во славу Родины. – 2002. – 24 сентября. – С. 4.

В последние годы жизни отец неоднократно говорил нам, что хотел бы быть похоронен возле дорогого нашему роду Вежецкого (местные жители также называют «Вежковским») храма (храм Вознесения Господня в д. Огородники Жабинковского района Брестской области). Когда же 7 ноября 2024 года Иван Алексеевич ушел в мир иной, последнюю волю отца удалось исполнить благодаря поддержке Вениамина, Митрополита Минского и Заславского, Патриаршего Экзарха всея Беларуси, а также при содействии настоятеля храма Вознесения Господня, иерея Владимира Кондрашука. Иван Черота покойся у стен храма, прихожанами которого были его предки.

*Алексей Иванович Черота и Владимир Иванович Черота
Минск*

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- Чарота, И. «Мои увлечения – это моя работа, а работа – мои увлечения» / И. Чарота ; [беседовал] В. Шурховецкий // Во славу Родины. – 2002. – 24 сентября. – С. 4.
- Чарота, И. Дорожки памяти – дорожки радости // За мостом моего детства : путешествие вместе с литераторами по местам, где прошло их детство, по нашей родной Беларуси... : [эссе / сост. Л. Рублевская ; предисл. П. Якубовича]. – Минск, 2011. – С. 24–28.
- Чарота, И. Осврт на историју беларуске србистике / И. Чарота, А. Наумова // Књижевна историја. – 2020. – Год. 52 – Бр. 171. – С. 281–296.
- Чарота, И. Ухо «открывается», а затем рот... / И. Чарота ; [беседовала] Е. Шибко // Рэспубліка. – 2009. – 1 снежня. – С. 4.

ИВАН ЧАРОТА КАК АКТИВИСТ НАРОДНОЙ ДИПЛОМАТИИ

Весьма признателен организаторам конференции и симпозиума за увековечивание памяти о профессоре Иване Алексеевиче Чароте – большом белорусском ученом с высоким зарубежным авторитетом.

Его образ в моем восприятии многогранен: пытливый и неутомимый исследователь, писатель и переводчик с международным признанием, прекрасный педагог, наставник и Человек с большой буквы, который любил свое Отечество, свою Малую Родину, свой университет и факультет.

И я благодарен судьбе, что свела меня с Иваном Алексеевичем. Думаю, что я как белорус могу образно именовать его зубром белорусской лингвистики и славянского языкознания. Он несомненно был подвижником и во многом первопроходцем в этих областях с твердой духовной основой – верой православной.

Применительно к нашей стране и ее научной среде это, можно сказать, был человек-эпоха. Целеустремленный. С активной жизненной позицией, человеколюбием и добрым сердцем. Не только с бесценным вкладом в развитие отечественной и международной науки, но и в целом в жизнь нашего общества, Белорусской православной церкви. С планами на будущее, с учениками и последователями...

Общаясь с Иваном Алексеевичем и в Минске, и в Белграде, воспринимал его как светлую и многоплановую Личность, интересного собеседника с широким кругозором, Учителя по призванию.

И одновременно он был для меня как «братка-беларус», выходец из глубинки, покоривший научные вершины в столице и за рубежом.

Являясь дипломатом, могу с уверенностью и полным правом называть академика и профессора И.Чароту достойным представителем народной дипломатии, который внес значительный вклад в развитие белорусско-сербских отношений. Он много лет возглавлял Общество дружбы «Беларусь-Сербия», был почетным иностранным членом Сербской академии наук и искусств, кавалером государственных

наград Республики Беларусь, Российской Федерации и Республики Сербии.

Я познакомился с Иваном Алексеевичем четверть века назад, в первой моей командировке в Белград в качестве советника Посольства Беларуси в Югославии. Но гораздо чаще мы взаимодействовали в 2011–2017 годах – в период моей работы в должности посла Беларуси в Сербии. До сих пор с теплотой перелистываю в памяти отдельные страницы тех лет.

Через пару месяцев после моего приезда в Белград Иван Алексеевич посетил Посольство Беларуси в Сербии в декабре 2011 г. вместе с известной писательницей Невеной Витошевич-Чеклич. Тогда мы обсудили вопросы двустороннего сотрудничества в области литературы, образования, книгоиздания, планы на новые переводы.

Позитивной атмосферой общения и славянской тематикой запомнилась важная и по-особенному значимая для Ивана Алексеевича встреча в красивом здании Сербской академии наук и искусств в центре Белграда в июне 2012 г. Тогда мы стали гостями мудрого Добрицы Чосича – исторической личности, известного писателя и первого президента Союзной Республики Югославии. Душевно и «на одной волне» поговорили с классиком за чашечкой традиционного сербского кофе после того, как авторы-собеседники обменялись своими книгами с дарственными надписями.

А завтра при полном зале в Национальной библиотеке Сербии проходила презентация книги «Антология белорусской поэзии» с участием послов Беларуси, России и Украины, представителей Парламента, МИД и Министерства культуры Сербии. Составителем этого уникального издания был, разумеется, наш профессор И.А.Чарота.

В фойе была развернута обширная выставка изданных в Беларуси книг из фонда библиотеки, а хор «Слависты» филологического факультета Белградского университета исполнил «Купалинку» и несколько других белорусских песен. Получился настоящий праздник Беларуси в столице Сербии.

Затем эта книга-антология стала хорошим подарком Посольства и была вручена президенту Сербии Томиславу Николичу, премьер-министру Александру Вучичу (ныне президент страны), патриарху сербскому Иринею, главе парламента, министрам иностранных дел, культуры, депутатам, а также передавалась Посольством в несколько

библиотек Сербии, а также в Боснию и Герцеговину (через журналистку и писательницу Лилянну Булатович).

Вскоре после презентации состоялась церемония вручения Ивану Алексеевичу как писателю и переводчику награды организации «Српска књижевна задруга» (СКЗ) в их здании в Белграде.

Затем мы посетили мастерскую известного югославского и сербского художника, с которым я познакомил профессора. Это был искренний друг нашей страны Мича Трнавац, который способствовал продвижению творчества белорусских художников в Сербии. Тепло поговорили о православной вере и славянской общности наших братских народов и развитии культурных связей.

В сентябре 2012 г. Иван Алексеевич отмечал юбилей. От имени Посольства направил поздравительное письмо профессору БГУ И.Чароте по случаю его 60-летия. Позднее, уже при очередной встрече в Посольстве, вручил ему и грамоту белорусской дипмиссии.

В октябре 2012 г. Иван Алексеевич был удостоен награды Белградской международной книжной выставки (крупнейшей на Балканах), состоялась и передача его новых книг Национальной библиотеке Сербии.

В январе 2013 г. Иван Алексеевич вновь посетил Белград. На этот раз он был гостем Посольства Беларуси вместе с Игорем Воюшем (один из авторов памятника Патриарху Алексию II в Витебске). Иван Алексеевич вместе с ним помогали в восстановлении церкви Св.Параскевы в одном из косовских сёл книгами и иконами, а также сбором финансовых средств в ходе гуманитарной акции прихожан Белорусской православной церкви. Речь идет о селе Дрсник (Клина) и храме «Света Петка», построенном в 1570-х годах и сильно поврежденном (сожженном) в 1999 году. Поэтому некоторые из переданных в дар белорусских икон были сделаны в металлических окладах.

Вспоминается, как в мае 2013 г. вместе ездили на празднование Дня славянской письменности в Университете города Крагуевац (древней столице Сербии) по приглашению ректора. Выступление маститого ученого, академика И.Чароты с неподдельным интересом слушали преподаватели и студенты этого крупного вуза дружественной нам страны. Университетской библиотеке он подарил несколько своих книг.

В октябре 2013 г. профессор в очередной раз приезжал в Белград для участия в международной конференции «Духовное

братство и геополитическое пространство». По доброй традиции он зашел в Посольство и после разговора за чашкой кофе мы вместе отправились в Русский дом, где был организован упомянутый форум.

В 2013 году большие заслуги Ивана Алексеевича отмечены в Белграде: он был удостоен государственной награды Республики Сербии. Президент Томислав Николич подписал указ о награждении Ивана Чароты Серебряной медалью «За заслуги». Отмечу, что ранее, в 2004 году, наш профессор стал кавалером ордена Святого Саввы III степени – высокой награды Сербской православной церкви.

В марте 2014 г. в связи с 15-летием агрессии НАТО против Югославии Иван Алексеевич вместе с председателем правления Белорусского фонда мира Максимом Владимировичем Мисько несколько дней с плотным графиком провел в Сербии по приглашению Белградского форума (общественная организация, созданная и возглавляемая бывшим министром иностранных дел Югославии Живадином Йовановичем). Мы втроем приняли участие в Международной конференции «Глобальный мир против глобального интервенционизма и империализма» в столичном конгресс-центре («Сава-центар»). Я организовал для профессора встречи с почетным консулом Беларуси в Белграде, депутатом парламента Драгомиром Каричем и с председателем Общества дружбы «Сербия-Беларусь» Драганой Кузманович-Яничич.

Через два месяца, в мае, неугомимый Иван Алексеевич уже по приглашению писателя и журналиста Момира Лазича вновь гостил в Белграде. Он участвовал в мероприятиях Союза писателей Сербии, в т.ч. в презентации книги Раде Драинца (в переводе профессора И.Чароты).

Особенной – торжественной и трогательной – атмосферой запомнилась вечерняя церемония вручения ежегодной престижной «Награды Фонда братьев Каричей» в Национальном театре Сербии в сентябре 2014 г. В тот год наш профессор был в одном списке награжденных с Президентом России В.В.Путиным и олимпийскими звездами сербского спорта. Взволнованный белорусский гость уверенно выступил перед полным залом театра в присутствии политического и творческого бомонда страны, а затем вместе с супругой Надеждой Николаевной принял участие в теплом общении лауреатов и гостей на приеме, а на следующий день посетил наше Посольство. Позднее организаторами была выпущена книга об этом

событии и награжденных, которую я с удовольствием в качестве дипкурьера привез в Минск и вручил при встрече Ивану Алексеевичу.

В ноябре 2014 г. (юбилейный год 100-летия начала Первой мировой войны) в Белграде состоялась презентация книги «Сербия в Первой мировой войне» на русском языке – в переводе с сербского профессора И.Чароты. Он следил за этими новостями из Минска, а мне было интересно участвовать в этом знаковом мероприятии и приятно слышать слова благодарности в его адрес. А спустя три недели уже сам Иван Алексеевич принял участие в Свято-Михайловской международной конференции «Первая Мировая» в Минске.

Знаковым событием стал выпуск книги к 22-й годовщине установления дипломатических отношений между Беларусью и Сербией. Иван Алексеевич дал сборнику название «Белорусы о Сербии». Презентация новой книги состоялась 25.10.2016 в величественном здании Парламента Сербии. Этому интересному изданию также было суждено стать хорошим символическим подарком Посольства Беларуси для руководства Сербии и друзей нашей страны. С благодарностью отмечу, что здесь мы опирались на оказанную поддержку почетных консулов Беларуси в городах Белград, Нови-Сад и Крагуевац: это депутат Драгомир Карич, Драголюб Швоня и Зоран Вулович.

В июне 2015 г. профессор БГУ и академик Сербской академии наук и искусств Иван Алексеевич Чарота снова побывал в Белграде, а также выезжал в сербский автономный край Косово и Метохия. Состоялся и традиционный разговор на актуальные темы в Посольстве Беларуси.

А в октябре профессор вновь был гостем Посольства, когда приезжал на юбилейную 60-ю Белградскую международную книжную выставку и для выступления с «инаугурационной» лекцией в Академии наук и искусств Сербии. Белорусский стенд на юбилейной выставке посетили тогда вице-спикер Парламента, заместитель Министра культуры Сербии, мои коллеги-дипломаты ряда стран. Мы с профессором также познакомились со стендом общества «Кириллица» по приглашению его председателя Ивана Стратимировича.

Через год, в 2016-м, я снова с радостью приветствовал Ивана Алексеевича в стенах Посольства. В тот раз он был гостем Белграда по приглашению «СКЗ» и встречался с директором «задруги» Ниной Новичевич на 61-й Белградской международной книжной выставке. В эти же дни с визитом в Белграде находилась министр информации

Беларуси Лилия Станиславовна Ананич. В рамках визита проф. И.А.Чарота вместе с ней и со мной был на акции «100 лучших книг Беларуси» в Национальной библиотеке Сербии.

25.10.2016 в президентском дворце Иван Алексеевич и я участвовали во встрече Л.С.Ананич с Президентом Сербии Томиславом Николичем.

А вскоре моя дипломатическая миссия в Белграде завершилась... Но не закончились встречи с Иваном Алексеевичем. Наши контакты продолжились. Мы «пересекались» в Минске, в том числе на мероприятиях в Посольстве Сербии в Беларуси вместе с Послом Сербии Велько Ковачевичем. Однажды посещал профессора и в его обители – на кафедре филологического факультета БГУ. А когда я уехал послом Беларуси в Польшу, то из Варшавы, а затем уже из Баку – переписывались по электронной почте.

Будет уместным также отметить, что на мероприятиях в Сербии бывал не только сам Иван Алексеевич, но и его сын Алексей Иванович Черота – тоже выпускник филфака БГУ, публицист, переводчик, журналист, заместитель председателя Союза писателей Беларуси. Приезжал в Белград, помогал и поддерживал профессора словом и делом журналист, писатель Александр Николаевич Карлюкевич – бывший министр информации, ныне председатель Союза писателей Беларуси.

Наша последняя встреча с профессором была в июле 2024 года за чашкой кофе в минской «Лакомке». Он после операции говорил о своей задаче по подготовке «молодой смены» и особо отмечал доцента Анну Владимировну Наумову и ее научную работу. Мы вспоминали сербов и Сербию, переводчицу Даяну Лазаревич, наших почетных консулов. Иван Алексеевич увлеченно говорил о планах, с оптимизмом смотрел в будущее, хвалил учеников...

Символично, что одним из последних мероприятий с участием Ивана Алексеевича была торжественная церемония закладки на территории района «Минск-Мир» православного Храма – копии Печки Патриаршей в сербском крае Косово и Метохия. Кстати говоря, мне посчастливилось посетить г.Печ и увидеть эту святыню Веры и Духа сербского народа в январе 2012 года на Рождество Христово вместе с послом России Александром Васильевичем Конузиным и известным белорусским художником профессором Виктором Владимировичем Альшевским.

В моей библиотеке бережно храню книги с дарственными надписями и автографами Ивана Алексеевича, внесшего большой вклад в развитие дружественных отношений Беларуси и Сербии как яркий представитель народной дипломатии. Он любил жизнь, любил Беларусь и Сербию. Врезались в память произнесенные им с улыбкой слова о том, что по сути своей научной работы и душевной привязанности он – «белосрбин». Запомним его таким.

*Владимир ЧУШЕВ,
Чрезвычайный и Полномочный Посол
Республики Беларусь в Республике Сербии
в 2011-2017 годах*

На фольклорной практике в 1970 году.

Иван Чарота в роли туристического гида в Москве в 1973 году с гостями из Сербии.

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ ЧАРОТА – БОЛЬШОЙ УЧЁНЫЙ И ДРУГ СЕРБИИ

В ноябре 2024 г. в возрасте 73 лет ушёл из жизни профессор Кафедры теоретического и белорусского литературоведения филологического факультета БГУ Иван Алексеевич Чарота. Иван Чарота – доктор филологических наук, профессор, лауреат Премии Республики Беларусь «За духовное Возрождение», член Президиума Союза писателей Беларуси.

Иван Чарота хорошо знал сербский язык и был единственным в республике переводчиком-сербистом. Его знали в Сербии как известного белорусского слависта, литературоведа, переводчика. Поэтому в 2009 г. его избрали иностранным членом Сербской академии наук и искусств.

Иван Чарота заведовал Кафедрой славистики (славянских литератур) в Белорусском государственном университете. Его помнят студенты нескольких поколений, слушавшие его лекции. По его лекциям студенты узнавали историю и культуру славян на Балканах, изучали язык народов бывшей Югославии. Иван Чарота организовывал поездки белорусских студентов на стажировки в ведущие вузы Сербии. Сам он был великолепным переводчиком. Число его замечательных переводов составляет более 1200 отдельных изданий.

Будучи глубоко верующим человеком, профессор способствовал установлению дружеских связей между Белорусской и Сербской Православными Церквями.

С Иваном Чаротой мы познакомились в Сербии в 90-е годы. Югославия (Сербия и Черногория) тогда была под санкциями, народ жил трудно, самолёты в Белград не летали, поезда не доходили. Научная и общественная жизнь была сведена к минимуму. Но Институт истории, который тогда возглавлял доктор исторических наук Славенко Терзич, противясь санкциям, каждый год собирал международную конференцию. Темы были разные – и исторические, и о современности. Но важно было, из каких государств приезжали учёные. Своим участием в конференции в стране, где и наука была под санкциями, они выражали солидарность с сербами, несправедливо

осуждёнными мировым сообществом. Помню, что одна из последних конференций в апреле 1999 г. проходила во время агрессии НАТО. На Белград падали бомбы и во время выступления участников конференции, и во время дискуссий. Но никто не захотел спуститься в бомбоубежище. Конференция продолжилась.

Иван Чарота в разговорах осуждал агрессию НАТО на Югославию, понимал, как влияют на умы обычных людей (русских, белорусов, украинцев) европейские и натовские структуры, как их манят «витринные реалии» и «европейские ценности». Для Чароты было ясно, что нам предлагали быть открытыми сатанизму, культу силы, аморали, разрушению тысячелетних традиций. Разве можно, – говорил он, – бомбами толкать Сербию на «демократический» путь?». Он предлагал издавать сербских авторов на белорусском и русском языках, думал об обменах студентами.

Больше всего его интересовали вопросы культуры и литературы славянских народов. Исследуя их генетические, типологические и контактные взаимодействия, он утвердился как ведущий югославист Белоруссии, высокоавторитетный специалист в области сравнительного литературоведения и культуроведения. Чарота писал и говорил, что название "славяне" этимологически происходило от 'слов' и 'славы', что изящная славянская словесность принадлежит к значительнейшим сокровищам мировой культуры.

Библиография его работ обширна – более 600 наименований, среди которых книги о Сербской православной церкви, о Косовской битве, пять томов о сербской литературе и ряд других.

Коллеги профессора пишут, что его жизненным девизом было «Не прятаться от истины», что отражало его жизненную позицию и оптимизм. Он служил науке и истине всю жизнь.

*Елена Ю. Гуськова
Институт славяноведения РАН,
Москва, Россия*

ПЛЕНАРНОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ РЕДАКТОРА

Александра Савич*

Институт политических исследований, Белград, Сербия

КОНЦЕПТ ЗЕМЛИ В БЕЛОРУССКИХ ЛЕГЕНДАХ (К ВОПРОСУ О КОМПАРАТИВНОМ ИЗУЧЕНИИ ФОЛЬКЛОРА ИВАНА А. ЧАРОТЫ)⁷

Аннотация

В работе исследуется концепт земли в белорусских легендах, которые для сербской публики подготовил Иван А. Чарота, славист, компаративист и иностранный член САНУ из Беларуси. К анализу легенд и способов, которыми в них используется язык, мы подходим с междисциплинарной точки зрения, сочетая теории и методы когнитивной лингвистики, социолингвистики и исследований культуры памяти. Во вводных разделах дан обзор отношений между народной литературой и языком, а также представлен взгляд на современные подходы к изучению фольклора. В центральной части проанализировано использование концепта *земля* с трёх отдельных перспектив: земля как мать, земля как граница миров и земля как отечество. В этих парадигмах земля обобщается как кормилица, граница, отделяющая человеческое и божественное, а также как пространство для жизни, труда и выживания народа. В заключении суммируются полученные результаты и подчёркивается значение легенд для изучения общественного и политического устройства тогдашней Беларуси, а также мировоззрения белорусов и роли концепта земли в активной культурной памяти этого народа.

Ключевые слова: концепт земли, когнитивная лингвистика, легенды, культура памяти, социолингвистика, активная память, белорусы, Иван Чарота

ВВЕДЕНИЕ – ФОЛЬКЛОР И (СОЦИО)ЛИНГВИСТИКА

Традиционные толкования народной литературы⁸ основываются на фольклористике, антропологии и на сравнительных исследованиях

* Е-мэйл-адрес: aleksandra.savic@ips.ac.rs. ORCID: 0000-0002-0905-6655.

⁷ Данная статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта Синодальной исторической комиссии (01.12.2025–01.12.2026).

⁸ В данной работе, учитывая тему исследования и заранее определённый материал, понятия народная литература, фольклор и устная литература

устного творчества различных народов, т. е. на сборе, обработке и анализе разнородных форм народного выражения, выявлении остатков прежнего культурного сознания и нахождении их общих черт.⁹ Благодаря развитию этих наук начиная с XIX века и далее, а в некоторых случаях и ранее мы знакомимся с традицией и наследием различных обществ и имели представление об общем мифологическом происхождении многих мотивов даже в географически наиболее удалённых рассказах.

В наше время эта область заново осмысливается, реинтерпретируется и исследуется во многих междисциплинарных проектах, поэтому фокус исследователей часто смещается на общественные и политические отношения, которые отражаются через народное творчество. Например, можно выделить как интересные исследования роли сказок братьев Grimm и в целом народных рассказов в процессе социализации немецкого общества и в формировании специфической системы ценностей, которые распознали и нацисты,¹⁰ или, в нашем регионе, рассмотрение легенд о Тито в политической социализации детей в Югославии.¹¹

рассматриваются как синонимы, хотя мы осознаём определённые различия между ними. Об этих различиях см.: Самарџија Џеџана. Увод у усмену књижевност. Београд: Народна књига Алфа, 2007.

⁹ Милошевић Ђорђевић Нада. Од бајке до изреке. Београд: Чигоја штампа, 2006. С. 7–10.

¹⁰ Считается, что роль сказок в нацистском режиме была чрезвычайно значительной, а забота о «правильных» ценностях у детей проявлялась через продвижение одних и запрет других книг, веру в то, что некоторые народные сказки представляют чистую арийскую традицию, а также через исключительные усилия образовательных учреждений, партийных функционеров и критиков интерпретировать сказки в соответствии с нацистской идеологией. Zipes Jack. Fairy Tales and the Art of Subversion. London: Routledge, 2006. Pp. 138–169.

¹¹ В работе «Политический фольклор и методологические вызовы: дискурсивно-мифологический анализ рассказов о детстве Тито» автор Лазаревић-Радак анализирует, как рассказы и легенды о детстве пожизненного президента второй Югославии участвовали в формировании политических установок и в идентификации детей с Тито. Лазаревић Радак Сања. Политички фолклор и методолошки изазови: дискурсивно-митолошка анализа прича о Титовом детињству // Савремена српска фолклористика X, зборник научних радова, ур. Јелена Јовановић и Бранко Златковић. Београд: Удружење фолклориста Србије, 2022. С. 497. Возможно, было бы интересно сопоставить

Учитывая записанную и сохранённую от забвения впечатляющую коллекцию народной литературы по всему миру, а также последующий интерес к взаимосвязи устных форм выражения с обществом, в котором они возникали, сегодня практически общепринятым является мнение о том, что изучение фольклора не может сводиться к одной науке и что необходимо вводить интегративные подходы, охватывающие взаимосвязанные измерения человеческого выражения, языка, общества, культуры, истории и политики.¹² Таким образом, в современном лингвистическом и социолингвистическом¹³ анализе устных жанров внимание прежде всего направлено на дискурс-исследования, на изучение нарратива, а также на культурную память. Кроме того, даже критическая социолингвистика занимается исследованием фольклора, изучая, как неравные отношения в обществе отражаются через использование языка.¹⁴ Когда речь идёт о дискурсе, и в предыдущих исследованиях народной литературы было отмечено, что «общей основой изучения языка и фольклора в некотором смысле является традиция».¹⁵ В этом смысле фольклорный дискурс определяется как коллективная коммуникативная деятельность особого рода, характеризующаяся наличием определённой социальной цели и обусловленная

это исследование с работой, интерпретирующей возникновение эпической легенды о Тито в 1976–1977 гг. Љубинковић, Ненад. Старо и ново у обликовању епске легенде о Титу // Народно стваралаштво. Фолклор, вол. 15–16, бр. 57–64, 1976–1977. С. 17–30. Подобные тенденции в советских странах упоминает и Иван Чарота: «достаточно вспомнить то, что старшее поколение хорошо помнит — как фольклорные сборники советского периода доказывали легитимность и разумность безбожия». Чарота Иван. Жива вода: белоруска народна предања и легенде. Београд: Алма, 2021. С. 13.

¹² Gülüm Erol. Folkloric memory: (Re)connecting the dots for broader perspectives // Memory Studies vol. 16, num. 6, 2023. p. 2.

¹³ Для обзора социолингвистических теорий, касающихся изучения фольклора, стоит упомянуть систематическую и наглядную работу McDowell John Holmes. Folklore and Sociolinguistics // Humanities, vol. 7, num. 1, 2018. Pp. 1–12, в которой представлены многие методологические и теоретические подходы к изучению народной литературы в рамках социолингвистического анализа.

¹⁴ Albury Nathan. How folk linguistic methods can support critical sociolinguistics // Lingua, num. 199, 2017. p. 37.

¹⁵ Милошевић Ђорђевић Нада. Од бајке до изреке. Београд: Чигоја штампа, 2006. С. 24.

внеязыковыми факторами.¹⁶ Далее, весьма близкий к дискурсивным исследованиям анализ нарратива¹⁷ предполагает, что вся этнография основана на создании историй, которые содержат специфические нарративы, а они со временем могут изменяться.¹⁸ Некоторые авторы даже считают, что устная история и прошлое каждого народа являются своего рода социальной конструкцией.¹⁹ Анализ нарратива также всегда предполагает, что нарратив — это особый тип языка. Наконец, исследования памяти занимаются изучением происхождения устной традиции и способов её передачи на протяжении длительных периодов времени.²⁰ И в этих подходах важна роль языка, поскольку его задача — передавать и преобразовывать прошлое.²¹ Таким образом, и

¹⁶ Илић Марија. Фолклорни текст у процесу заборава // Гласник Етнографског института Српске академије наука и уметности, вол. LIII, бр. 1, 2005. С. 321–334; Albury Nathan. How folk linguistic methods can support critical sociolinguistics // *Lingua*, num. 199, 2017. Pp. 36–49; McDowell John Holmes. Folklore and Sociolinguistics // *Humanities*, vol. 7, num. 1, 2018. Pp. 1–12.

¹⁷ Некоторые исследователи считают, что нарративы являются составной частью дискурса, тогда как другие понимают нарратив как отдельную область. Sharp Nicole, Bye Rosalind A., Cusick Anne. Narrative Analysis // *Handbook of Research Methods in Health Social Sciences*, ed. Praneet Liamputtong. Singapore: Springer, 2019. Pp. 862–880.

¹⁸ Bruner Edward. Etnography as Narrative // *The Anthropology of Experience*, ed. Victor Turner and Edward Bruner. Chicago: University of Illinois, 1986. Pp. 139–155.

¹⁹ Tonkin Elisabeth. Narrating our pasts. The social construction of oral history. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. В своей знаменитой работе о нарративах Ролан Барт (Roland Barthes) пишет: «Более того, под этим почти бесконечным разнообразием форм нарратив присутствует во всякое время, в каждом месте, в каждом обществе; он начинается с самой истории человечества, и нигде не существует и никогда не существовало народа без нарративов. Все слои, все человеческие группы имеют свои нарративы, в восприятии которых очень часто совместно участвуют люди различных, даже противоположных культурных фонов. Не заботясь о разделении на хорошую и плохую литературу, нарратив является международным, трансисторическим и транскультурным». Barthes Roland. *Image, Music, Text*. London: Fontana Press, 1977. p. 79.

²⁰ Gülüm Erol. Folkloric memory: (Re)connecting the dots for broader perspectives // *Memory Studies* vol. 16, num. 6, 2023. p. 4.

²¹ Mlynář Jakub. Language and Collective Memory: Insights from Social Theory // *Slovenská politologická revue*, vol. 14, num. 3, 2014. p. 218.

традиционные, и современные исследования фольклора объединяет общий знаменатель — язык.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ

В данной работе к анализу легенд мы подходим с междисциплинарной точки зрения, сочетая теории и методы когнитивной лингвистики, социолингвистики и исследований культуры памяти. Кроме того, учитывая, что народное творчество прежде всего принадлежит литературе, необходимо иметь в виду, что исследование языка в каком-либо жанре проводится с пониманием того, что каждый тип повествования обладает определёнными специфическими особенностями, важными для полного понимания его роли в фольклоре.²² Языковой анализ фольклора мы будем основывать на методологических и теоретических рамках когнитивной лингвистики, которая исходит из представления о том, что язык является одним из основных средств выражения знаний и мышления в мире, поскольку считается, что «понятийные системы, формирующиеся внутри человеческого ментального аппарата, служат исходной основой для формирования семантических данных каждого языка (...) эти понятийные системы отражают наше восприятие реальности, которое по своей природе субъективно, но определяется и коллективным опытом».²³ Иными словами, способ, которым мы используем концепты на различных языковых уровнях, говорит о том, как мы понимаем общество и как отдельные явления оформлены в нашем мировоззрении. Наблюдая за тем, как наше мышление, знания и опыт отражаются через использование языка, мы можем определить и то, как они сохраняются и передаются в коллективной памяти. Помимо того, что язык в фольклоре отображает «пережитое» прошлое, он также выполняет функцию отражения общего отношения к нему, поскольку прошлое

²² Например, сравнивая легенды и сказки как виды фольклора, основанные на сверхъестественном и фантастическом, можно заметить, что, в отличие от сказок, в легендах потустороннее не ставится под сомнение. Кроме того, для легенд характерно строгое наказание за нарушение моральных норм, чего в сказках не наблюдается. Самарџија Ѕњежана. Увод у усмену књижевност. Београд: Народна књига Алфа, 2007.

²³ Слијепчевић Бјеливук Светлана (ур.). Појмовник српских лингвистичких појмова. Београд: Прометеј, 2023. С. 318.

именно посредством культурной памяти преобразуется в символы.²⁴ Этот процесс в исследованиях культуры и политики памяти называется активной памятью и определяется следующим образом: «Активное измерение культурной памяти поддерживает коллективную идентичность (...) Оно строится на небольшом числе нормативных и формирующих текстов, мест, личностей, артефактов и мифов, которые должны активно циркулировать и передаваться через новые представления и исполнения. Такая память сохраняет и воспроизводит культурный капитал общества, который постоянно перерабатывается и вновь подтверждается. Всё, что вошло в активную культурную память, прошло через строгие процессы отбора, которые обеспечивают отдельным артефактам постоянное место в культурной памяти общества».²⁵

Исходя из всего вышесказанного, можно определить и исходную гипотезу данного исследования: на основе анализа концепта «земля»²⁶ и способов его использования в легендах возможно определить мировоззрение белорусов, исследовать, как через его употребление преломляются текущие общественные и политические отношения и как

²⁴ Gülüm Erol. Folkloric memory: (Re)connecting the dots for broader perspectives // *Memory Studies* vol. 16, num. 6, 2023. p. 5. Так это представляет Алеида Ассман (Aleida Assmann): «Через культуру люди создают временную рамку, которая превышает длительность индивидуальной жизни, связывая прошлое, настоящее и будущее. Культуры устанавливают своего рода договор между живыми, мёртвыми и теми, кто ещё не родился. Вспоминая, повторяя, читая, комментируя, критикуя и обсуждая то, что сохранено в далёком или недавнем прошлом, люди участвуют в расширенных горизонтах производства смысла. Им не нужно начинать заново в каждом поколении, поскольку они стоят на плечах гигантов, знания которых могут вновь использовать и интерпретировать». Assmann Aleida. *Canon and Archive* // *Cultural Memory Studies*, ed. Astrid Erll and Ansgar Nünning. New York: Walter de Gruyter, 2008. p. 97. Следовательно, память передаётся не генетически, а посредством символов.

²⁵ Assmann Aleida. *Canon and Archive* // *Cultural Memory Studies*, ed. Astrid Erll and Ansgar Nünning. New York: Walter de Gruyter, 2008. p. 100.

²⁶ Лексема *земля* как отражение языковой картины природы недавно исследовалась на материале сербского языка, а именно во фразеологизмах, и эта работа чрезвычайно ценна для возможных сравнительных лингвистических исследований сербского и белорусского языков. Штрбац Гордана. Лексема *земља* као одраз језичке слике природи // *Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду*, књ. XLV, бр. 2, 2020. С. 191–205.

он входит в активную культурную память белорусского народа, передавая потомкам специфическую систему мышления и верований.

БЕЛОРУССКИЕ ЛЕГЕНДЫ В ОТБОРЕ ИВАНА ЧАРОТЫ

Легенды в самом широком смысле определяются как особый жанр народной литературы, который повествует о возникновении какого-либо локалитета или касается святых и героев и в котором «высшая сила доминирует над человеком, а нарушения морального кодекса никогда не остаются без долговременных последствий».²⁷ Учитывая их суженную национальную перспективу,²⁸ возможно, неудивительно, что именно этот жанр наименее анализировался в структуралистских интерпретациях фольклора.²⁹ Это фактически означает, что сравнительные исследования этого вида народной литературы менее популярны, чем некоторые другие, например сказки, именно из-за того, что они несут в себе специфический взгляд на идентичность вполне определённого народа. Кроме того, определение и анализ легенд также различаются от народа к народу, что свойственно не всем устным формам. Это также говорит о том, что социолингвистический анализ должен учитывать специфику легенды как жанра и её прежде всего национальные особенности. Так, Чарота³⁰ в предисловии к белорусским народным преданиям и легендам сначала

²⁷ Самарџија Сњежана. Увод у усмену књижевност. Београд: Народна књига Алфа, 2007. С. 85.

²⁸ «Для развития легенды решающим является коммуникация с конкретной традицией и другими текстами» (выделение *А. С.*). Popović Tanja. Rečnik književnih termina. Beograd: Logos art, 2010. Str. 395. Ещё братья Грим подчёркивали обусловленность легенд временным и географическим контекстом. Valk Ülo. Legends as narratives of alternative beliefs // Belief Narrative Genres, ed. Zojka Karanović and Willem de Blécourt. Novi Sad: Filozofski fakultet, 2012. p. 23.

²⁹ Милошевић Ђорђевић Нада. Од бајке до изреке. Београд: Чигоја штампа, 2006. С. 62.

³⁰ Проф. Иван А. Чарота, по собственному убеждению белорус — белосрбин, писатель, публицист, критик, переводчик и историк культуры. Сербский народ, помимо выраженного патриотизма, приверженности славизму и вечной дружбы, он обогатил большим количеством переводов наших важнейших писателей на белорусский язык. Лазаревић Дајана. У корак са проф. др Иваном Чаротом // Књижевни преглед, вол. X, бр. 22, 2019. С. 107–116; Чарота Иван. Видици једног Белоруса – Белосрбина. Београд: Институт за политичке студије, 2023.

излагает жанровые и терминологические препятствия в определении белорусского фольклора: «основные, присутствующие в подзаголовке книги, понятия легенды и предания современные белорусы используют для определения устных повествовательных произведений, которые поддерживают коллективное понимание природных и исторических условий существования нашей этнической общности».³¹ Следовательно, наш славист под этим жанром — который мы далее будем определять как легенды — подразумевает легенды, предания, мифы и легендарные рассказы.

В сербской фольклористике они относятся к отдельным типам устной литературы. Предание определяется как менее поэтичная, но более историческая форма, включающая мифологическое и демонологическое, эсхатологическое и этиологическое, а также историческое и культурно-историческое повествование,³² тогда как мифы — это рассказы о происхождении мира, в которые верили древние народы.³³ К этим трём определениям, на основе содержания сборника, мы добавим и понятие легендарного рассказа, который определяется как вид народной прозы, «обилием сверхъестественных элементов и ситуаций (...) приближающийся к сказке, основным этическим интересом — к легенде».³⁴ Можно констатировать, что общей характеристикой всех видов рассказов, которые мы до сих пор упомянули и которые Чарота представил сербским читателям, является то, что это фантастические рассказы, часто религиозные, в которых объясняются природные и общественные явления и процессы и чья основная функция — этическая. В сборнике «Живая вода», который составляет исходную основу для нашего анализа, содержатся рассказы о возникновении мира, людей в целом и белорусов в частности, истории о происхождении животных и растений, топографических понятий и легенды с поучением.³⁵ Тот факт, что составитель объединил их с явным намерением представить белорусскую «картину мира»,

³¹ Чарота Иван. Жива вода: беларуска народна предања и легенде. Београд: Алма, 2021. С. 6.

³² Милошевић Ђорђевић Нада. Од бајке до изреке. Београд: Чигоја штампа, 2006. С. 172.

³³ Popović Tanja. Rečnik književnih termina. Београд: Logos art, 2010. Str. 440.

³⁴ Милошевић Ђорђевић Нада. Од бајке до изреке. Београд: Чигоја штампа, 2006. С. 166.

³⁵ Чарота Иван. Жива вода: беларуска народна предања и легенде. Београд: Алма, 2021.

является для нас достаточным основанием рассматривать их в совокупности.

В современном междисциплинарном анализе легенды рассматриваются как краткие нарративы, в которых происходит встреча со сверхъестественным, нарушающая представление о повседневности. Успешно переданная легенда соединяет нарратив и социальную жизнь,³⁶ а о её влиянии на коллективную память белорусов лучше всего свидетельствует факт, отмеченный другими белорусскими исследователями: хотя легенды имеют двойственную природу в сознании белорусов (воспринимаются одновременно как нечто инфериорное по отношению к священным текстам и Библии, но также канонизированы через традицию), считается, что именно их этиологическая природа стала причиной их сохранения до наших дней.³⁷

АНАЛИЗ ЛЕГЕНД — КОНЦЕПТ ЗЕМЛИ

Учитывая многолетнюю работу в области компаративистики, анализа фольклора и составления сборников белорусской народной литературы, Иван Чарота уже в предисловии оставил нам — если выразиться сказочно — крошки, по которым можно проследить его взгляд на белорусские легенды и на «координаты бытия белорусов».³⁸ Хотя Чарота в других своих эссе с сожалением отмечает, что у белорусов нет собственного эпоса, что им не известны герои, подобные Милошу Обиличу или Марко Краљевичу,³⁹ и констатирует, что «белорусы сосредоточены на своём “уголке” и одновременно почти не проявляют патриотизма на уровне преданности государству; что в связи с этим белорусские легенды теряют всеобъемлемость содержания, но зато выделяются как отражение укоренённости...»,⁴⁰ далее мы

³⁶ Valk Ülo. Legends as narratives of alternative beliefs // Belief Narrative Genres, ed. Zoja Karanović and Willem de Blécourt. Novi Sad: Filozofski fakultet, 2012. p. 23.

³⁷ Boganeva Elena. Contemporary Recordings of Belarusian Folk Biblical and Non-Biblical Etiological Legends in the Comparative-Historical Aspect // Folklore Electronic Journal of Folklore, vol. 72, 2018. Pp. 64.

³⁸ Чарота Иван. Видици једног Белоруса – Белосрбина. Београд: Институт за политичке студије, 2023. С. 52.

³⁹ Там же. С. 59.

⁴⁰ Чарота Иван. Жива вода: белоруска народна предања и легенде. Београд: Алма, 2021. С. 16.

дополним выводы нашего профессора и с помощью анализа концепта «земля» покажем, что, хотя нельзя говорить о прямо выраженном патриотизме, таком, какой известен сербской народной литературе, тем не менее на основании этого скромного сборника лишь одного жанра устной литературы можно найти доказательства особого патриотизма, уважения и возвеличивания географически очерченных мест до уровня святости. В последующих разделах мы будем концентрироваться на лексеме *земля*, её функциях и значениях как в отдельных легендах, так и на более высоком уровне и представим три возможных концепта, в которых это слово участвует и тем самым формирует не только коллективную память, но и особый патриотизм белорусского человека.

Земля как мать

Земля в белорусских легендах часто представляется как *святая* или *мать*, чаще всего — *святая мать*, и только по отношению к ней используется уменьшительно-ласкательное наименование, что вообще является редким явлением во всём корпусе (*Земля, Бог и дьявол*).⁴¹ Как слово субъективной оценки, деминутив *землица* несёт эмоциональную окраску, а также «качественное значение, которым подчёркивается отношение говорящего к определённом понятию»,⁴² поэтому в данном случае особое наименование выражает уважение и привязанность. Лексема *земля*⁴³ имеет балто-славянское⁴⁴ происхождение и обладает не только сходной формой, но и родственной функцией в большинстве славянских языков⁴⁵ и представлена как «символ женского плодородного начала и материнства».⁴⁶

⁴¹ Земляца — гораздо более распространённое слово в народной поэзии, по крайней мере, в сербской.

⁴² Слијепчевић Бјеливук Светлана (ур.). Појмовник српских лингвистичких појмова. Београд: Прометеј, 2023. С. 174.

⁴³ В белорусском — *зямя*. Bandalanova, Florentina. The Bible in the Making: Slavonic Creation stories // *Imagining Creation*, ed. Mark Geller and Mineke Schipper. Boston: Brill, 2008. p. 249.

⁴⁴ Skok Petar. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb: JAZU, 1971. Str. 649; Штрбац Гордана. Лексема *земља* као одраз језичке слике природе // *Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду*, књ. XLV, бр. 2, 2020. С. 191–205.

⁴⁵ Причина выбора именно лексемы *земля* в белорусском корпусе заключается в вышеупомянутом факте, что это общеславянское слово, что облегчает процесс поиска её различных значений.

⁴⁶ Словенска митологија. Београд: Zepter book world, 2001. С. 197.

В материале, который мы анализируем, земля чаще всего персонифицируется, причём в образе заботливой женщины: «несёт на своих плечах, никогда не жалуясь, не стеля, а когда Бог посылает смерть, она принимает и не гнушается», что является почти универсальной чертой народной литературы этого славянского народа: «белорусы считали, что з., принимая в себя семя, “беременеет” и даёт новый урожай, что она всеобщая Мать и кормилица: кормит живых, а принимает к себе мёртвых».⁴⁷ В этой символической структуре понятие земли как прародительницы соединяется с христианским верованием о Богородице, где мать обобщается как фигура, исполненная любви, терпения, сострадания и жертвы. Насколько её функция в данном концепте доминирует, показывают и её свойства в сознании белоруса. Земля не только кормит, носит, обнимает, рождает, даёт плод, чистую и здоровую воду, она часто проявляет и высокий уровень сочувствия. Когда люди страдают, земля «сжалится» (*О князе Слуцком и его замке на княжеском озере*). Также земля в некоторых легендах представлена как целительная, и ей приносятся жертвы: когда в туровской земле появилась чума, княгиня приказала закопать в землю немого человека, живого бобра и живого медведя, и это остановило бедствие (*О Турове*). Неразрывно связанная с символом земли, в белорусских легендах часто присутствует метафора человека как растения. Так, святая земля даёт плод в виде человеческого рода, и человек вырастает из самого божественного промысла. На земле, которую создал Перун, спустя некоторое время «вырос» человек (*Откуда пошли белорусы*), а в золотом веке, во времена, когда не было зла в мире, люди «цвели, как цветы» (*Откуда зло в мире*).

Предания, в которых земля метафорически изображена как мать, всегда имеют ясное поучение, в них нет определённого действия, слушателям объясняются явления природы, а также передаётся особый, теоцентрический взгляд на мир.⁴⁸ В отличие от некоторых других

⁴⁷ Там же. С. 198.

⁴⁸ Теоцентрическое мировоззрение в сознании славянских народов «не предполагает человеческого достижения, каким бы великим оно ни было, а является исключительно даром Божиим в степени личного отношения с Личным Богом. В этом отношении единственное, что человек может принести, — это свободное открытие Богу и свободное принятие воли Божией, без чего Бог не действует». Милошевић Зоран. Светост – култура – геополитика. Зворник: Асоглас, 2024. С. 32.

элементов, таких как вода и огонь,⁴⁹ роль земли не амбивалентна — она представлена как добрая, полезная и нужная, без плохих и негативных свойств. Это поучение о почитании земли слушателям всегда даётся напрямую и персонализированно, через воображаемый диалог: «А если хочешь узнать, как она благодарит, то привези навоза и посеи ржи, и узнаешь»⁵⁰ или «Нет никого и ничего богаче земли: сколько она родит хлеба, сколько даёт железа и всего другого?! Из неё копают всякую глину для печей, для горшков и для побелки, а мало ли повсюду закопано сокровищ? Кто, в конце концов, даёт чистую и здоровую воду? Даёт святая мать-земля».⁵¹

Поскольку существование некоторых концептов в легендах одновременно отражает социальное и метафизическое устройство определённого времени, на основании употребления слова *земля* можно реконструировать отдельные элементы этой структуры. Учитывая, что человек на ранних этапах истории, переходя от охоты к производству пищи, «своей деятельностью сделал землю своей непосредственной кормилицей»,⁵² можно предположить, что метафора земли как кормилицы народа является самой древней в представленной здесь схеме концептов. Кроме того, в этих символах мы читаем уважение белорусского человека к собственной матери. В равной мере функции и значение легенд, в которых мы находим концепты земли как матери, являются доказательством того, что, когда речь идёт о фольклоре, «в значениях отдельных символов пересекаются языческие верования и христианские представления».⁵³ Земля в данной системе одновременно является Матерью-землёй из древнейших верований и Богородицей из христианского мировоззрения,⁵⁴ что означает, что в этом концепте

⁴⁹ В символе воды ясно выражено её двойственное значение — если она грязная и болотная, то она от дьявола, а если чистая, родниковая или озёрная, то она божественная. Чарота Иван. Жива вода: беларуска народна предања и легенде. Београд: Алма, 2021.

⁵⁰ Там же. С. 21.

⁵¹ Там же.

⁵² Ђаповић Ласта. Земља – веровања и ритуали. Београд: Етнографски институт САНУ, 1995. С. 122.

⁵³ Самарџија Сњежана. Увод у усмену књижевност. Београд: Народна књига Алфа, 2007. С. 242.

⁵⁴ Ещё в палеолите присутствует образ Богини земли или Матери-земли. Ђаповић Ласта. Земља – веровања и ритуали. Београд: Етнографски институт САНУ, 1995. С. 122.

соединяются материальный и духовный мир белорусов, а также различные слои верований прошлого.

Земля как граница миров

В концепте земли как границы мы выделяем три отдельные плоскости: она является линией протяжённости пространства, границей времени и символом разделения на добрых и злых людей. В славянской мифологии земля — один из основных элементов триады небо — земля — ад,⁵⁵ причём всегда чётко обозначается её роль в этих измерениях. Если Бог является владыкой неба, а дьявол — подземного мира, суша в белорусских представлениях возникла по Божьей воле и милости как дар людям. Согласно легендам, «посеял Бог землю» (*Дьявольское болото*), «рассыпал всю землю из подола» (*О создании болот*), «разровнял, разделил — любо смотреть» (*Откуда горы и болота*), и не захотел её переделывать, хотя она не была совершенна.⁵⁶ И человека Бог создал из земли, из глины (*О происхождении волка*). Принадлежа Богу, она становится предметом завоевания и других людей, и нечистых сил.

Когда дьявол увидел, как Бог сеет землю, он захотел иметь семя, чтобы быть мудрее Бога. Даже когда ему удаётся заполучить горсть земли, она оборачивается против него. Земля в утробе дьявола растёт «как на дрожжах» (*Дьявольское болото*), прорывается и заставляет его извергать её. Из его уст вырастает «всякая ненужная трава». Точно так же на земле, по которой ходят русалки, «трава не растёт» (*Русалки*), а в идеальные времена в земле жили даже пчёлы как один из самых почитаемых видов. Помимо того что дьявол ест землю, он также разрывает её своими когтями (*Дьявольское болото*, *Откуда горы и болота*), пока наконец не зарывается в неё и под землёй не создаёт своё княжество. Каждый раз, когда он соприкасается с землёй, что-то идёт не так. Когда Бог берёт горсть песка и рассыпает её, появляются разные птицы, а когда он рассыпается из рук дьявола, вылупляются мухи, комары, слепни и «всякая нечисть» (*Откуда мухи, комары, слепни и*

⁵⁵ Словенска митологија. Београд: Zepter book world, 2001. С. 197.

⁵⁶ По мнению исследователей, создание земли проецируется не только как соперничество двух сил, но и как акт сельскохозяйственного труда. Bandalanova Florentina. The Bible in the Making: Slavonic Creation stories // Imagining Creation, ed. Mark Geller and Mineke Schipper. Boston: Brill, 2008. p. 168. В нашем исследовании это видно в следующем описании: «Плывёт Бог с пригоршней из лодки, как сеятель, разбрасывает семя» (*Дьявольское болото*).

всякая нечисть). И всё же он продолжает посягать на землю, желая её съесть, но ему это никак не удаётся, потому что в мире легенд ясно установлена граница между человеческим и хтоническим. В легендах о дьяволе, нападающем на землю, присутствуют даже комические эффекты, достигаемые в основном гиперболизацией.

В руках доброго человека земля становится плодородной: в рассказе «Дьявольское болото» человек делает из лозы верёвки и ими побеждает дьявола, обрабатывает землю и пашет поле, при этом поёт. Даже люди думают, что, овладев землёй, «придумают, как и самого Бога с неба свергнуть» (*Откуда зло в мире*). Золото как символ материальной ценности всегда скрывается в земле, закапывается или замешивается в хлеб. Кому оно принадлежит и у кого честные намерения, тот его найдёт, как говорит и название одного из рассказов — «Клад достаётся честному человеку». Если кто недостоин, как в легенде «Проклятая могила великана», когда юноши отправились раскапывать землю, в которой лежит воин, земля осыпается, не даётся в руки, потому что искатели «не уважали прах великана, достойно окончившего здесь жизнь». Во многих легендах переломный момент наступает тогда, когда нужно разделить землю. Если раздел производится не по правилам и если берётся чужая земля, человек наказывается (*Откуда пошли белорусы, Полешуки и Поляне*). Это означает, что употребление слова *земля* функционирует не только на языковом уровне, но и на нарративном, поскольку рассказ о земле часто запускает действие. В легенде о надменном и ненасытном князе, который плохо управлял своим островом, его наказала сама земля: «Тогда у земли иссякло терпение. Однажды ночью начали сверкать молнии, греметь громы, земля колебалась» (*О князе Слуцком и его замке на княжеском озере*), пока не было достигнуто равновесие благодаря восстанию людей.

Наконец, концепт земли участвует и в делении времени. В прошлые, идеальные эпохи, земли было достаточно для всех, а «сейчас людей настолько размножилось, что земля их едва держит» (*Медведь*). Когда определяется время действия, обычно в начале легенды, чаще всего говорится: «Было это давно, когда Бог ходил по земле» (*О происхождении аиста*). Таким образом, в мифологической структуре легенды, как и всех народных рассказов, время делится на прошлое, героическое, золотое время, библейское время, и настоящее время — период греха и развращённости. Этой временной ориентацией концепт земли как границы также сближается с христианским пониманием

мира. Интересно, что это определение времени сохранилось до наших дней и что многие информанты при полевом сборе народного творчества, веря в события, о которых они рассказывают, до сих пор говорят, что это было тогда, когда «Бог ходил по земле».⁵⁷ В этом месте стоит упомянуть и форму земли, о которой не говорится напрямую, но которую можно косвенно предположить. В фольклоре обычно считается, что земля плоская,⁵⁸ о чём свидетельствует и следующая запись о земле из белорусских источников: «А Господь из того песка простёр землю ровно и широко, как кленовый лист» (*Происхождение гор и болот*).

Земля как отечество

Одним из наиболее интересных значений слова *земля*⁵⁹ в белорусских сказках является её обобщение как отечества или дома. Этот метафорический образ редко даётся непосредственно, мысль о нём в основном выводится косвенно, через отношение белорусского человека к земле, месту проживания и роду. Возможной причиной того, что образ родины представлен лишь опосредованно, является и тот факт, что во время возникновения устной литературы нация в современном смысле ещё не существовала. Прежде всего можно проследить, как это слово инкорпорировано в сами названия областей и в имена различных групп. Географические и административные пространства обычно называются землёй (*туровская земля*),⁶⁰ а в названиях племён *полешуки* и *поляне*,⁶¹ хотя и не употребляется слово

⁵⁷ Boganeva Elena. Contemporary Recordings of Belarusian Folk Biblical and Non-Biblical Etiological Legends in the Comparative-Historical Aspect // *Folklore Electronic Journal of Folklore*, vol. 72, 2018. p. 63.

⁵⁸ И в сербском народном веровании земля — это большая квадратная или круглая плита. Ђаповић Ласта. Земља — веровања и ритуали. Београд: Етнографски институт САНУ, 1995. С. 19.

⁵⁹ Здесь белорусский язык проявляет сходство с сербским и другими славянскими языками, поскольку полисемичное слово *земля* обозначает и почву, и государство или более обширную географическую область. Речник Матице српске. Нови Сад: Матица српска, 1990. С. 298.

⁶⁰ Злой колдун намеревается купить все «земли вокруг» (*Как был основан Минск*).

⁶¹ В легенде о происхождении этих племён говорится следующее: «Недолго они ехали на своих повозках, как увидели, что лес начал редеть, стали встречаться рощи, поляны и поля, там они и поселились и начали расчищать поле, поэтому и назвались Полянами» (*Полешуки и поляне*).

земля, присутствует слово *поле*, тесно с ней связанное, поскольку оно обозначает ниву, «обработанный и засеянный участок земли».⁶²

Поиск места проживания, заселения и создания семьи, поселения или родины в легендах всегда представляет собой поиск хорошей земли. Например, в одном предании говорится: «наши деды, которые выбирали себе лучшие места, чтобы сеять зерно и разводить скот» (*Великаны*). Когда речь идёт о белорусах, они всегда связываются с землёй: «От Белополя и разных его жён произошли разные племена, под именем БЕЛОРУСЫ. Они до сих пор там ходят, землю обрабатывают и хлеб сеют» (*Откуда пошли белорусы*) (выделение А. С.). Даже когда она несовершенно, народ всегда успешно овладевает землёй, которая ему дана — «остался здесь человек и овладел дьявольским болотом» (*Дьявольское болото*).

В этой системе земля функционирует и как дом. Когда хорошие братья уходят из дома, они отправляются в мир «искать себе землю» (*Полешуки и поляне*). В легенде о человеке, строящем дом из соломы, также косвенно присутствует мысль о доме как месте для потомков. Поскольку человек на земле строит изгородь из соломы (*Почему мы не знаем, когда умрём*), Бог понимает, что человеку не следует знать время своей смерти: «Ну что? Каждый работает только для себя, только на свой век, а на будущее — не станет. Подумал Бог, подумал — нехорошо это! Ничего не будет. Поэтому Бог устроил так, чтобы человек не знал, когда умрёт». В другой легенде братья после смерти отца становятся врагами, но хуже всего — в момент, когда делится земля, полученная в наследство (*Полешуки и поляне*). Поэтому поучения в конце рассказов или советы мудрецов обычно связаны именно с землёй — старшие говорили: «то, что земля родит, раздели с ней, значит, когда сам ешь хлеб, солому отдай родной земле» (*Земля*).

Когда появляются враги, они обычно сначала захватывают землю, прежде чем покорить народ: «Лезут они, как свиньи в огород, лезут и берут в рабство полешуков и полян, захватывают их землю, скот и всё добро, а старых и молодых убивают или травят собак. Загнали они всех полешуков и полян в кандалы и приказали им служить» (*Полешуки и поляне*). Для защиты земли, согласно легендам, важнейшими являются две вещи: единство и проведение границ. Когда племена, которые «не защищают своих границ», терпят поражение, мудрец советует им объединиться и таким образом вернуть свою землю:

⁶² Речник Матице српске. Нови Сад: Матица српска, 1990. С. 669.

«Нашлись сильные парни, собрали вокруг себя ватагу добрых товарищей и пошли рубить и бить господ. Видят они, что спасения нет, и пустились в бегство: кто в лес, а кто — в чужие края» (*Полешуки и поляне*) (выделение А. С.). Когда имущество делится, границы обычно проводят по земле, причём плугом: «Давайте мириться. А чтобы навсегда знать, что чьё, тyani плуг, чтобы начертить границу» (*Вековечная граница*).

Наконец, есть и легенда о мудром предке, который вместо предложенного золота выбрал землю. Когда князь предлагает человеку награду за помощь, он сначала даёт ему золото. Но умный человек не хочет золота, а просит землю: «— Пойдём, князь, я покажу тебе богатство без дна. — И вышел во двор, взял охотничий меч и весь его вонзил в землю. — Вот тебе, князь, твоё богатство без дна: оно для земледельца дороже твоих дукатов. Деньги можно украсть, а это никто украсть не может», — и правитель дал ему землю «на десять поколений» (*Богатство без дна*). Этот рассказ самым непосредственным образом сообщает потомкам, насколько важно иметь свой участок земли, который не может быть исчерпан и который навсегда остаётся в наследстве. Метафорически его можно связать и с мыслью о собственном государстве.

Хотя она дана косвенно, мысль о земле как об отечестве, которое защищают, сохраняют для поколений и терпеливо обрабатывают, представляет собой более широкую, полную и разработанную метафору, присутствующую как в отдельных легендах, так и на уровне всего корпуса. На основе этой парадигмы можно, вероятно, обозначить и зачатки политической или, по крайней мере, государственной мысли белорусов, на что указал и Иван Чарота: «в нашем случае вполне уместно отметить, что признаки духовно-культурного существования народа закодированы именно в них. Соответственно, белорусские произведения этого жанрового комплекса служат тому, чтобы как можно яснее и конкретнее отразить место своей общности в мире через специфические самохарактеристики». ⁶³ Одной из таких характеристик, несомненно, является уважение к земле, данной им как священное место.

⁶³ Чарота Иван. Жива вода: беларуска народна предања и легенде. Београд: Алма, 2021. С. 9.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ — КУЛЬТУРА ПАМЯТИ

Легенды тесно связаны с культурой памяти, особенно через следующие характеристики: их историческая обусловленность позволяет им передавать подлинные и оформленные знания коллектива во времени, передача сообщений из поколения в поколение создаёт условия для сохранения лишь тех элементов памяти, которые опытом подтверждены как значимые для потомков, а своеобразный творец — одновременно индивид и народ, «который обусловлен и коллективом, и традицией»,⁶⁴ — в народном сознании остаётся неисчерпаемым и навсегда актуальным источником поучений для будущего. Таким образом, «всё, что вошло в активную культурную память, прошло через строгие процессы отбора, которые обеспечивают определённым артефактам постоянное место в этой памяти».⁶⁵

Если применить эти постулаты к ранее проанализированному концепту земли в белорусском сознании, можно выделить следующие послания — земля дана белорусам Богом, она является их неисчерпаемым ресурсом и богатством, которое при поддержании только обновляется и умножается; задача каждого поколения — хранить эту землю, заботиться о ней, обрабатывать её, уважать её и передавать такой потомкам. Земля в то же время является и живым существом, матерью каждого белоруса, Богородицей, которая разделяет все страдания и муки своего народа. И, наконец, земля — это начало жизни, но и её конец, потому что все мы, завершив жизнь, предаёмся земле. Кроме того, посредством концептуального анализа лексемы земля в различных легендах можно установить устройство Беларуси в прошлом, а также социальный и исторический контекст, в котором они возникали. На основе концепта земля как мать выявляется христианское мировоззрение этого народа, а также мифические представления о происхождении земли, также прослеживается переход общества от охоты к земледелию. Тем самым этот концепт определяется как наиболее древний. Далее, мысль о земле как границе миров говорит о месте человека в божественном и человеческом порядке. Белорус всегда угнетён, обречён служить более сильному и могущественному, от чего он спасается мудростью, единством, а иногда и настоящей защитой своего пространства. Обобщая землю как

⁶⁴ Самарција Сњежана. Увод у усмену књижевност. Београд: Народна књига Алфа, 2007. С. 12.

⁶⁵ Assmann Aleida. Canon and Archive // Cultural Memory Studies, ed. Astrid Erll and Ansgar Nünning. New York: Walter de Gruyter, 2008. p. 100.

отечество, легенды демонстрируют слои современного национального мировоззрения, в котором борьба за землю является борьбой за коллектив. В заключение можно вполне обоснованно утверждать, что, хотя у белорусов нет отдельных протагонистов, подобных сербским, носителем эпического мировоззрения, их защитником и героем является земля.

Иван Чарота в своих эссе также выделил землю как важный мотив в белорусской поэзии и сказках: «При этом каждому народу всё же отведено определённое место на земле с соответствующими природными условиями, каждому предназначена его судьба, в зависимости от которой накапливается собственный опыт, формируется собственный образ жизни, собственная модель поведения. Короче говоря, природой и историей предопределяется всё то, что составляет неповторимую особенность судьбы».⁶⁶

ЛИТЕРАТУРА

- Баповић Ласта. Земља – веровања и ритуали. Београд: Етнографски институт САНУ, 1995.
- Илић Марија. Фолклорни текст у процесу заборава // Гласник Етнографског института Српске академије наука и уметности, вол. LIII, бр. 1, 2005. С. 321–334. DOI: 10.2298/GEI0553319I.
- Лазаревић Дајана. У корак са проф. др Иваном Чаротом // Књижевни преглед, вол. X, бр. 22, 2019. С. 107–116.
- Лазаревић Радак Сања. Политички фолклор и методолошки изазови: дискурзивно-митолошка анализа прича о Титовом детињству // Савремена српска фолклористика X, зборник научних радова, ур. Јелена Јовановић и Бранко Златковић. Београд: Удружење фолклориста Србије, 2022. С. 497–513.
- Љубинковић, Ненад. Старо и ново у обликовању епске легенде о Титу // Народно стваралаштво. Фолклор, вол. 15–16, бр. 57–64, 1976–1977. С. 17–30.
- Милошевић Ђорђевић Нада. Од бајке до изреке. Београд: Чигоја штампа, 2006.
- Милошевић Зоран. Светост – култура – геополитика. Зворник: Асоглас, 2024.
- Речник Матице српске. Нови Сад: Матица српска, 1990.
- Самарција Снежана. Увод у усмену књижевност. Београд: Народна књига Алфа, 2007.
- Слијепчевић Бјеливук Светлана (ур.). Појмовник српских лингвистичких појмова. Београд: Прометеј, 2023.

⁶⁶ Чарота Иван. Видици једног Белоруса – Белосрбина. Београд: Институт за политичке студије, 2023. С. 57.

- Словенска митологија. Београд: Zepter book world, 2001.
- Чарота Иван. Видици једног Белоруса – Белосрбина. Београд: Институт за политичке студије, 2023.
- Чарота Иван. Жива вода: белоруска народна предања и легенде. Београд: Алма, 2021.
- Штрбац Гордана. Лексема земља као одраз језичке слике природе // Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду, вол. XLV, бр. 2, 2020. С. 191–205. DOI: 10.19090/гфф.2020.2.191-205.
- Albury Nathan. How folk linguistic methods can support critical sociolinguistics // *Lingua*, num. 199, 2017. Pp. 36–49. DOI: 10.1016/j.lingua.2017.07.008.
- Assmann Aleida. Canon and Archive // *Cultural Memory Studies*, ed. Astrid Erll and Ansgar Nünning. New York: Walter de Gruyter, 2008. Pp. 97–109.
- Bandalanova, Florentina. The Bible in the Making: Slavonic Creation stories // *Imagining Creation*, ed. Mark Geller and Mineke Schipper. Boston: Brill, 2008. Pp. 161–365.
- Barthes Roland. *Image, Music, Text*. London: Fontana Press, 1977.
- Boganeva Elena. Contemporary Recordings of Belarusian Folk Biblical and Non-Biblical Etiological Legends in the Comparative-Historical Aspect // *Folklore Electronic Journal of Folklore*, vol. 72, 2018. Pp. 59–88. DOI: 10.7592/FEJF2018.72.boganeva.
- Bruner Edward. *Etnography as Narrative* // *The Anthropology of Experience*, ed. Victor Turner and Edward Bruner. Chicago: University of Illinois, 1986. Pp. 139–155
- Gülüm Erol. Folkloric memory: (Re)connecting the dots for broader perspectives // *Memory Studies* vol. 16, num. 6, 2023. Pp. 1466–1483. DOI: 10.1177/17506980231204.
- McDowell John Holmes. *Folklore and Sociolinguistics* // *Humanities*, vol. 7, num. 1, 2018. Pp. 1–12. DOI: doi.org/10.3390/h7010009.
- Mlynář Jakub. Language and Collective Memory: Insights from Social Theory // *Slovenská politologická revue*, vol. 14, num. 3, 2014. Pp. 217–236.
- Popović Tanja. *Rečnik književnih termina*. Beograd: Logos art, 2010.
- Sharp Nicole, Bye Rosalind A., Cusick Anne. *Narrative Analysis* // *Handbook of Research Methods in Health Social Sciences*, ed. Praneet Liampittong. Singapore: Springer, 2019. Pp. 862–880.
- Skok Petar. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Zagreb: JAZU, 1971.
- Tonkin Elisabeth. *Narrating our pasts. The social construction of oral history*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
- Valk Ülo. Legends as narratives of alternative beliefs // *Belief Narrative Genres*, ed. Zoya Karanović and Willem de Blécourt. Novi Sad: Filozofski fakultet, 2012. Pp. 23–31.
- Zipes Jack. *Fairy Tales and the Art of Subversion*. London: Routledge, 2006.

Aleksandra Savić
Institute for Political Studies, Belgrade

*THE CONCEPT OF LAND IN BELARUSIAN LEGENDS
(A CONTRIBUTION TO THE COMPARATIVE STUDY OF THE FOLKLORE BY
IVAN A. CHAROTA)*

Resume

The paper examines the concept of land in Belarusian legends, which were published for the Serbian audience by Ivan A. Charota, a Slavic scientist, comparative scholar, and academician of the Serbian Academy of Sciences and Arts from Belarus. We approach the analysis of legends and the language use in folklore from a multidisciplinary perspective, combining theories and methods of cognitive linguistics, sociolinguistics, and studies of the culture of memory. The opening chapters provide an overview of the relationship between folk literature and language, as well as a review of contemporary approaches to folklore research. Traditional studies of folk literature are based on folkloristics, anthropology, and comparative analyses of oral texts. At the same time, this field is being reimagined, reinterpreted, and researched across many interdisciplinary endeavours, such as discourse, narrative, and memory studies. The central part analyses the concept of land from three perspectives: land as mother, land as the border of worlds, and land as homeland. In these paradigms, land is generalised as a nurturer, a boundary that separates the human and the divine, but also as a space for life, work, and survival. Traditions in which land is metaphorically depicted as a mother always have a clear lesson; they do not have a specific plot but rather explain natural phenomena to their audience and convey a special, theocentric view of the world. Although it is given indirectly, the idea of the land as a homeland that is defended, preserved for generations, and patiently cultivated represents a broader, more complete, and more elaborate metaphor that is present both in individual legends and at the level of the entire corpus. This paradigm may suggest the beginnings of political or at least state thought in Belarus. The conclusion summarises the findings we have reached. It emphasises the importance of legends for studying the social and political order of Belarus at that time, the Belarusian worldview, and the role of the concept of land in the active cultural memory of the Belarusian people.

Keywords: concept of land, cognitive linguistics, legends, cultural memory, sociolinguistics, active memory, Belarusians, Ivan Charota

Иван Чарота и Надежда Иванюкович на свадьбе в 1974 году.

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Зоран Милошевич*

Петровская академия наук, Санкт-Петербург, Россия
Институт политических исследований, Белград, Сербия

СЛАВЯНОФИЛЬСТВО И СЕРБОФИЛИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ИВАНА А. ЧАРОТЫ**

Резюме

Творчество профессора Ивана А. Чароты является обширным, междисциплинарным и ценным. В методологическом смысле он придерживался проверенных принципов и ценностей, критически переосмысливая новые-старые тенденции, независимо от того, в какое новое одеяние они были облачены. Другими словами, его критический ум не поддавался обману идеологических лозунгов и духа времени. Поэтому его творчество вечно и может послужить молодым примером того, как следует работать и чему следовать в течение земной жизни.

Верность славянству, любовь к сербам, своему вдохновению и сильная вера являются отличительными чертами творчества Ивана А. Чароты. В этих областях он поражал ясными позициями, весьма вдохновенными толкованиями и интерпретациями, а также твердыми аргументами.

Ключевые слова: Иван А. Чарота, Беларусь, Сербия, славянофилы, сербофилы, белосерб, белорус, Святой Савва.

*«Точно так же (как сербы – З.М.) белорусы верили в братство и
единство.*

Хотя мы часто видели, как славянин славянина топором рубит.

*Тем не менее мы всё ещё верим, что
только согласие Славянство (...) спасает»*

Иван А. Чарота

*во вступительной речи в Сербской академии наук и искусств,
2012 г.*

* Профессор теоретической социологии, главный научный сотрудник, академик Петровской академии наук и искусств. zoran.milosevic@yandex.ru

** Данная статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта Синодальной исторической комиссии (01.12.2025–01.12.2026).

Славянофильство время от времени овладевает духовным пространством православных славян и тех, кто принадлежит к другим вероисповеданиям, особенно когда им угрожает беда или наступает разочарование в Западе. Тогда размышляют о судьбе, решениях и славянской интеграции.⁶⁷

По своей сути, славянофильство существовало у многочисленных православных богословов⁶⁸ и философов ещё до того, как оформилось в особую теорию и идею, а сегодня это литературное и религиозно-философское движение в общественной и философской мысли, возникшее в 1830-е и 1840-е годы и имевшее целью выявление уникальной идентичности православных славян, особенно России, и типичных отличий по отношению к Западу. Славянофилы, таким образом, выступали за развитие особого пути православных славян, отличного от западноевропейского. Развиваясь по этому пути, по их мнению, православные славяне могли бы передать православную истину европейским народам, впавшим в ересь и атеизм. Славянофилы также утверждали, что существует особый тип культуры, возникший на духовной почве православия.⁶⁹ Н. Данилевский пошёл ещё дальше и предсказал (обосновывая культурно-исторические типы и законы их развития), что православная славянская цивилизация в конечном итоге станет доминирующей, а также определил место славян в мире.⁷⁰

Причины возникновения славянофильства усматриваются в известном споре между «иосифлянами» и заволжскими старцами, которых представляли Иосиф Волоцкий⁷¹ и Нил Сорский⁷². Этот спор

⁶⁷ См.: Лазаревић Дајана, Политичке околности интеграција СР Југославије у савез Русије и Белорусије, у зборнику: *Међународне интеграције као инструмент геополитике*, приредили Зоран Милошевић, Дајана Лазаревић, Институт за политичке студије, Београд, 2024. ISBN 978-86-7419-401-0

⁶⁸ См.: Чарота Иван, Идея единства славян в первой половине XVIII века, *Литературный журнал «Наши современники»*, 4, 2018.

⁶⁹ Данилевский Н. Я., *Россия и Европа*: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому, Благословение, институт русской цивилизации, Москва, 2011.

⁷⁰ Там же. С. 113 – 139.

⁷¹ Святой Русской Православной Церкви, причислен к преподобным. См.: Алексеев А. И., Иосиф Волоцкий, Православная энциклопедия. Москва, 2011. — Т. XXV

⁷² Православный святой, преподобный, важная фигура Русской церкви, основатель скитской жизни в России, автор «Предания», «Устава скитской

касался двух вопросов: отношения церкви к ереси (в связи с иудействующей ересью, появившейся в то время в Новгороде) и решения проблемы нравственного упадка в монастырях. Заручившись поддержкой Ивана III, «иосифляне» одержали верх, что считается разрывом с Византийской церковью в пользу московско-русского подхода, поскольку движение заволжских старцев возникло под влиянием византийских исихастов (доктрина о необходимости очищения и удаления от мирской суеты).

Классическая немецкая философия (Шеллинг, Гегель) и православное богословие в целом считаются важнейшими литературными источниками славянофильства. Однако учёные так и не пришли к консенсусу относительно того, какой из этих двух источников сыграл решающую роль в развитии славянофильской доктрины.

Александр Киреев о сущности славянофильского учения говорит: «В чем же заключаются идеалы, которым служило и будет служить Славянское Общество? Какие это идеалы?

Это те же самые, перед которыми преклоняется и русский народ: Православие, понимаемое как сумма всех этических взглядов народа, Самодержавие как выражение его взглядов политических, и то и другое неразрывно и органически связанное с русской Народностью, которая им служит сферою действия и которой они служат высочайшим выражением. Им искони верила Россия, ими она жила и «стояла», ими же она будет стоять и впредь!

Христианская вера, и притом в ее восточной православной форме, есть тот идеал, который наиболее дорог русскому народу, который для него выше всего на свете; он обусловливал исстари, обусловливает и поныне всю нравственную жизнь русского народа, всю его многострадальную тысячелетнюю историю.»⁷³

Славянофилы отвергали негативные аспекты западной цивилизации: социальные антагонизмы, крайний индивидуализм и коммерциализм, чрезмерную рациональность и так далее. Истинное противопоставление славянофильства Западу заключалось в их различном подходе к пониманию основ, «принципов» русского и западноевропейского бытия. Славянофилы исходили из убеждения, что русский народ должен обладать особыми духовными ценностями, а не

жизни» и многочисленных писем, известный своими нестяжательскими взглядами. См.: Киреев Александр, *Учение славянофилов*, Институт русской цивилизации, Москва, 2012.

⁷³ Там же. С. 92.

без разбора и пассивно принимать духовные продукты Запада. Эта позиция актуальна и сегодня, и к её сторонникам можно отнести и профессора Ивана А. Чароту.

В историческом плане И. В. Киреевский, А. С. Хомяков, К. С. и И. С. Аксаковы и Ю. Ф. Самарин сыграли особую роль в развитии славянофильства. Разнообразие их взглядов объединяла общая позиция: признание фундаментального значения православия и взгляд на веру как источник истинного знания. Основа славянофильского философского мировоззрения — церковное сознание, прояснение сущности церкви. Эта основа наиболее полно была исследована Л. С. Хомяковым.

Разумеется, славянофилы боролись против западников. «Главная идея западников — признание европейской культуры как последнего слова мировой цивилизации, необходимость полного культурного воссоединения с Западом и использование её опыта развития для процветания России».⁷⁴

Славянофильство как геополитическая опция исчерпало себя в 1948 году, когда Иосип Броз Тито вывел Югославию из социалистического блока. Иначе говоря, как свидетельствует Иван Турлай, уже было решено, что Минск станет столицей славянского мира.⁷⁵ После этого СССР, а также его преемница, Российская Федерация, обратились к евразийству.⁷⁶

СЛАВЯНОФИЛЬСТВО И. А. ЧАРОТЫ

«Любой славянский народ никогда не может существовать в этом мире сам по себе. Только в славянском единстве. Мы все помним знаменитую метафору про веник: один прутик сломать легко, а когда они вместе, то никак. Но сегодня идёт разъединение на прутики, самоутверждение славянских народов, причём на враждебном

⁷⁴ Славянофильство и западничество: основные идеи и представители, <https://studfile.net/preview/3564412/page:7/> (преузето 8. 2. 2026.)

⁷⁵ См.: Турлай Иван Сергеевич, Минск — престоница словенског света, <https://naukaikultura.com/minsk-prestonica-slovenskog-sveta/%d1%81%d0%bb%d0%be%d0%b2%d0%b5%d0%bd%d1%81%d0%ba%d0%b8-%d1%81%d0%b2%d0%b5%d1%82/> (приступљено 8. 2. 2026.)

⁷⁶ См.: *Србија и Евроазијски савез*, зборник радова, приредио Зоран Милошевић, Центар академске речи, Међународна словенска академија — српско одељење, Шабац, 2016, с. 288.

отношении к русскому компоненту. Подобное, на мой взгляд, для славянства в целом самоубийство», — писал Чарота.⁷⁷

Его славянофильские взгляды тесно связаны с изучением личности и творчества архимандрита Михаила Козачинского (1699–1755), который представляет собой феномен «ярко персонализированной воплощённой идеи единства славян и славянского литературного сообщества в первой половине XVIII века».⁷⁸ Главный вклад Козачинского заключался в том, что он представлял, разумеется через литературу, общую словесность (то есть разумность, целомудрие, мудрость, благочестие, безгрешность, возвышенность...) в эпоху геополитической разделённости славян.

Козачинский боролся против унии⁷⁹ и униатства православных славян, тем самым подчеркнув свою верность святоотеческому преданию и Церкви. «Слущкая архимандрия давно стала своеобразным авторитетом защиты Православия в католической Польше, неуниатским “оплотом” на униатской территории, оазисом восточнославянской автохтонности в регионе, густо насыщенном иезуитскими школами, на земле, где народ упорно держался своих корней, сохраняя осознание себя и своей миссии по отношению к самому себе».⁸⁰

И. А. ЧАРОТА — ОТ СЕРБОФИЛИИ К БЕЛОСЕРБУ

Во вступительной речи, произнесённой в САНИ в 2012 году, профессор Чарота разъяснил свою позицию в отношении сербов и при этом использовал необычные понятия «Белосерб» и «Белорус», то есть дал видение идентификационного отношения к сербам, русским и белорусам.

Во-первых, что касается белоруса и серба, то для профессора они — братья. Объясняя свой тезис, Чарота говорит, что нас примерно одинаково количество, около 10 миллионов, а также в диаспоре у нас схожее число — около двух миллионов. Сходно и число жителей наших

⁷⁷ Чарота Иван, “Чего же нам не хватает? Наверное, разума”, <https://krasnoarsk.ru/detail/6379/> (преузето 7. 2. 2026.)

⁷⁸ Чарота Иван, *Видици једног Белоруса – Белосрбина*: Есеји и студије, Институт за политичке студије, Београд, 2023. с. 180. ISBN978/86/7419/369/3

⁷⁹ См.: *Унија*: Политика Римокатоличке цркве према православним Словенима, зборник радова, друго, допуњено издање, приредио Зоран Милошевић, Центар академске речи, Шабац, 2015, с. 374.

⁸⁰ Чарота Иван, *Видици једног Белоруса – Белосрбина*: Есеји и студије, с. 183.

столиц, а также их судьба. Они были разрушены до основания, и, что самое важное, почти одними и теми же (врагами).⁸¹

Также и сербы, и белорусы построили дом посреди дороги. Мы — Восток для Запада, а Запад — для Востока. Точно так же стремимся быть *над Западом и Востоком*. И всё же, в основном, остаёмся самими собой на своей земле.

Исторический путь белорусов и сербов также является голгофским: крещённые в православии, мы испытали самые жестокие гонения на веру предков, подвергаясь весьма суровому обращению в униатство, так что во второй половине XVIII века в редком белорусском городе сохранялся православный храм...⁸²

Несмотря на все страдания и испытания, и белорусы, и сербы стремятся сохранить чувство справедливости и сострадание к жертвам несправедливости. В то же время оба народа возродили свою этническую и религиозную идентичность благодаря помощи России.⁸³

Далее профессор Чарота предупреждает об одной современной болезни, присутствующей у обоих народов: то есть дерусификации белорусов в пользу европеизации, что присутствует и в Сербии (денационализация) через идеологию «другой Сербии».⁸⁴ Для Чароты это не только научная, но и экзистенциальная проблема.⁸⁵

Что же, таким образом, является самым важным у белорусов и сербов и что отражается на их отношениях?

Сербско-белорусские (и обратные) связи — это не «невиданное чудо», говорит Чарота, а нечто неисследованное. Другими словами, *неисследованность*, а тем самым и незнание являются самым важным, когда речь идёт о белорусско-сербских отношениях.⁸⁶ Безусловно, следует подчеркнуть, что, хотя профессор Чарота некоторые идеи не рассматривал явно (как он сам говорит, они не были исследованы и

⁸¹ Там же. С. 159.

⁸² Там же.

⁸³ Види, Милошевић, Фанариоти

⁸⁴ Чарота Иван, Видици једног Белоруса – Белосрбина: Есеји и студије, с. 161.

⁸⁵ Чарота Иван, *Белорусија и Србија: Трагом узајамног упознавања и деловања*, Центар академске речи, Шабац, 2016, с. 99. ISBN 978-86-80142-11-1; Упор.: Чарота Иван, Реалност која спречава идеално: Дерусификација самосвести Белоруса и перспективе савеза Белорусије и Русије, у зборнику: *Где ти је држава, Каине?* Будућност словенских држава, приредио Зоран Милошевић, Центар академске речи, Шабац, 2015, с. 210 – 233.

⁸⁶ Чарота Иван, Видици једног Белоруса – Белосрбина: Есеји и студије, с. 162.

доступны), однако из контекста казалось, что он их знает, то есть видит как нечто существовавшее и положительное. Здесь мы имеем в виду творчество святого Саввы Сербского, почитателем которого был и профессор Чарота.

Следует отметить, что, возможно, наибольший вклад со времени Рождества Христова в объединение православных славян внёс святой Савва Сербский (Неманич). А именно, помимо прочих благих дел, он был и крупным геополитиком. Он заложил так называемую православную трансверсаль — от Святой Горы⁸⁷ до Киева и далее к Беларуси, Литве, Москве, Санкт-Петербургу и Сибири. Правда, на практике трансверсаль функционировала до Киева и Прибалтики (то есть и на территории Беларуси). Речь шла о стратегии объединения православных славян через территории Болгарии, Сербии, Валахии (государство того времени), Молдавии (государство того времени), Трансильвании (Эрделя), Малой Руси, Белой Руси и далее к Прибалтике, Москве и Петербургу.⁸⁸

Трансверсаль была подорвана турецкими завоеваниями на Балканах, но сохранялась и в тот период, вплоть до Крымской войны 1853–1856 годов, которую Россия проиграла, ведя её против всего Запада, а также Османской империи (после чего устанавливается так называемая Крымская система) и формируется Румыния из Валахии и части Молдавии.⁸⁹

⁸⁷ Например, как свидетельствует профессор Чарота, постоянную связь со Святой Горой имел монастырь Супрасль (ныне в Польше, рядом с Белостоком). В данном монастыре, согласно устному свидетельству профессора Мироновича из этой части Польши, имеется значительное количество сербских средневековых рукописей, которыми никто не интересуется. См.: Чарота Иван, Видици једног Белоруса – Белосрбина: Есеји и студије, с. 163.

⁸⁸ См.: *Јединство православних Словена*, књига прва, приредио Зоран Милошевић, Филозофски факултет, Источно Сарајево, 2006. ISBN 99938-47-10-0; *Јединство православних Словена*, књига друга, приредио Зоран Милошевић, Институт за политичке студије, Београд, 2008. ISBN 978-86-7419-157-6

⁸⁹ См.: *Анатомија румунске политике*, зборник радова, приредио Зоран Милошевић, Центар академске речи, Шабац, 2017, с. 407.; *Румунија и румунизација Срба*, приредио Зоран Милошевић, Центар академске речи, Шабац, 2018, с. 187.

Единство православных славян Святой Савва связывал с единством веры,⁹⁰ строительством монастырей (через каждые 20 км вдоль дорог, ведущих на Восток, то есть столько, сколько в Средние века можно было пройти пешком за день и вести лошадь с грузом), взаимными браками знати, единым письмом (кириллицей), единым языком — церковнославянским и, наконец, созданием национальных церквей ради эмансипации от греков, стремившихся ассимилировать славян (эллинизировать) и тем самым их уничтожить.

Для протобелорусов сербы в Средние века были посредниками и проповедниками православия, более тесно связанными с Восточной Римской империей (так называемой Византией). На территории современной Беларуси находились в обращении труды Климента Охридского и Пахомия Логофета Серба. Некоторые храмы строились по образцу южнославянской церковной архитектуры, а сербская традиция заметна в оформлении Лавришевского Евангелия, прослеживается влияние сербской фресковой живописи на стенах церквей в Полоцке и Супрасле. Среди иерархов православной церкви на территории современной Беларуси действовали Киприан и Григорий Цамблак, игумен Дечанский (которого в Беларуси называли Семивлах),⁹¹ затем Досифей Силинич, а в это время появилось Сербское житие литовских мучеников, то есть «Сказание о мучениках из Вильны: Иоанне, Антонии и Евстафии», вероятнее всего написанное на Святой Горе, но известное в ранних виленской и белградской редакциях.

Параллельно с религиозной, свидетельствует профессор Чарота, распространялась и светская литература, опять же через сербское посредничество, во многих случаях через сербские редакции

⁹⁰ Здесь следует напомнить слова Ивана Ильина о том, что всё каким-то образом основывается на вере, в том числе и правосознание. Напоминание необходимо, поскольку именно Святой Савва Сербский формировал правосознание православных славян. Его Законоправило — Номоканон — Кормчая представляет собой гражданский закон (канон — церковное правило), то есть сборник гражданских и церковных норм. Заслуга Святого Саввы в создании Законоправила. «Правосознание, утратившее свои религиозные корни, оказалось неспособным сохранить и защитить монументальную государственность и культуру Рима, и неумолимая история вынесла такому правосознанию свой приговор». Ильин Иван, О духовной обнови, Логос, Ант, Београд, 1998, с. 146.

⁹¹ Чарота Иван, Видици једног Белоруса – Белосербина: Есеји и студије, с. 162.

рукописей: «Александрия», «Тристан», «Бова Королевич», «История об Аттиле, короле венгерском», «Троянская история»...⁹²

Белорусская сторона также не бездействовала. В сербских списках присутствуют труды Кирилла Туровского (XII век), его «Повесть о белорусце человеке» вошла в сербский сборник попа Драголя (XIII–XIV век), диакон Игнатий Смолянин, сопровождавший митрополита Пимена в Константинополь, а затем живший на Афоне, описал «Хождение» и в нём дал подробный рассказ Косовской битвы с заметным сочувствием к трагедии братского сербского народа. Князья литовские (белорусские) посылали книги в дар монастырю Хиландар, а грамматика Мелетия Смотрицкого (XVII век) вошла в употребление у православных южных славян и стала образцом для аналогичных трудов.⁹³

Что, среди прочего, не исследовано и касается белорусско-сербских связей, заключается в том, что сербы, задолго до переселений в Россию в XVIII веке (Новая Сербия и Славяносербия), уже в XVI веке переселялись в белорусские земли.

Достоверные данные, как говорит профессор Чарота, таковы: «Когда в XVI веке турки завоевали Балканы, многие люди оттуда отправились в изгнание на север Европы. Некоторые сербы пришли на Полесье, где в Кобринском и Пинском княжествах основали сёла: Ополь, Лядовичи, Брашевичи, Субот и Торокань. До сих пор люди там говорят на языке, похожем на сербский. Некоторые пошли за Брест и основали село, которое получило название по имени основателя Милейки (Милетия). Так свидетельствует традиция».⁹⁴

И это ещё не всё. Существует множество данных об этих переселённых сербах. Для белорусов важно то, что эти сербы сохраняли православие. Например, священник церкви Святой Варвары, протопоп Леонтий, в 1596 году участвовал в Брестском антиуниатском соборе и подписался против унии.⁹⁵ Разумеется, этим не исчерпывается вклад сербов в развитие Беларуси, но следует обратить внимание и на видение Чаротой белорусов и их особенности в славянском мире.

А именно, особенности белорусов можно свести к трём фактам: во-первых, покровительницей Беларуси является преподобная мать игумения Евфросиния Полоцкая (XII век), первая женщина,

⁹² Там же. С. 163.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Там же. С. 164.

⁹⁵ Там же.

канонизированная Русской православной церковью. Во-вторых, первая монахиня на восточнославянских землях была пострижена около 990 года — это Анастасия (Рогнеда), полоцкая княгиня, мать князей Изяслава и Ярослава Мудрого, супруга князя Владимира Крестителя, после развода приняла монашество и основала монастырь в городе Изяславле (близ Минска). В-третьих, в соборе белорусских святых весьма значительное место занимают женщины-святые, по-видимому, больше, чем у других народов.⁹⁶

Также отличительной чертой белорусов является то, что всё приобреталось упорным и честным трудом, исключительно своим, никогда не посягая на чужие блага. Белорусы никогда не оспаривают право других народов быть или считаться более богатыми, щедрыми и выдающимися во всём.⁹⁷

Из всего, что приводит профессор Чарота, *изучение белорусско-сербских связей неизбежно вызывает чувство общности, родства*.⁹⁸ Именно поэтому Чарота определяет себя как *Белосерб* и часто говорит о *белосербстве*... По сути, эти понятия являются наследием забытого русского этнографа, картографа (генерал-лейтенанта) и публициста второй половины XIX века Александра Фёдоровича Риттиха (1831–1915).⁹⁹

Риттих считал, что наша общая история обусловлена аvaraми. Этот татаро-тюркский народ терроризировал славян Далмации, Боснии и Старой Сербии (сербов). Помощь пришла из Белосербии (Беларуси) — нынешние сербы. Поселившись с 641 года и расправившись с аvaraми, они поддерживали уже угасающий славянский элемент в северо-западной части Балканского полуострова.¹⁰⁰

Риттих последовательно проводит и использует свою концепцию Белосербии, и именно у него профессор Чарота заимствовал эти понятия.

Согласно Риттиху,¹⁰¹ прародиной славян является Дунай, а память об этой праколыбели в Беларуси жива и сегодня. А именно, в народе

⁹⁶ Там же. С. 166.

⁹⁷ Там же. С. 167.

⁹⁸ Там же. С. 169.

⁹⁹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, СПб., 1890—1907.

¹⁰⁰ Ритих А. Ф., *Славянский мир*, Институт русской цивилизации, Москва, 2013, с. 25.

¹⁰¹ Александр Фёдорович (Александр-Пётр Фридрихович) Риттих (23 июня 1831, Санкт-Петербург — 22 июня 1915, Царское Село) — генерал-лейтенант

сохранились легенды и песни, где упоминается широкий, седой, старый Дунай, а некоторые называют его в своих песнях белым, тихим или широким Дунаем. Чарота считает, что белорусы больше других славян сохранили воспоминания о Дунае, а в Беларуси существуют даже реки, которые называют его заветным именем. Так, в Витебске река, впадающая в Двину, называется Дунай. Река Бесед, впадающая в Сож в Могилёвской области, называется Задунки, и, наконец, — Дунаец в Быховском районе — все эти названия принесли переселенцы с берегов Дуная, возможно даже задолго до нашей эры.¹⁰²

Профессор Чарота действительно умел находить (малоизвестные) факты и людей, которые были связующим звеном двух братских славянских народов — белорусов и сербов, что подтверждает его гипотезу о неисследованности их связей. Таковой является выдающаяся личность Беларуси Франциск (Георгий) Скорина, о котором в Сербии мало знали и знают.¹⁰³ А именно, Скорина был всеобщеправославным

русской императорской армии, картограф, этнограф, военный теоретик, военный историк, геополитик, публицист и славянофил. Служил в армии с 1846 года. Окончил Главное инженерное училище и его офицерский класс. Автор многочисленных трудов по картографии, этнографии, геополитике, истории славян, военному делу, военной истории и статистике. Его наиболее известные исследования включают: «Этнографическая карта славянских народов» (Санкт-Петербург, 1874), «Этнографическая карта Европейской России» (Санкт-Петербург, 1875), «Славянский мир» (Варшава, 1885), «Материалы для этнографии Царства Польского. Люблинская и Августовская губернии» (Санкт-Петербург, 1864), «Материалы для этнографии России. Казанская губерния» (Казань, 1870), «Материалы для этнографии России. Балтийский край» (Санкт-Петербург, 1875), «Австро-Венгрия: Общая статистика» (Санкт-Петербург, 1874), «Соотношение полов в России» (Харьков, 1879), «Миграции» (Харьков, 1882), «Чехия и чехи» (Санкт-Петербург, 1897), «Восточный вопрос» (Санкт-Петербург, 1898) и «Четыре лекции о русской этнографии» (Санкт-Петербург, 1895). Кроме того, публиковался во многих журналах и газетах («Голос», «Новое время», «Свет», «Русь», «Славянские известия» и др.). В ряде своих работ он затрагивал историю Карпатской Руси и её населения. Многие труды А. Риттиха не утратили своего значения до сих пор. См.: Суляк С.Г., Александр Фёдорович Риттих (1831–1915) – жизнь и труды русского генерала, славянофила и его исследования Карпатской Руси, *Русин*, № 81, 2025, с. 53 – 126.

¹⁰² Чарота Иван, Видици једног Белоруса – Белосрбина: Есеји и студије, с. 171.

¹⁰³ Обращаем внимание на молдавского исследователя Юрия Иванова, который приводит новые данные о сербах на территории Молдавии (и Румынии), не только в отношении деятельности Скорины, но и других личностей, живших в

издателем, и удивительно/ поразительно, что значимые лица в судьбе Скорины были представителями сербского рода Бранковичей.¹⁰⁴

А вот основной текст, который для нас чрезвычайно важен, поскольку в нём вновь появляется Скорина и конкретно описывается причина его пребывания в молдавских землях: «И был Юрга Скорина Полоцкий в Великой Сучаве и Земле Молдавской, ибо его из Праги позвала добрая царица (правительница) Елена Сербская, любимая жена великого правителя (царя) и господина Петра Стефановича. А она поклялась (пообещала), что будет печатать красивые и живые описания своих великих предков: Иоанна (Ивана) Бранковича, великого правителя и господина сербского, его великих родителей — Стефана Бранковича, великого правителя и господина сербского, и его святую жену, великую правительницу Ангелину Сербскую, и весь её правящий род (Бранковичей), которых унизили, оклеветали и обвинили проклятые и яростные турки».¹⁰⁵

Скорина почти неизвестен в сербских землях, а играл весьма важную роль при жизни среди сербов. Особенно среди сербов в Молдавии,¹⁰⁶ о чём сербская наука молчит. Поэтому важно подчеркнуть и следующую мысль профессора Чароты: «И вообще, подтверждается справедливость пословицы: живём во время, когда Истина больше не скрыта от людей. Но теперь люди скрываются от неё».¹⁰⁷

Скорина не единственная «тайна» для сербов, здесь также личности отца и сына Иоанна и Владимира Пичеты¹⁰⁸ (первый был ректором богословской семинарии, а второй — основателем

Молдавии. Иванов Јуриј, Оснивач породице Пушкин „Часни муж” Радша, потомак Властимировића, прве владарске династије средњовековне Србије, *Српска баштина*, бр. 1, Никшић, 2025, с. 337 – 354.

¹⁰⁴ Чарота Иван, Да ли је Скорина био у Молдавији?, у зборнику: *Румунија и румунизација Срба*, приредио Зоран Милошевић, Центар академске речи, Шабац, 2018, с. 181. ISBN 978-86-80142-18-0

¹⁰⁵ Там же. С. 184.

¹⁰⁶ По данной теме следует также см.: *Молдавија и Словени*, зборник радова, приредили Зоран Милошевић, Дајана Лазаревић, Институт за политичке студије, Београд, 2025. ISBN 978-86-7419-433-1 Упор. Зоран Милошевић, Молдавија и Словени, у зборнику: *Молдавија и Словени*, зборник радова, приредили Зоран Милошевић, Дајана Лазаревић, Институт за политичке студије, Београд, 2025, с. 63 – 79.

¹⁰⁷ Чарота Иван, Да ли је Скорина био у Молдавији?, с. 186.

¹⁰⁸ Чарота Иван, *Видици једног Белоруса – Белосрбина*: Есеји и студије, с. 188 – 212.

Белорусского государственного университета в Минске).¹⁰⁹ Иоанн происходил из Мостара, а жизнь провёл в Российской империи, то есть и на территории современной Беларуси, где оставил значительный след.

Любовь профессора Чароты к сербам вела его к исследованию «забытых» личностей, всё с намерением сказать, что связи между двумя народами не отсутствуют, а являются неисследованными.

СВЯТОЙ САВВА И ПРОФЕССОР ЧАРОТА

Иван А. Чарота является кавалером ордена Святого Саввы третьей степени, который был ему присуждён Сербской православной церковью в 2004 году за особые заслуги в продвижении светосавия в России и Беларуси.¹¹⁰ Это было не только научное, но и молитвенное служение, учитывая, что он был верующим человеком. В Беларуси нынешний митрополит Минский и Заславский, патриарший экзарх всея Белоруссии, Вениамин, построил храм, посвящённый святому Савве, в городе Борисове,¹¹¹ и в его строительстве значительную роль сыграл и профессор Чарота. Кроме того, в 2024 году, началось строительство храма, посвящённого святому Савве Сербскому, в столице Беларуси, Минске.¹¹²

Профессор перевёл на русский и белорусский языки произведения, среди прочего, Святого Иустина Поповича, святителя Николая Велимировича, патриарха Павла, митрополита Амфилохия, отца Фаддея и многих других сербских богословов. Вообще, светосавие было для профессора Чароты и духовным, и научным ориентиром.

«Должен признаться, — сказал профессор Чарота на презентации книги Драгана Лакичевича «Посох Святого Саввы» на XXV международной книжной ярмарке в Минске, — что однажды я был озадачен тем, как один серб использовал выражение „светосавие“, чтобы определить национально-историческую сущность сербского

¹⁰⁹ См.: Милошевић Зоран, Академик Владимир И. Пичета, у зборнику: *Допринос Срба из Херцеговине српској историографији и култури*, СПКД Просвјета, Билећа – Гацко, 2007, с. 241 – 245.

¹¹⁰ Чарота Иван, Беларусија и Србија, с. 287.

¹¹¹ См.: О домовом храме святителя Саввы Сербского в Борисовском епархиальном управлении, <https://borisoveparhia.by/borisovskoe-blagochinie/o-domovom-khrame-svyatitelya-savvy-serbs.html> (приступлено 10. 2. 2026.)

¹¹² Храм Саввы Сербского в Минске построят за 1,5 года — застройщик, <https://www.sb.by/articles/khram-savvy-serbskogo-v-minske-postroyat-za-1-5-goda-zastroyshchik.html> (приступлено 10. 2. 2026.)

православия. Мне это казалось, мягко говоря, не совсем точным — в конце концов, если бы сделать общий вывод на основе первых впечатлений, могло бы показаться, что именно Савва является объектом поклонения... Между тем, как позже выяснилось, это выражение у сербов используется довольно часто, не только в повседневной речи, но и в литературе — в произведениях выдающихся писателей, а также опытных и мудрых богословов... Разумеется, я хотел понять причины этого. По крайней мере, я хотел попытаться понять причины такого, даже тревожащего, уровня почитания Святого Саввы».

Затем профессор поделился некоторыми сведениями, предопределяющими результаты этих размышлений, говоря о жизни святого Саввы. В частности, он отметил, что ряд сохранившихся житий святого Саввы (в миру — Растислава или Растко, как его обычно называли) свидетельствует о его действительно великом служении Христу, Его Церкви и Вселенскому Православию. Он напомнил, что первое житие святого Саввы было написано его учеником Доментианом вскоре после кончины святого, а позднее дополнено Феодосием; оба были афонскими (хиландарскими) монахами. Он пересказал важнейшие моменты, отражённые в этих биографиях.

Также невозможно игнорировать выражение, известное и дорогое каждому сербу: «Святой Савва — сербская Слава» или «Святой Савва сербов спасает», — продолжил профессор. На самом деле, несмотря на кажущуюся ясность, его трудно перевести на русский язык. Дело в том, что «слава» — специфически сербский феномен, неизвестный нам в нашей собственной традиции. У нас нет и идентичного понятия. Она означает особое почитание (празднование) семейного святого — например, святых Иоанна, Георгия, Николая, Параскевы... Испокон веков у сербов существует традиция передачи «славы» от отца к сыну, «через поколения». Соответственно, для определённых семей день церковного поминовения конкретного святого является особенно значимым праздником, несравнимо более важным, чем, скажем, день рождения члена семьи. Таким образом, святой Савва почитается как покровитель всех сербских семей, то есть всего сербского народа. Более того, с 1827 года его праздник официально отмечается как «школьная слава», что означает, что все школьники и студенты в стране празднуют его просветительские достижения. «Действительно, святой Савва — не только первый сербский архиепископ и глава сербской церкви, небесный покровитель и главный просветитель сербского народа, но и высший объединитель народа в нацию, один из основателей

государства, создатель правовой системы страны, пионер дипломатии, предтеча сербских паломников в Святую землю, основатель сербской национальной литературы... Кстати, нельзя не упомянуть, — сказал Иван Алексеевич, — что он является автором первого сербского жития — „О наследовании этого святого монастыря нашим преподобным отцом и основателем, господином Симеоном, и о его жизни, какой она была перед Богом и людьми”, а также службы святому Симеону, трёх типиконов, „Кормчей” и других письменных трудов». ¹¹³

Поэтому о благочестивых сербах говорят, что они — народ святого Саввы, и эти сербы имеют полное право верить: «Святой Савва — это наше всё». Иван Алексеевич также проследил связи святого Саввы с Россией и Беларусью. Если рассмотреть белорусский аспект отдельно, отметил профессор, нельзя не вспомнить хотя бы следующее: Франциск (Георгий) Скорина в календаре своей «Малой путевой книжки» (1522) упомянул святого Савву Сербского среди немногих имён славянских святых; Захария Копыстенский в своём полемическом трактате «Палинодия» (1621), направленном против разрушителей православия, упомянул Савву Сербского как образец.

Однако самым важным является то, что святой Савва был всеправославно-славянским Творцом, как это назвал Грэм Спик, ¹¹⁴ —

¹¹³ См.: Презентация нового перевода Ивана Чароты книги Драгана Лакичевича «Посох святого Саввы» состоялась на XXV Минской международной книжной выставке-ярмарке, <https://izdatsovet.by/index.php/component/k2/item/249-prezentatsiya-novogo-perevoda-ivana-charoty-knigi-dragana-lakichevicha-posokh-svyatogo-savvy-sostoyalas-na-xxv-minskoj-mezhdunarodnoj-knizhnoj-vystavke-yarmarke> (преузето 10. 2. 2026.)

¹¹⁴ *Света Гора међу народима*, Задужбина Манастира Хиландар, 2024. Книга английского византолога и публициста Грэма Спика «Святая Гора среди народов» (Духовное и культурное рассеяние Святой Горы Афонской) отражает невероятную роль святогорцев в распространении православного монашества в Восточной Европе, а в новейшее время и шире, на Западе. Она вводит нас в жизни выдающихся и святых людей, которые сначала сами были привлечены голосом о Святой Горе и которых вела неутолимая жажда впитать дух её мудрости и пережить её молитву. Затем, преобразившись в глубине своего существа, они возвращались во внешний мир, где вдохновенно сеяли плоды своих подвигов и учения.

В замечательной демонстрации того, что сегодня называется «мягкой силой» в действии, эти люди перенесли духовную культуру, а также образ Святой Горы Афонской во все края Балканского полуострова, в Украину, на крайний север

«Афонским содружеством» (путём) от Святой Горы до русских земель. В качестве центра защиты славянского православия Спик указывает Хиландар, а ключевой фигурой этой саги — святого Савву.

Таким образом, святой Савва создал этот православный путь от Святой Горы до русских земель через Валахию,¹¹⁵ Молдавию и Малую Русь.¹¹⁶ Дело святого Саввы продолжил святой Никодим (родственник князя Лазаря), а всё было разрушено созданием Румынии и так называемой Крымской системы после поражения России в Крымской войне 1853–1856 годов.

Профессора Чароту и святого Савву объединяет и одинаковое отношение к унии и униатству.¹¹⁷ А именно, когда крестоносцы захватили Константинополь, только Сербская церковь не признала папу верховным главой, тогда как Болгарская признала.

Болгарская церковь в течение 30 лет пребывания в ереси униатства возвращалась к православию, и это, по договорённости с императором из Никеи, должен был осуществить святой Савва в Тырново, что в народном предании сделало его «новым Крестителем».

«Политическое обещание болгар ромейскому императору о возвращении к православию и разрыве союза с крестоносцами было лишь светским соглашением, пока Савва, живой православный святой, не пришёл из Святой земли через Каппадокию в Тырново, чтобы крестить Иоанна Асена».¹¹⁸

И он крестил его. Так Болгария вновь стала православной.

России, через Сибирь и Берингов пролив до Северной Америки, и в последнее время — на Запад. Их свидетельство веры во Христа динамично и искренне. Это величайший дар Афона миру, жаждущему духовной пищи и руководства.

¹¹⁵ См.: Милошевић Зоран, Изгубљена државност Влашке и идеологија румунских интеграција, у зборнику: Међународне интеграције као инструмент геополитике, Институт за политичке студије, Београд, 2024, с. 307 – 337. ISBN 978-86-7419-401-0.

¹¹⁶ См. и: Субашић Борис, *Пут у нигде*, Откривање Срба од Кападокије до Карпата, Службени гласник, 2024, с. 156 – 157.

¹¹⁷ См.: Чарота Иван, Видици једног Белоруса – Белосрбина: Есеји и студије, с. 129. Унија и национална самосвест Белоруса. Чарота Иван А., Унија у историји источних Словена: Библиографска грађа, у зборнику: Унија: Политика Римокатоличке цркве према православним Словенима, приредио Зоран Милошевић, Центар академске речи, Шабац, 2015, с. 355 – 371. ISBN 978-86-80142-06-7

¹¹⁸ Субашић Борис, *Пут у нигде*, Откривање Срба од Кападокије до Карпата, с. 138.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Творчество профессора Ивана А. Чароты является обширным, междисциплинарным и ценным. В методологическом смысле он придерживался проверенных принципов и ценностей, критически переосмысливая новые-старые тенденции, независимо от того, в какое новое одеяние они были облачены. Другими словами, его критический ум не поддавался обману идеологических лозунгов и духа времени. Поэтому его творчество вечно и может послужить молодым примером того, как следует работать и чему следовать в течение земной жизни.

Верность славянству, любовь к сербам, своему вдохновению и сильная вера являются отличительными чертами творчества Ивана А. Чароты. В этих областях он поражал ясными позициями и твёрдыми аргументами.

Сербы или Сербия как-то быстро забыли профессора Чароту, также/аналогично и сами белорусы, которые не осознают, какой человек жил среди них.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев А.И., Иосиф Волоцкий, *Православная энциклопедия*. — Т. XXV. Москва, 2011.
- Анатомија румунске политике*, зборник радова, приредио Зоран Милошевић, Центар академске речи, Шабац, 2017.
- Данилевский Н. Я. *Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому*, Благословение, Институт русской цивилизации, Москва, 2011.
- Иванов Јуриј. Оснивач породице Пушкин „Часни муж” Радша, потомак Властимировића, прве владарске династије средњовековне Србије, *Српска баштина*, бр. 1, Никшић, 2025.
- Иљин Иван. О духовној обнови, Логос, Ант, Београд, 1998.
- Јединство православних Словена*, књига друга, приредио Зоран Милошевић, Институт за политичке студије, Београд, 2008. ISBN 978-86-7419-157-6
- Јединство православних Словена*, књига прва, приредио Зоран Милошевић, Филозофски факултет, Источно Сарајево, 2006. ISBN 99938-47-10-0.
- Киреев Александр. *Учение славянофилов*. Институт русской цивилизации, Москва, 2012.
- Лазаревић Дајана. Политичке околности интеграција СР Југославије у савез Русије и Белорусије, у зборнику: *Међународне интеграције као инструмент геополитике*, приредили Зоран Милошевић, Дајана Лазаревић, Институт за политичке студије, Београд, 2024. ISBN 978-86-7419-401-0

- Милошевић Зоран. Академик Владимир И. Пичета, у зборнику: *Допринос Срба из Херцеговине српској историографији и култури*, СПКД Просвјета, Билећа – Гацко, 2007.
- Милошевић Зоран. Изгубљена државност Влашке и идеологија румунских интеграција, у зборнику: *Међународне интеграције као инструмент геополитике*, Институт за политичке студије, Београд, 2024. ISBN 978-86-7419-401-0.
- Милошевић Зоран. Молдавија и Словени, у зборнику: *Молдавија и Словени*, зборник радова, приредили Зоран Милошевић, Дајана Лазаревић, Институт за политичке студије, Београд, 2025.
- Молдавија и Словени*, зборник радова, приредили Зоран Милошевић, Дајана Лазаревић, Институт за политичке студије, Београд, 2025. ISBN 978-86-7419-433-1
- О домовом храме святителя Саввы Сербского в Борисовском епархиальном управлении, <https://borisoveparhia.by/borisovskoe-blagochinie/o-domovom-khrame-svyatitelya-savvy-serbs.html> (приступљено 10. 2. 2026.)
- Презентација новог превода Ивана Чароты книги Драгана Лакичевича «Посох святого Саввы» состоялась на XXV Минской международной книжной выставке-ярмарке, <https://izdatsovet.by/index.php/component/k2/item/249-prezentatsiya-novogo-perevoda-ivana-charoty-knigi-dragana-lakichevicha-posokh-svyatogo-savvy-sostoyalas-na-xxv-minskoj-mezhdunarodnoj-knizhnoj-vystavke-yarmarke> (преузето 10. 2. 2026.)
- Ритих А. Ф. *Славянски мир*, Институт русской цивилизации, Москва, 2013.
- Румунија и румунизација Срба*, приредио Зоран Милошевић, Центар академске речи, Шабац, 2018.
- Света Гора међу народима*, Задужбина Манастира Хиландар, Хиландар, 2024.
- Славянофильство и западничество: основные идеи и представители, <https://studfile.net/preview/3564412/page/7/> (преузето 8. 2. 2026.)
- Србија и Евроазијски савез*, зборник радова, приредио Зоран Милошевић, Центар академске речи, Међународна словенска академија – српско одељење, Шабац, 2016.
- Субашић Борис. *Пут у нигде*, Откривање Срба од Кападокије до Карпата, Службени гласник, 2024.
- Суляк С.Г. Александр Фёдорович Риттих (1831–1915) – жизнь и труды русского генерала, славянофила и его исследования Карпатской Руси, *Русин*, № 81, 2025.
- Турлај Иван Сергеевич. *Минск – престоница словенског света*, <https://naukaikultura.com/minsk-prestonica-slovenskog-sveta/%d1%81%d0%bb%d0%be%d0%b2%d0%b5%d0%bd%d1%81%d0%ba%d0%b8-%d1%81%d0%b2%d0%b5%d1%82/> (приступљено 8. 2. 2026.)

- Унија*: Политика Римокатоличке цркве према православним Словенима, зборник радова, друго, допуњено издање, приредио Зоран Милошевић. Центар академске речи, Шабац, 2015.
- Храм Саввы Сербского в Минске построят за 1,5 года — застройщик, <https://www.sb.by/articles/khram-savvy-serbskogo-v-minske-postroyat-za-1-5-goda-zastroyschik.html> (приступљено 10. 2. 2026.)
- Чарота Иван А. Унија у историји источних Словена: Библиографска грађа, у зборнику: Унија: Политика Римокатоличке цркве према православним Словенима, приредио Зоран Милошевић, Центар академске речи, Шабац, 2015. ISBN 978-86-80142-06-7.
- Чарота Иван. “Чего же нам не хватает? Наверное, разума”, <https://krasnoarsk.ru/detail/6379/> (преузето 7. 2. 2026.)
- Чарота Иван. *Белорусија и Србија*: Трагом узајамног упознавања и деловања, Центар академске речи, Шабац, 2016. ISBN 978-86-80142-11-1.
- Чарота Иван. *Видици једног Белоруса – Белосрбина*: Есеји и студије, Институт за политичке студије, Београд, 2023. стр. 180. ISBN 978/86/7419/369/3
- Чарота Иван. Да ли је Скорина био у Молдавији?, у зборнику: *Румунија и румунизација Срба*, приредио Зоран Милошевић, Центар академске речи, Шабац, 2018. ISBN 978-86-80142-18-0
- Чарота Иван. Идея единства славян в первой половине XVIII века, *Литературный журнал «Наши современник»* 4, 2018.
- Чарота Иван. Реалност која спречава идеално: Дерусификација самосвести Белоруса и перспективе савеза Белорусије и Русије, у зборнику: *Где ти је држава, Каине? Будућност словенских држава*, приредио Зоран Милошевић. Центар академске речи, Шабац, 2015.
- Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, СПб., 1890—1907.

Zoran Milošević

Petrovskaya Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

Institute for Political Studies, Belgrade, Serbia

SLAVOPHILISM AND SERBOPHILIA IN THE WORK OF IVAN A. CHAROTA

Abstract

The work of Professor Ivan A. Charota is extensive, interdisciplinary, and valuable. Methodologically, he adhered to proven principles and values, critically reexamining both new and old tendencies, regardless of how they were presented in a new guise. In other words, his critical mind was not deceived by ideological slogans or the spirit of the times. For this reason, his work is enduring and can serve as a model for younger generations on how to work and what to follow throughout life.

Loyalty to Slavdom, love for the Serbian people—his source of inspiration—and strong faith are defining features of Ivan A. Charota's work. In these areas, he stood out for his clear positions, highly inspired interpretations, and firm arguments.

Keywords: Ivan A. Charota, Belarus, Serbia, Slavophiles, Serbophiles, Beloserb, Belarusian, Saint Sava

Даяна Лазаревич¹¹⁹

Институт политических исследований
Белград, Сербия

ПО СЛЕДАМ АКАДЕМИКА ИВАНА А. ЧАРОТЫ (1952–2024) — ПРАВОСЛАВНОГО СЛАВЯНОФИЛА И ОСНОВАТЕЛЯ БЕЛОРУССКО-СЕРБСКИХ НАУЧНЫХ СВЯЗЕЙ¹²⁰

Резюме

Настоящая работа посвящена заслугам в науке и культуре Ивана Алексеевича Чароты (1952–2024), белорусского слависта и сербиста. Особое внимание уделяется православному славянофильству Чароты, а также его роли в основании научного изучения белорусско-сербских культурных связей. Отдельно рассматривается сотрудничество Чароты с сербскими учёными, переводчиками и издателями, а также с писателями, которых он переводил на русский и белорусский языки. Методологически работа опирается на научные труды Ивана Чароты, а также на научные материалы о нём, до сих пор доступные в сербской и белорусской историографии. В заключении говорится о заслугах Ивана Чароты перед белорусской и сербской культурой, а также славяно-православной.

Ключевые слова: Иван Чарота, белорусско-сербские культурные связи, белорусско-сербские научные связи, литературный перевод, славистика, славянофильство, православие.

ВВЕДЕНИЕ

О заслугах белорусского слависта, профессора, доктора филологии и иностранного члена САНИ Ивана Алексеевича Чароты (1952–2024) крайне мало говорилось и говорится в наших научных кругах. Отсутствует научный анализ его профессионального вклада в области социально-гуманитарных наук и литературно-переводческого наследия, который дал бы достоверное представление о жизненном

¹¹⁹ dajanalazarevic93@gmail.com; ORCID 0009-0001-2534-450X.

¹²⁰ Данная статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта Синодальной исторической комиссии (01.12.2025–01.12.2026).

пути и деятельности Чароты. Некоторые шаги в этом направлении всё же были сделаны, и лишь небольшое число учёных из славянского (православного) мира взяло на себя эту ответственную и долгосрочную задачу сохранения и популяризации памяти о профессоре Чароте (Кирилл В. Шевченко, Лев Я. Криштапович, Владимир Н. Чушев, Вячеслав В. Сухнев, Анна В. Наумова, Юрий В. Иванов, Светлана В. Голяк, Зоран Милошевич). В этом существенно помогает и международный научный проект Синодальной исторической комиссии БПЦ, Минской духовной академии и Минской духовной семинарии в Беларуси, которые инициировали проект «Жизнь и деятельность проф. д-ра Ивана А. Чароты» в декабре 2025 года, объединив научных и культурных деятелей из нескольких православных стран.¹²¹ Благодаря этому проекту 8 декабря 2025 года в Минской духовной академии состоялось научное собрание, посвящённое профессору Чароте, а также организуется международная научная конференция «Жизнь и деятельность проф. д-ра Ивана А. Чароты» 22–23 июня 2026 года в Институте политических исследований в Белграде.

Основу данной работы составляет идея сохранения памяти о профессоре Чароте в рамках культурной памяти сербов и других славянских (православных) народов через освещение его научного и культурного вклада. Методологический подход включает анализ существующей литературы о научном вкладе профессора Чароты, его научных статей и монографий, человеческого и профессионального подвига в православной любви к сербам, русским и белорусам, а также рассмотрение признаков принадлежности к здоровой и естественной славянофильской идее.

ПРАВОСЛАВНОЕ СЛАВЯНОФИЛЬСТВО ЧАРОТЫ

В течение своей долгой творческой жизни, продолжавшейся целых пять десятилетий, Иван Чарота неустанно защищал и продвигал сербское слово в Беларуси.

Пока существовала Югославия, Чарота переводил с сербского, словенского, хорватского, македонского, даже болгарского языка, а

¹²¹ Проект «Жизнь и деятельность проф. д-ра Ивана А. Чароты» Синодальной исторической комиссии Белорусского экзархата Московского патриархата был подписан в Минске 1.12.2025, а руководителями проекта являются главный научный сотрудник Института политических исследований (Белград) проф. д-р Зоран Милошевич и м-р Даяна Лазаревич. Данная работа выполнена в рамках этого же проекта как одно из проектных заданий автора.

после распада названного государства полностью сосредоточил внимание на сербском языке, литературе и культуре. Несмотря на общественно-политические обстоятельства, свой «югославизм» Чарота не скрывал в биографии, а степень кандидата филологических наук получил в 1987. году в Институте в Ленинграде, защитив диссертацию под названием «Творчество М.А. Шолохова и литературные процессы в Югославии (1956–1986)». Причина выбора сербской культуры и литературы была глубоко укоренена в его понимании исторической судьбы сербского народа и его справедливости.

Иван Чарота был автором, составителем и переводчиком с различных славянских языков около 150 книг и брошюр и около 650 научных работ. Полная библиография пока не составлена, но можно надеяться, что филологическая наука восполнит этот пробел, чтобы в полной мере представить творческое и научное наследие Чароты.

Членом САНИ Иван Чарота стал в 2009 году, произнеся вступительную речь, в которой сербским коллегам очень точно объяснил следующее: «Возвращаясь к конкретному вопросу, который предопределил нашу тему, я не могу обойти стороной обстоятельство, что “Восток” и “Запад” белорусы видят в координатах, отличных от сербских: “Запад” для них — прежде всего Польша, разумеется вместе с Германией, Швецией и т.д., а “Восток” — это Сербия, Югославия, Балканы... и также Россия. А всё это определяет общее отношение белорусов (как сознательное, так и бессознательное) к Востоку и Западу. Белорусы, особенно православные (которые не променяли веру на выгоду), всё-таки последовательно различают “православный Восток” (наш!) и “католический Запад” (чужой!), уже потому, что в глазах западных цивилизаторов православные белорусы — это “восточники”, “полуазиаты”, “схизматики”.»¹²²

Чарота ценил то, что является нашим, то есть «славянское», «православное», «восточное». Возможно, это не было желанным в глазах Запада, но его мнение Запада не интересовало. Хотя он представлял себя исключительно как «скромного» и «православного» человека, поддержка подлинного славянского и православного начала и настойчивость в их (духовном) объединении указывают на его «православное славянофильство».

¹²² Чарота Иван А. Белоруско-српски односи као научни проблем // Глас – Српска академија наука и уметности. Одељење језика и књижевности. CDXXVII. књ.. 30, 2017. – с. 57.

При этом Чарота в своих призывах к «единению братьев во Христе» не впадает в утопизм, поскольку полностью осознаёт политические условия закулисных соглашений, в которых «обычный» народ ничего не решает. Поэтому он не говорит о территориальных и политических союзах — они изменчивы и преходящи, тогда как единство в вере и Господе — единственно вечное. Кроме того, он очень осторожно напоминает о нашем общем происхождении, которое должно пробудить каждого славянина, ссылаясь на русского монаха летописца Нестора (1056–1114) и его летопись «Повесть временных лет»:

«Был един народ славянский: славяне, которые сидели по Дунаю, покоренные уграми, и моравы, и чехи, и поляки, и поляне, которые теперь зовутся русь. Для них ведь, моравов, первых созданы буквы, названные славянской грамотой; эта же грамота и у русских, и у болгар дунайских.»¹²³

Летопись идёт ещё дальше, объясняя, как славяне расселялись по великим рекам, получая различные названия: «Спустя много времени славяне поселились по Дунаю, где ныне земля угорская и болгарская. От тех славян разошлись славяне по земле и стали называться своими именами по местам, где поселились. Так одни, придя, поселились на реке по имени Морава и назвались моравами, другие — чехами. А вот ещё те же славяне: белые хорваты, и сербы, и хорутане. Когда волохи напали на дунайских славян и поселились среди них, и угнетали их, тогда те славяне пришли и поселились на Висле и назвались ляхами, а от тех ляхов произошли поляки; другие ляхи — лютичи, некоторые — мазовшане, а другие — поморяне.

Так же и эти славяне пришли и поселились по Днепру и назвались полянами, а другие — древлянами, потому что жили в лесах; другие поселились между Припятью и Двиной и назвались дреговичами; некоторые поселились по Двине и назвались полочанами, по реке, впадающей в Двину, которая называется Полота — от неё и получили имя. Те славяне, которые поселились около озера Ильмень, назвались своим именем — словенами, и построили город, и назвали его Новгород. А другие поселились по Десне, и по Сейму, и по Суле, и

¹²³ Летописец Нестор. Повесть временных лет. — Доступно на: <https://www.spsl.nsc.ru/history/descr/PWL/povest1.htm>

назвались северянами. И так разошёлся славянский народ, и по его имени письмо назвалось славянским.»¹²⁴

Западные, восточные и южные славяне, конечно, являются потомками древних славян. Поэтому Чарота справедливо задаётся вопросом: «Возможно ли, что в будущем никто не займётся тем, что всё же необходим язык межславянского общения? (...) И останется ли Россия в дальнейшем равнодушной к судьбе славянского сообщества?»¹²⁵

Вопрос российского равнодушия имеет решающее значение, считает Чарота, поскольку русская земля самая большая и наиболее влиятельная в славянском мире, несмотря на все внутренние, политические и религиозные разделения. Единственная страна, способная вызвать перемены и побудить других к действию, — это Россия. Чтобы подчеркнуть и объяснить решающую роль России в панславянском мире, Чарота ссылается на преподобного Иустина Челийского, который говорит: «Русская душа — это самое драматическое поле битвы, где беспощадно сражаются ангелы и дьяволы. За русскую душу ревниво борются миры, борются вечности, борются сам Бог и сам Сатана.

Что составляет и представляет рай русской души? Рай русской души составляют и проявляют богоносцы и христоносцы земли русской, русские святые — от святого Владимира до патриарха Тихона Исповедника. Огромна, чудесна, безгранична святость славных святых земли русской. Каждый святой — это не что иное, как возвращённый рай. А это значит — душа, освобождённая от греха, смерти и дьявола и соединённая с Богом, Его святостью и вечностью.»¹²⁶

Таким образом, Чарота мечтал об объединении православных славян во Христе через осознание общего происхождения, исторических страданий и миссии народов, которая должна исполниться судьбоносными связями. Он не призывал к обращению кого-либо и «возвращению» в православие (тем более насильственным путём) и не был сторонником какого-либо насилия. Славянам,

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Чарота Иван А. Видици једног Белоруса-Белосрбина. Београд: Институт за политичке студије, 2023. — с. 127.

¹²⁶ Преп. Иустин Попович. О рае русской души. Достоевский как пророк и апостол православного реализма / Перевод И. Чароты. — Минск, 2001. — С. 5–6.

отвернувшимся от братьев в пользу Запада, он кратко отвечал: «А что касается того, каково направление “западной души”, то это также воля Господня.»¹²⁷

О необходимости единения православных людей Чарота говорил как в частном, так и в публичном порядке, во всех контекстах. Об этом почти анекдотически вспоминает белорусский писатель Виктор Анатольевич Шнип (1960). В своей статье «Бог тебя слушал», опубликованной в белорусской газете «Литература и искусство», он описал следующую анекдотическую ситуацию: «8.10.2013. Два дня назад у нас был Иван Чарота. Мы говорили о жизни и повседневности, и, когда разговор коснулся литературы, Иван Алексеевич рассказал об идее некоторых писателей создать Союз православных писателей...»¹²⁸

В заключение можно сказать следующее. «Три сердца» Чароты — это Беларусь, Россия и Сербия, «три православные сестры». Он в некотором смысле желал их духовного единения, поскольку это основа для других форм объединения, поэтому в данной работе мы говорим о «православном славянофильстве» Чароты. Также в его духе и следующий вывод: кто хочет быть с нами — добро пожаловать, а кто не хочет — пусть идёт туда, где считает, что ему будет лучше, «а Бог рассудит в конце».

ВКЛАД В БЕЛОРУССКО-СЕРБСКИЕ СВЯЗИ

В некрологе о профессоре Иване А. Чароте университетский преподаватель Светлана В. Голяк записала следующее: «На втором курсе бакалавриата Иван Чарота выбирает спецкурс по сербскому языку у Веры Лумбиной, первого преподавателя сербского языка в Беларуси. С тех пор и на протяжении всей жизни он был предан сербистике и шире — славистике. В девяностые годы прошлого века, когда на филологическом факультете в Минске впервые были введены учебные группы по нескольким славянским языкам (которые до этого имели лишь статус второго славянского языка в русистике и белорусистике), профессор Чарота активно добивался открытия группы по сербскому языку и литературе, несмотря на нехватку преподавательских кадров, что ему удалось осуществить в 1997/98 учебном году, когда на это направление поступили первые 15 студентов.

¹²⁷ Чарота Иван А. Видици једног Белоруса-Белосрбина, оп.цит. – с. 128.

¹²⁸ Шніп, Віктар. Бог цябе слухаў // Літаратура і мастацтва. – 2024. – 15 лістапада (№ 43). – С. 11.

В последующие годы он заложил научную и методологическую основу преподавания сербской литературы в Беларуси, подготовил несколько поколений студентов и аспирантов, приложил все возможные усилия для обеспечения необходимыми материалами и литературой.»¹²⁹

Чтобы создать этот «научный и методологический фундамент», профессор Чарота сам работал над созданием научной и учебной литературы, которая будет полезна его студентам-сербистам. Так появились книги по литературной компаративистике: «Белорусская советская литература за рубежом» (1988)¹³⁰ и «Поиск вечной истины: белорусская литература XX века в процессах национального самоопределения (1995),¹³¹ а также пособия по художественному переводу: «Художественный перевод на белорусский язык: основы теории и практические рекомендации» (1997),¹³² «Теория и практика художественного перевода» (2011).¹³³

Стремясь приблизить сербскую историю и культуру своим студентам, а также другим белорусским читателям, профессор Чарота подготовил несколько сборников статей на русском и белорусском языках: «Косовская битва продолжается» (2000),¹³⁴ «Народ сербский: его обряды и обычаи, святыне и святыни» (2006, 2009 и 2012),¹³⁵ «Белорусы о Сербии и Югославии» (2015).¹³⁶

Чарота часто направлял своё переводческое внимание на сказки южнославянских народов, переводя их с сербского, хорватского,

¹²⁹ Гольак Светлана В. In Memoriam – Беларускі славіста Іван Чарота (16.09.1952–7.11.2024) // Славистика XXVIII/2, 2024. – с. 389.

¹³⁰

Беларуская савецкая літаратура за мяжой / Г. Я. Адамовіч, Л. А. Казыра, У. Л. Сакалоўскі, І. А. Чарота ; рэд. У. І. Сакалоўскі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1988. – 88 с.

¹³¹ Чарота І.А. Пошук спрадвечнай існасці: беларуская літаратура XX стагоддзя ў працэсах нацыянальнага самавызначэння. – Мінск: Навука і тэхніка, 1995.

¹³² Чарота І.А. Мастацкі пераклад на беларускую мову : асновы тэорыі і практычныя рэкамендацыі. Вучэбны дапаможнік. – Мн.: БДУ, 1997.

¹³³ Чарота І.А. Тэорыя і практыка мастацкага перакладу. – Мн: БГУ, 2011.

¹³⁴ Чарота І.А. (уклад.). Косовская битва продолжается. – Мн.: Бр. Архистр Михаила, 2000.

¹³⁵ Чарота І.А. (уклад.). Народ сербскі : яго абрады і звычаі, святы і святыні. – Мн.: РІВШ, 2006.

¹³⁶ Чарота І.А. (уклад.). Беларусы пра Сербію і Югаславію. – Мінск: Белпринт, 2015.

словенского, македонского языков. Так появились сборники: «Югославянские сказки» (1999),¹³⁷ «Языки всего живого: сербские народные сказки» (2007),¹³⁸ «Подарок от всего сердца: сказки славянских народов» (2013)¹³⁹ и многие другие. Также Чарота познакомил студентов-сербистов со всей сербской литературой с помощью пятитомного издания: «Сербская литература. Антология текстов. Кн. I–V» (2002–2007),¹⁴⁰ антологии «Сербская поэзия» в сотрудничестве с Момчилом Джерковичем (1989),¹⁴¹ учебного пособия «История сербской литературы: практикум» (2006),¹⁴² «Сербская литературная критика — научно-методическое пособие» (2021)¹⁴³ и «Основы сербистики — учебно-методическое пособие» (2022).¹⁴⁴

В белорусской и российской периодике Иван Чарота публиковал переводы многочисленных сербских духовных лиц: владыки Николая (Велимировича), преподобного Иустина (Поповича) и патриарха Павла Сербского; а также известных сербских писателей: Иво Андрича, Бранислава Нушича, Добрицы Чосича, Горана Петровича, Драгослава Михайловича, Десанки Максимович, Миры Алечкович, Грозданы Олуич, Драгана Лакичевича, Лиляны Хабьянович-Джурович, Радомира Андрича и многих других. Впечатляет количество книг, которые Иван Чарота перевёл и опубликовал на белорусском и русском языках, а также число рукописей, оставшихся частью его наследия и ожидающих публикации в будущем (среди них — две поэтические книги Десанки

¹³⁷ Чарота І.А. (уклад.). Югаславянскія казкі : Зборнік. — Мн, 1999.

¹³⁸ Чарота І.А. (уклад.). Мовы ўсяго жывога : сербскія народныя казкі. — Мінск : Мастацкая літаратура, 2007.

¹³⁹ Чарота І.А. (уклад.). Падарунак ад усяго сэрца : казкі славянскіх народаў. — Мінск : Звязда, 2013.

¹⁴⁰ Чарота Іван (ур.). Српска књижевност. Антологија текстова. Књ. I–V. — Минск: БДУ, 2002–2007.

¹⁴¹ Джэркавіч Момчыла і Чарота Іван (ур.). Сербская паэзія. — Мінск: Мастацкая літаратура, 1989.

¹⁴² Чарота Іван. Гісторыя сербскай літаратуры: практыкум для студэнтаў спецыяльнасці 1-21 05 04 // Славянская філалогія. — Мінск: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, 2006.

¹⁴³ Чарота І.А., Навумава Г.У. (склад). Сербская літаратурная крытыка : вучэб.-метад. Дапаможнік. — Мінск : БДУ, 2021.

¹⁴⁴ Чарота І.А. Наумова А.В. Основы сербистики: учеб.-метод. пособие. — Минск: БГУ, 2022.

Максимович, один сборник современного поэта Радомира Андрича и несколько других).

Профессор Чарота часто подчёркивал белорусско-сербские литературные связи, объясняя их в своих многочисленных трудах и лекциях. Он никогда не говорил, что их нет или что они скудны, напротив — утверждал, что они существуют и остаются неисследованными. Это хорошо отражает его заявление в интервью журналу «Погледи» в 1994 году: «У меня вошло в привычку, а может, стало и профессиональной деформацией, стремление доказывать, что южнославянско–восточнославянские связи, равно как и сербско-белорусские связи, никак не относятся к тому, что сербы называют “невиданным чудом”. Эти связи ещё не исследованы, никто ими ещё не занимался. И сам не могу этим похвастаться. Я собрал корпус фактов, которые будут освещены лишь в будущем...»¹⁴⁵

Впрочем, собранный корпус фактов, о котором говорит Чарота, значительно больше и важнее, и по его научным статьям, посвящённым теме белорусско-сербских связей, можно заключить, что именно он — начинатель их научного исследования.

Вклад Ивана Чароты в присутствие «сербского слова» на территории Беларуси был не только литературным и научным, но и гуманитарным. Он является одним из основателей «Комитета поддержки сербов и черногорцев» и организации «Беларусь — сестра Сербии», многолетним председателем общества «Беларусь — Сербия». Эти организации были ориентированы на помощь жертвам бомбардировок НАТО 1999 года, помощь сербским церквям и монастырям в Косово и Метохии, а также на повышение осведомлённости белорусского народа о жизни сербов, находящихся под давлением Запада, угнетённых и подвергнутых осуждению.

Помимо сотрудничества с Момчилом Джерковичем, упомянутого в начале работы, профессор Чарота установил длительное и плодотворное сотрудничество с переводчиком, доктором филологии Миодрагом Сибиновичем (1937–2020). Дружба и взаимное уважение между ними сохранялись с начала 1990-х годов до смерти Сибиновича в 2020 году, и вместе они создали выдающиеся труды. Первым из них стала «Антология белорусской поэзии», опубликованная в Сербской

¹⁴⁵ Чарота Иван. Интервју // Погледи, Крушевац, 14.1.1994. – с. 38-41.

литературной задруге в 1993 году.¹⁴⁶ Хотя Сибинович был русистом, он понимал и переводил также белорусскую и украинскую литературу, а его мастерство Чарота определил следующим образом: «Профессор Сибинович в данном случае проявил исключительно тонкое понимание белорусского поэтического слова и предложил читателям на сербском языке в заглавии послесловия антологии надёжный ключ, обратив внимание на буквальное и метафорическое значение корневой речи.»¹⁴⁷

Сибинович наиболее точно передавал смысл оригинала, одновременно донося его до своих соотечественников на естественном поэтическом языке. Сотрудничество между двумя крупнейшими связующими звеньями белорусско-сербских литературных отношений — Чаротой и Сибиновичем — продолжилось, и в 2000 году в Белграде была опубликована «Антология лирики восточных славян»,¹⁴⁸ затем второе издание «Антологии белорусской поэзии» в честь Янки Купалы и Якуба Коласа в 2012 году при поддержке Посольства Республики Беларусь¹⁴⁹ и, наконец, «Под крылом аиста. Антология современной белорусской поэзии» в Подгорице в 2014 году.¹⁵⁰

Прощаясь с Сибиновичем, в очень эмоциональном отзыве об их сотрудничестве Чарота написал следующее: «Возможно, это и не совсем уместно, но позволим себе предположить, что спустя двадцать лет у нас появились предложения отметить заслуги проф. Миодрага Сибиновича государственной наградой — медалью Франциска Скорины, а также присвоить ему звание почётного профессора Белорусского государственного университета. Ни одно из этих предложений, к сожалению, не было реализовано при его жизни. Что ж, мы, белорусы, всегда демонстрируем, какое внимание готовы уделять своим преданным и искренним друзьям и насколько умеем быть благодарными. Фактически коллега Сибинович десятилетиями вносил

¹⁴⁶ Чарота Иван (прир.). Антологија белоруске поезије / прев. Миодраг Сибиновић. – Београд: СКЗ, 1993.

¹⁴⁷ Чарота Иван (прир.). Предговор // Антологија белоруске поезије / прев. Миодраг Сибиновић. – Београд: СКЗ, 1993.

¹⁴⁸ Чарота Иван (прир.). Антологија лирике Источних Словена / прев. Миодраг Сибиновић. – Београд: Ривел-ко, 2000.

¹⁴⁹ Чарота Иван (прир.). Антологија белоруске поезије – друго допуњено издање / прев. Миодраг Сибиновић. – Београд: СКЗ, 2012.

¹⁵⁰ Чарота Иван (прир.). Испод крила роде. Антологија савремене бјелоруске поезије / прев. Миодраг Сибиновић. – Подгорица: Удружење књижевних преводаца Црне Горе, 2014.

вклад в белорусистику и сербско-белорусские литературные контакты без какой-либо благодарности.»¹⁵¹

Ещё один серб оставил след в жизни Чароты — сначала как издатель его работ, а затем как автор, которого он переводил на русский язык. Речь идёт о профессоре докторе Зоране Милошевиче (род. 1959), научном советнике Института политических исследований, основателе и владельце издательств «Бели Анђео» и «Центар академске речи» в г. Шабац. Милошевич познакомился с Чаротой в Минске в начале 2000-х годов, а в позже они встречались в Белграде и Минске на международных научных конференциях, развивая контакты. Благодаря этому сотрудничеству научная монография Чароты «Беларусь и Сербия — по следам взаимного знакомства и взаимодействия» была опубликована в Шабаце в 2016 году,¹⁵² а затем «Взгляды одного белоруса-белосерба» в Белграде¹⁵³ в 2023 году в Институте политических исследований (в первой половине года, когда Милошевич исполнял обязанности директора).

Иван Чарота и его студенты с филологического факультета в Минске перевели сборник научных статей д-ра Зорана Милошевича «Геополитика 2», который вышел в Минске в 2023 году.¹⁵⁴ Предисловие к этой книге написал Чарота, дав очень высокую оценку своему сербскому соратнику и другу как труженику «на защите славянского рода».¹⁵⁵

Примерно в то же время Чарота знакомится и начинает сотрудничество с известным сербским журналистом Йово Баичем (1947) из Белграда. Баич неоднократно освещал визиты Чароты в Сербию и его литературную и научную деятельность, а незадолго до смерти Чароты подготовил обширное, всестороннее интервью для

¹⁵¹ Чарота Иван. Видици једног Белоруса-Белосрбина. — Београд: Институт за политичке студије, 2023. — с. 232.

¹⁵² Чарота Иван. Белорусија и Србија — трагом узајамног упознавања и деловања. Шабац: Центар академске речи, 2016.

¹⁵³ Лазаревић Дајана. Јединствени представник белоруско-српских научних веза — Зоран Милошевић // Српска политичка мисао, вол. 86, бр. 4, с. 151.

¹⁵⁴ Милошевич Зоран. Геополитика. Взгляд с Балкан. Ч. 2. Минск: Белпринт, 2023.

¹⁵⁵ Чарота Иван А. Предисловие // Геополитика 2, авт. Зоран Милошевич. Минск: Белпринт, 2023. С. 5.

сербского еженедельника «Печат».¹⁵⁶ Интересно, насколько профессор Чарота был расположен рассказывать о своём происхождении, жизни и труде в этом интервью и, помимо прочего, дал своё объяснение своей «всерусскости»: «Очевидно, Господь определил, что присущая мне всерусскость содержит особое притяжение к сербству, а оба этих принципа слияния были предопределены семантикой, которую первоначально имел белый цвет. Сейчас не время подробно говорить о спектре его значений в мифологии прямых предков. Поэтому прошу позволения ограничиться тем, что существует ряд версий происхождения этнонима белорусы, но почти во всех внимание обращается прежде всего на чистоту в различных значениях — от морального до историко-политического. Так что моё — возможно, не вполне удачное — употребление слов «Бело-Рус» и «Бело-Серб» как самоназвания отражает желаемое состояние духа.»¹⁵⁷

Помимо указанных индивидуальных контактов, Чарота поддерживал связи с Союзом писателей Сербии, Союзом литературных переводчиков Сербии, Сербской академией наук и искусств, филологическим факультетом Белградского университета, представителями Сербской православной церкви, а в последние два десятилетия жизни — и с Институтом политических исследований в Белграде. В отношении всех перечисленных учреждений и организаций можно сказать, что Чарота был частым участником их научных конференций, круглых столов, а также выступал как университетский профессор — педагог и как литературный переводчик и учёный-исследователь.

Позволим себе по этому поводу сделать и одно личное замечание. Профессор Чарота охотно принимал студентов, которые обращались к нему и выражали желание сотрудничать, — сербов, русских, белорусов и других, препятствий по национальному признаку не было. Среди этих студентов была и автор данной статьи. Как профессор, Чарота не был строгим, но был строго точен в работе,

¹⁵⁶ Бајић Јово. И Белорус и Белосрбин у једном даху (први део) – интервју са проф. др Иваном Чаротом // Печат, бр. 809, 2024. <https://www.pecat.co.rs/2024/05/belorus-i-belosrbin-u-jednom-dahu-prvi-deo/?pismo=cir>

¹⁵⁷ Бајић Јово. У мом завичајном Бресту се преламала историја (други део) – интервју са проф. др Иваном Чаротом // Печат, бр. 810, 2024. <https://www.pecat.co.rs/2024/05/u-mom-zavicajnom-brestu-se-prelamala-istorija-drugi-deo/?pismo=cir>

одновременно являясь большим другом, способным понять иного человека и помочь ему. В последнее десятилетие жизни его крупнейшие литературно-переводческие проекты были реализованы через его сербскую студентку, автора данной статьи. Например, Чарота предложил ей начать свою переводческую карьеру со сборника поэзии «Венок» Максима Богдановича (1891–1917).¹⁵⁸ Таким образом, сербская публика впервые познакомилась с единственным поэтическим сборником «отца» белорусской литературы, о котором ранее друзья Чароты — писатели говорили, что он «мрачный» или «слишком простой».¹⁵⁹

В Минске в 2018 году выходит сборник коротких рассказов Драгана Лакичевича «Посох Святого Саввы» в переводе Чароты на русский язык.¹⁶⁰ В Белграде в 2019 году выходит антология белорусской христианской поэзии «Навстречу Духу», составленная Иваном Чаротой в переводе автора данной статьи, реализованная в сотрудничестве с издателями Радомиром Андричем и Миланом Паничем.¹⁶¹ В следующем, 2020, году в сотрудничестве с тем же переводчиком и издателем Анджелко Заблачанским выходит ещё один сборник, подготовленный Чаротой: «Золотая птица — белорусские народные сказки».¹⁶² В конце того же года в издательстве «Алма» Джёрдже Оташевича выходит сборник поэзии белорусского классика Янки Купалы (1882–1942), подготовленный Иваном Чаротой совместно с тем же переводчиком.¹⁶³

В 2021 году в издательстве «Алма» выходит ещё одна книга под редакцией Чароты: «Живая вода — белорусские народные предания и легенды».¹⁶⁴ С тем же переводчиком он сотрудничает при подготовке

¹⁵⁸ Богданович Максим. Венац. Београд: КИЗ Центар, 2017.

Чарота Иван А. Сербскі «Вянок» Максіма Багдановіча // Літаратура і мастацтва, № 42, 20 кастрычніка 2017 г. С. 6.

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ Лакичевич Драган. Посох святого Саввы : легенды. Минск: МедиаЛ, 2018.

¹⁶¹ Чарота Иван (прир.). У сусрет Духу – антологія беларуске хрышћанске поезіі. Београд: ЦомпуТех, 2019.

¹⁶² Чарота Иван (прир.). Златна птица – беларуске народне бајке. Београд: Удружење поетских ствараца, 2020.

¹⁶³ Купала Янко. Наслеђе: izbor из поезіі највећег беларуског песніка / прир. Иван Чарота. Београд: Алма, 2020.

¹⁶⁴ Чарота Иван (прир.) Жива вода – беларуска народна предања и легенде. Београд: Алма, 2021.

материалов для многочисленных литературных и научных журналов в Сербии¹⁶⁵ и готовит свою последнюю научную монографию на сербском языке «Взгляды одного белоруса-белосерба».

Последней книгой на сербском языке, подготовленной Иваном Чаротой, стала антология белорусской литературы для детей «Слово доброты и мудрости», созданная в сотрудничестве с профессором доктором Милутином Джюричковицем и Институтом детской литературы в Белграде.¹⁶⁶ Он увидел её печатное издание 6 ноября 2024 года. На следующий день он скончался. Через неделю его последняя антология была напечатана и представлена сербской читательской аудиторией.

Чарота был также кавалером многочисленных высших церковных и государственных наград, которые на протяжении многих лет служили свидетельством его огромного труда по развитию белорусско-сербских и общеславянских литературных и научных связей. Его награждали Беларусь, Россия, Сербия, Польша, Казахстан, Словакия, Словения. Среди наград, упоминавшихся в его официальной биографии, значатся: Международная премия имени К. Острожского (Польша, 1999); премия Союза писателей Сербии (2000); премия журнала «Збиља / Reality» (2000, 2006); орден Преподобного Сергия Радонежского III степени (Русская православная церковь, 2002); памятная медаль Союза словацких писателей (2003); премия президента Республики Беларусь «За духовное возрождение» (за 2003 год, вручена президентом Республики Беларусь в 2004 году); орден Святого Саввы III степени (Сербская православная церковь, 2004); Международная премия имени Ф. М. Достоевского (Сербия, 2007,

¹⁶⁵ Чарота Иван (прир.). Видарка, Златно јабуково дрво // Шапни тако три пута. Нови Сад: Међународни центар књижевности за децу "Змајеве деčје игре", 2021. С. 9-11, 12-19.

Чарота Иван (прир.). Књижевност за децу и духовност // Годишњак Института за децију књижевност, год. 1, бр. 1, 2021. С. 210-214.

Чарота Иван (прир.). Библија за децу // Годишњак Института за децију књижевност, год. 2, бр. 2, 2022. С. 63-68.

Чарота Иван. Белоруско-бугарске књижевне везе као одраз промене политике // Српско-бугарски односи – питања сарадње и перспектива. Београд: Институт за политичке студије, 2024. С. 307-318. DOI 10.18485/ips_srbg.2024.ch16.

¹⁶⁶ Чарота Иван (прир.). Реч доброте и мудрости – антологија белоруске књижевности за децу. Београд: Институт за децију књижевност, 2024.

вручена в 2012); Золотой знак Культурно-просветительского общества Сербии (2008); Всемирная православная литературная премия «Богородица Троеручица» (Фонд Иванки Милошевич, 2011); орден Святителя Кирилла Туровского II степени (Белорусская православная церковь, 2012);¹⁶⁷ Серебряная медаль «За заслуги» Республики Сербии (2014); Международная литературная премия имени Раде Драинца (Сербия, 2014); Международная премия Фонда Карич (2014); Пушкинская медаль (Россия, 2015); Национальная премия «Имперская культура» имени Эдуарда Володина (Россия, 2022); медаль Франциска Скорины (Республика Беларусь, 2023).¹⁶⁸ Менее известно, что в 2023 году он получил и Светосавскую грамоту Института политических исследований (Белград) за многолетнее сотрудничество, а в 2024 году — медаль Евразийского фонда из Казахстана и Золотую медаль Союза сербов в Словении за вклад всей жизни. О последних двух наградах профессор Чарота знал, а вручены они были его семье в декабре 2024 года.

Иван Чарота был основателем белорусско-сербских научных связей. До него в Беларуси не было учёных, которые систематически занимались сербистикой и продвигали её в своей среде. Уход Чароты — большая утрата для Беларуси и Сербии (а также всего православного славянского мира), и возникает вопрос, осознаёт ли это в полной мере научное сообщество. Он оставил после себя большое количество трудов, переводов литературы, статей по славянской культурологии, работ о православии и комментариев к современной общественно-политической ситуации, которые заслуживают исследования.

Остаётся надеяться, что будущие исследователи проявят достаточный интерес к личности и творчеству Ивана Чароты, признав за ним заслуженное место в науке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Доктор филологических наук, профессор филологического факультета Белорусского государственного университета Иван Алексеевич Чарота был выдающимся славистом и сербистом Беларуси.

¹⁶⁷ Лазаревић Дајана. Нова српска реч – Чарота // Суштина поезике, бр. 79, 2023. с. 116.

¹⁶⁸ Шевченко Кирилл Владимирович. Профессор Белорусского государственного университета, академик Сербской академии наук и искусств Иван Алексеевич Чарота (1952–2024): жизнь во имя славистики // Славянский альманах, № 1–2, 2025, С. 504.

Он оставил после себя более 100 книг — переведённых, составленных и написанных, а также 650 научных статей. Его заслуги перед белорусским, русским и сербским народами, то есть их культурами и литературами, исключительно велики.

Чароту можно рассматривать как православного славянофила. Анализируя его труды, мы приходим к выводу, что он был славянофилом, но без утопических идей объединения всего славянского мира. Чарота интересовался православным миром, его объединением во Христе, национальным и религиозным пробуждением — ради выживания.

В то же время Иван Чарота был основателем белорусско-сербских научных связей. Он занимался их исследованием и систематизацией, предоставляя точные данные о них, что делает его уникальным учёным в белорусской историографии.

«Уход» Чароты — большая утрата для Беларуси и Сербии, а также России и всего славянского православного мира. Его наследие заслуживает исследования, научной обработки и интерпретации, что, как мы надеемся, ещё предстоит в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

- Бајић Јово. И Белорус и Белосрбин у једном даху (први део) – интервју са проф. др Иваном Чаротом // Печат, бр. 809, 2024. <https://www.pecat.co.rs/2024/05/belorus-i-belosrbin-u-jednom-dahu-prvi-deo/?pismo=cir>
- Бајић Јово. У мом завичајном Бресту се преламала историја (други део) – интервју са проф. др Иваном Чаротом // Печат, бр. 810, 2024. <https://www.pecat.co.rs/2024/05/u-mom-zavicajnom-brestu-se-prelamala-istorija-drugi-deo/?pismo=cir>
- Богданович Максим. Венац. Београд: КИЗ Центар, 2017.
- Гольак Светлана В. In Memoriam – Белоруски слависта Иван Чарота (16.09.1952–7.11.2024) // Славистика XXVIII/2, 2024. – 388-399.
- Джэркавіч Момчыла і Чарота Іван (ур.). Сербская паэзія. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1989.
- Купала Јанко. Наслеђе: izbor из поезије највећег белоруског песника / прир. Иван Чарота. Београд: Алма, 2020.
- Лазаревић Дајана. Јединствени представник белоруско-српских научних веза – Зоран Милошевић // Српска политичка мисао, вол. 86, бр. 4, с. 149-155. DOI 10.5937/spm86-50382.
- Лазаревић Дајана. Нова српска реч – Чарота // Суштина поезије, бр. 79, 2023. с. 116. /// 115-118.
- Лакичевич Драган. Посох святого Саввы : легенды. Минск: Медиал, 2018.

- Летописец Нестор. Повесть временных лет. – Доступно на: <https://www.spsl.nsc.ru/history/descr/PWL/povest1.htm>
- Милошевич Зоран. Геополитика 2. Минск: Белпринт, 2023.
- Преп. Иустин Попович. О рае русской души. Достоевский как пророк и апостол православного реализма / Перевод И. Чароты. – Минск, 2001.
- Чарота Иван А. Сербскі «Вянок» Максіма Багдановіча // Літаратура і мастацтва, № 42, 20 кастрычніка 2017 г. С. 6.
- Чарота И.А., Наумова А.В. Основы сербистики: учеб.-метод. пособие. – Минск: БГУ, 2022.
- Чарота Иван (прир.). Антологија лирике Источних Словена / прев. Миодраг Сибиновић. – Београд: Ривел-ко, 2000.
- Чарота Иван (прир.). Видарка, Златно јабуково дрво // Шапни тако три пута. Нови Сад: Међународни центар књижевности за децу "Змајеве дечје игре", 2021. С. 9-11, 12-19.
- Чарота Иван (прир.) Жива вода – белоруска народна предања и легенде. Београд: Алма, 2021.
- Чарота Иван (прир.). Антологија белоруске поезије – друго допуњено издање / прев. Миодраг Сибиновић. – Београд: СКЗ, 2012.
- Чарота Иван (прир.). Антологија белоруске поезије / прев. Миодраг Сибиновић. – Београд: СКЗ, 1993.
- Чарота Иван (прир.). Библија за децу // Годишњак Института за дечију књижевност, год. 2, бр. 2, 2022. С. 63-68.
- Чарота Иван (прир.). Златна птица – белоруске народне бајке. Београд: Удружење поетских ствараца, 2020.
- Чарота Иван (прир.). Испод крила роде. Антологија савремене бјелоруске поезије / прев. Миодраг Сибиновић. – Подгорица: Удружење књижевних преводаца Црне Горе, 2014.
- Чарота Иван (прир.). Књижевност за децу и духовност // Годишњак Института за дечију књижевност, год. 1, бр. 1, 2021. С. 210-214.
- Чарота Иван (прир.). Предговор // Антологија белоруске поезије / прев. Миодраг Сибиновић. – Београд: СКЗ, 1993.
- Чарота Иван (прир.). Реч доброте и мудрости – антологија белоруске књижевности за децу. Београд: Институт за дечију књижевност, 2024.
- Чарота Иван (прир.). У сусрет Духу – антологија белоруске хришћанске поезије. Београд: ЦомпуТех, 2019.
- Чарота Иван (ур.). Српска књижевност. Антологија текстова. Књ. I-V. – Минск: БДУ, 2002–2007.
- Чарота Иван А. Белоруско-српски односи као научни проблем // Глас – Српска академија наука и уметности. Одељење језика и књижевности бр. 30, 2017. – с. 55-68.
- Чарота Иван А. Видици једног Белоруса-Белосрбина. Београд: Институт за политичке студије, 2023.

- Чарота Иван А. Предисловие // Геополитика 2 / Зоран Милошевич. Минск: Белпринт, 2023.
- Чарота Иван. Белорусија и Србија – трагом узајамног упознавања и деловања. Шабац: Центар академске речи, 2016.
- Чарота Иван. Белоруско-бугарске књижевне везе као одраз промене политике // Српско-бугарски односи – питања сарадње и перспектива. Београд: Институт за политичке студије, 2024. С. 307-318. DOI 10.18485/ips_srbg.2024.ch16.
- Чарота Иван. Интервју // Погледи, Крушевац, 14.1.1994. – с. 38-41.
- Чарота І.А. (уклад.). Беларусы пра Сербію і Югаславію. – Мінск: Белпринт, 2015.
- Чарота І.А. (уклад.). Косовская битва продолжается. – Мн.: Бр. Архистр Михаила, 2000.
- Чарота І.А. (уклад.). Мовы ўсяго жывога : сербскія народныя казкі. – Мінск : Мастацкая літаратура, 2007.
- Чарота І.А. (уклад.). Народ сербскі : яго абрады і звычаі, святы і святыні. – Мн.: РІВШ, 2006.
- Чарота І.А. (уклад.). Падарунак ад усяго сэрца : казкі славянскіх народаў. – Мінск : Звязда, 2013.
- Чарота І.А. (уклад.). Югаславянскія казкі : Зборнік. – Мн, 1999.
- Беларуская савецкая літаратура за мяжой / Г. Я. Адамовіч, Л. А. Казыра, У. Л. Сакалоўскі, І. А. Чарота ; рэд. У. І. Сакалоўскі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1988. – 88 с..
- Чарота І.А. Мастацкі пераклад на беларускую мову : асновы тэорыі і практычныя рэкамендацыі. Вучэбны дапаможнік. – Мн.: БДУ, 1997.
- Чарота І.А. Пошук спрадвечнай існасці: беларуская літаратура XX стагоддзя ў працэсах нацыянальнага самавызначэння. – Мінск: Навука і тэхніка, 1995.
- Чарота І.А. Тэорыя і практыка мастацкага перакладу. – Мн: БГУ, 2011.
- Чарота І.А., Навумава Г.У. (склад). Сербская літаратурная крытыка : вучэб.-метадыч. Дапаможнік. – Мінск : БДУ, 2021.
- Чарота Иван. Гісторыя сербскай літаратуры: практыкум для студэнтаў спецыяльнасці 1-21 05 04 // Славянская філалогія. – Мінск: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, 2006.
- Шевченко Кирилл Владимирович. Профессор Белорусского государственного университета, академик Сербской академии наук и искусств Иван Алексеевич Чарота (1952–2024): жизнь во имя славистики // Славянский альманах, № 1–2, 2025. С. 499-506. DOI 10.31168/2073-5731.2025.1-2.29
- Шніп, Віктар. Бог цябе слухаў // Літаратура і мастацтва. – 2024. – 15 лістапада (№ 43). – С. 11.

Dajana Lazarević
Institute for Political Studies
Belgrade, Serbia

IN THE FOOTSTEPS OF ACADEMICIAN IVAN A. CHAROTA (1952–2024) –
AN ORTHODOX SLAVOPHILE AND FOUNDER OF BELARUSIAN-SERBIAN
SCHOLARLY TIES

Abstract

This paper examines the contributions of Ivan Alekseevich Charota (1952–2024), a Belarusian Slavist and scholar of Serbian studies, to science and culture. Special attention is given to Charota's Orthodox Slavophilism and to his role in establishing the scholarly study of Belarusian-Serbian cultural relations. Particular emphasis is placed on Charota's cooperation with Serbian scholars, translators, and publishers, as well as with writers whose works he translated into Russian and Belarusian. Methodologically, the paper relies on the scholarly and professional work of Ivan Charota, as well as on academic materials about him available to date in Serbian and Belarusian historiography. The conclusion highlights Ivan Charota's contributions to Belarusian and Serbian culture, as well as to the broader Slavic-Orthodox sphere.

Keywords: Ivan Charota, Belarusian-Serbian cultural relations, Belarusian-Serbian scholarly ties, literary translation, Slavic studies, Slavophilism, Orthodoxy.

*Классный руководитель выпускников Полецкишской средней школы,
1975 г.*

С детьми в деревне в 1981 году.

**ИВАН ЧАРОТА
В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ**

Кирилл Владимирович Шевченко¹⁶⁹

доктор исторических наук

Российский государственный социальный университет

Филиал в Минске, Беларусь

**ТРАНСФОРМАЦИЯ БЕЛОРУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В
КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ В ОЦЕНКАХ
БЕЛОРУССКОГО УЧЁНОГО-СЛАВИСТА, АКАДЕМИКА
СЕРБСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК И ИСКУССТВ,
ПРОФЕССОРА И.А. ЧАРОТЫ (1952-2024)**¹⁷⁰

Аннотация

В богатом научном и творческом наследии известного белорусского учёного-слависта, академика Сербской Академии наук и искусств, профессора БГУ И.А. Чароты (1952-2024) важное место занимали не только литературоведческие и культурологические труды славистической направленности и многочисленные переводы со славянских языков, но и размышления о современном состоянии белорусского социума и особенно белорусской гуманитарной интеллигенции. В своих работах последнего десятилетия И.А. Чарота выражал обеспокоенность деформацией современного белорусского самосознания, что выразилось, по его мнению, в деславянизации и в вестернизации белорусского социума, а также в растущем отчуждении от традиционных ценностей и культурных основ.

Ключевые слова: Беларусь, белорусы, самосознание, деславянизация, глобализация

Как яркий представитель стремительно уходящего ныне поколения классических учёных-гуманитариев, И.А. Чарота в полной мере обладал всё более редким сейчас умением не только ставить острые и неудобные вопросы, но и давать на них откровенные, зачастую нелицеприятные ответы. В наиболее полной форме свои

¹⁶⁹ shevchenkok@hotmail.com

¹⁷⁰ Данная статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта Синодальной исторической комиссии (01.12.2025–01.12.2026).

невесёлые и тревожные мысли по поводу трансформации белорусского самосознания в современных условиях глобализации И.А. Чарота откровенно высказал в своей пространной статье под примечательным названием «О сути деформации самосознания белорусов»¹⁷¹, опубликованной в конце 2014 года.

В самом начале своей статьи, явно под впечатлением начавшейся гражданской войны на Украине, вспыхнувшей в результате организованного Западом государственного переворота в начале 2014 года, воссоединения Крыма с Россией и созданием ДНР и ЛНР, И.А. Чарота констатирует уже начавшуюся третью мировую войну, которая в то время протекала, по словам белорусского учёного-слависта, в форме «войны цивилизаций, войны мировоззрений, войны идей и идеалов, войны опорных смыслов бытия, войны кодов сознания»¹⁷². Принципиальное отличие цивилизационных войн от классического вооружённого противостояния и заключается как раз в том, что они являются «войной смыслов и ценностей; поле их деятельности – сознание противника».¹⁷³

Подчеркнув, что на наших глазах «существенно меняется самосознание многих народов глобально «перестраиваемого» мира и что налицо «утрата разумного начала и собственно самосознания», И.А. Чарота отмечал, что «вследствие соответствующей промывки мозгов... в Беларуси, прежде всего – среди интеллигенции, уже в самом начале 1990-х годов нашлось немало тех, кто стал полагаться на преимущества идеологического «евроопта» и с энтузиазмом приступил к капитальному «евроремонту» унаследованного дома, а также к соответствующему «окультуриванию» среды: силами таких были созданы Европейский гуманитарный университет, просветительская организация «ЕвроФорум», «Европейский клуб», «Европейский учительский клуб», учреждены «Европейская газета», радиостанция «Европа плюс» и т.д. и т.п. вплоть до «Еврообоев»... Кстати, предпринимались также и активные попытки заменить кириллическую

¹⁷¹ Чарота И.А. О сути деформации самосознания белорусов // История и общественно-гуманитарные науки как инструмент цивилизационной войны против Русского мира. Минск: Ковчег, 2014.

¹⁷² Там же. С. 104.

¹⁷³ Безнюк Д.К. Цивилизационные войны: наука, идеология и язык как оружие // История и общественно-гуманитарные науки как инструмент цивилизационной войны против Русского мира. Минск: Ковчег, 2014. С. 3.

азбуку, которая, дескать, для белорусов сужает горизонты, ограничивает светлые перспективы интеграции в Европу»¹⁷⁴.

Приведя столь яркие примеры галопирующего и совершенно некритического чужебесия в форме агрессивно-болезненной евро-мании, серьёзно поразившей широкие слои белорусского общества, И.А. Чарота справедливо замечал, что при этом «содержание фоновых идеологием вообще не подлежало хоть какому-то обсуждению... Когда нам в качестве идеального предлагали «открытое общество», всё же стоило уточнять: для чего оно должно быть открытым – для перевалочных баз чужого оружия и наркотиков, для распространения сатанизма, для культа силы, для разрушения семей, для беспредела деморализации...?»¹⁷⁵.

Данное замечание И.А. Чароты представляется совершенно уместным и полностью оправданным – как подчёркивают современные авторитетные социологи, введённые культовым среди западных либеральных элит философом Карлом Поппером понятия «открытое» и «закрытое» общества совершенно не выдерживают никакой критики «эмпирическими фактами».¹⁷⁶

Тем не менее, именно сумрачные псевдонаучные писания господина Поппера были выбраны миллиардером и основателем фонда «Открытое общество» Дж. Соросом в качестве главных учебных пособий для выращивания на колонизируемых Западом территориях Восточной Европы и Евразии новых неоглобалистских элит, предназначенных для реализации на подвластных им территориях западных геополитических сценариев. Именно это стало существенной частью идеологического обеспечения различных «цветных» революций, прокатившихся в своё время от сербского Белграда на Западе до киргизского Бишкека на Востоке...

Особое и совершенно обоснованное беспокойство белорусского учёного-слависта вызывало то обстоятельство, что в условиях галопирующей евро-мании «в сознании большей части белорусов из желанной европейскости как бы закономерно и неизбежно выпадала славянскость, в прежние времена по всем критериям чрезвычайно

¹⁷⁴ Чарота И.А. О сути деформации самосознания белорусов // История и общественно-гуманитарные науки как инструмент цивилизационной войны против Русского мира. Минск: Ковчег, 2014. С. 105.

¹⁷⁵ Там же. С. 105.

¹⁷⁶ Безнюк Д.К. Указ. соч. С. 5.

важная для белорусской «самости»... Привычной стала установка, что славянскую общность следует понимать как надуманный концепт, абстракцию... Одним словом, в белорусском обществе исподволь складывались предпосылки для деславянизации в определении геополитических ориентиров, а также и векторов эволюции сознания. В частности, симптоматично распространение специфических «теорий» этногенеза белорусов не как славян, а как народа, сложившегося на балтском субстрате, по специфически литовской линии; или – на субстрате ятвяжском, опять же специфически, отдельно от русских, формировавшегося...»¹⁷⁷.

Метко подмеченная И.А. Чаротой ползучая и коварная «деславянизация» белорусского самосознания, начавшаяся и активно протекавшая в лихие 1990-е годы, закономерно и неизбежно приобрела формы максимального культурного отчуждения от России, русских и русского культурного наследия в целом. По авторитетному мнению белорусского учёного-слависта, профессора БГУ и сербского академика, «к нынешнему времени под воздействием антирусских концепций уже выросло и воспиталось поколение граждан «суверенной и независимой» Беларуси, для которых не имеют особого значения, а то и просто неприемлемыми являются понятия «общерусские корни», (бело)русский народ как «ветвь русской общности», «составляющая русской цивилизации», «сегмент/элемент русского мира», не говоря уже о сохранившемся в историографии определении «Западная Русь...»¹⁷⁸.

Умело запущенный процесс прогрессирующей деславянизации белорусского самосознания достиг такой угрожающей стадии, когда под вопрос могла быть поставлена правомерность самого этнонима «белорус». В этой связи И.А. Чарота, имевший колоссальный педагогический багаж и опыт общения со студентами, выражал обоснованное опасение, что «представители молодого поколения, особо не задумываясь, легко могут солидаризироваться с небезызвестным в среде белорусской «образованщины» Яном Станкевичем (1891-1976), который предлагал «отбросить смешное и вредное название «белорус» и назвать себя нашим исконным славным именем Кривичи. Стоит обратить внимание, - подчёркивал белорусский учёный-славист, - что это позиция не одного Станкевича. Её поддерживал ряд представителей «возрождения» начала XX века. В частности, высокоавторитетный в

¹⁷⁷ Чарота И.А. Указ. соч. С. 106.

¹⁷⁸ Там же.

кругах нынешней белорусской интеллигенции Вацлав Ластовский (1883-1938), считавший, что именованию «Крывія» предназначено в истории народа замкнуть круг времени, быть очистительным огнём, магическим дорожным знаком...»¹⁷⁹.

Разумеется, и Ян Станкевич, и Вацлав Ластовский, и прочие их единомышленники – в том числе и из среды современной белорусской гуманитарной интеллигенции - считали и многие продолжают считать исторически сложившийся этноним «белорус» названием «смешным и вредным» прежде всего из-за корня «рус», который совершенно точно и однозначно указывал на исконную принадлежность белорусов к Древней Руси и русской православной цивилизации, что является абсолютно неприемлемым для многих представителей белорусской «образованщины». Упорно проталкиваемый в своё время паном Вацлавом Ластовским термин «Крывия», подчёркнуто апеллировавший ко временам дохристианской языческой восточнославянской древности, был призван вытравить, стереть и полностью выжечь исконный этноним «белорус» из исторической памяти народа. Именно по этой причине пан Вацлав Ластовский пафосно именовал неоязыческий лексический новодел «Крывия», который он усиленно продвигал в широкие белорусские массы, «очистительным огнём».

В весьма критическом аспекте высказывался академик И.А. Чарота и об умонастроениях современной ему белорусской гуманитарной интеллигенции и творческой элиты. По его мнению, определяющей чертой самосознания значительной части современной ему элиты, прежде всего гуманитарной интеллигенции, является растерянность, полная ценностная дезориентация и крайняя поверхностность. По совершенно справедливому замечанию белорусского учёного-слависта и мыслителя, «дезориентированность многих «творцов идей» очевидна уже в терминологии, в применяемом ими понятийном аппарате. Взять хотя бы... опорную для данного случая категорию «нация/национальное», использующуюся, за редчайшими исключениями, некорректно, поскольку о белорусском как национальном – чего бы это ни касалось: языка, культуры, истории, геополитики... - обычно речь ведется по отношению ко всем временам, хотя вести речь о сформированности белорусской нации до XX столетия нет никаких оснований, - подчёркивал белорусский учёный-славист, - и по-иному это не освещает никто, кроме публицистов,

¹⁷⁹ Там же. С. 107.

которые единственно определяющими считают факторы актуально-политические, а объективно-исторические разве что упоминают, да и то в трактовке, ситуативно удобной...»¹⁸⁰.

В связи с этим И.А. Чарота приходит к неутешительному выводу о том, что имеются «вполне достаточные основания вести речь о некой деформации самосознания белорусов в конце XX – начале XXI веков»¹⁸¹. В данном случае профессиональный филолог, литературовед и культуролог И.А. Чарота продемонстрировал куда более развитое и глубокое чувство историзма и куда более тонкое и корректное понимание исторических нюансов и специфики, чем многие современные маститые профессиональные историки, кои вслед за публицистами всерьёз считают определяющими те самые упомянутые И.А. Чаротой «факторы актуально-политические...». Следует отметить, что с данными мыслями И.А. Чароты вполне солидарны многие современные белорусские интеллектуалы, включая как историков, так и философов¹⁸².

Так, по словам известного белорусского философа Л.Е. Криштаповича, «в основе разрушения Советского Союза и последующей дезинтеграции постсоветского пространства лежала масштабная фальсификация отечественной истории. Под предлогом приобщения к благам и ценностям западной цивилизации нашим народам навязывались всевозможные антиисторические концепции с единственной целью – дискредитировать нашу отечественную историю и сменить ментальность наших людей, лишить их национального самосознания, уважения к своей истории, к своим великим соотечественникам и предкам»¹⁸³.

¹⁸⁰ Там же. С. 110.

¹⁸¹ Там же. С. 111.

¹⁸² Загоруйский Э.М. Белая Русь с середины I тысячелетия до середины XIII века. Минск: Издательство «Четыре четверти», 2014; Криштапович Л.Е. Основные формы фальсификации отечественной истории XX века // История и общественно-гуманитарные науки как инструмент цивилизационной войны против Русского мира. Минск: Ковчег, 2014.

¹⁸³ Криштапович Л.Е. Основные формы фальсификации отечественной истории XX века // История и общественно-гуманитарные науки как инструмент цивилизационной войны против Русского мира. Минск: Ковчег, 2014. С. 58.

Констатируя растущую зависимость восприятия исторического прошлого от сиюминутной околополитической конъюнктуры, И.А. Чарота с озабоченностью писал о колоссальной опасности специфической «виртуализации» современного сознания, умело навязываемой современным белорусам с помощью продвинутых манипулятивных технологий. По словам видного белорусского учёно-слависта, «это замечается на разных уровнях и во многих аспектах, особенно по отношению к истории политической и культурной: тут и виртуальное Великое княжество Литовское как белорусское (а не Литовское, Русское и Жемойтское...), и виртуальные герои белорусской истории – помимо упомянутого выше Сапеги, литовские князья Миндовг, Альгерд, Витовт и Ягайло, и виртуальный покровитель белорусскости король Речи Посполитой венгр Штефан Баторий («Сцяпан Батура»), и виртуальные лидеры именно белорусского национально-освободительного движения Тадеуш Костюшко и Викентий Константин («Кастусь») Калиновский, и виртуальная толерантность в ВКЛ и Речи Посполитой на протяжении всех времён её существования, и виртуально доминирующий на белорусских землях Константинопольский Патриархат в Новое время, и виртуальная Белорусская Народная Республика начала XX века вкупе с виртуальной Радой БНР..., и виртуально благотворное значение Брестской церковной унии, которая сформировала виртуально национальную веру – униатство, и виртуальная Белорусская Автокефальная Православная Церковь в Америке»¹⁸⁴.

Примечательным прилагательным «виртуальный» И.А. Чарота в данном случае деликатно и иронично обозначает своё в высшей степени критическое отношение к целому ряду активно продвигаемых с 1990-х годов модных псевдоисторических нарративов, не только не имеющих решительно ничего общего с истинными историческими реалиями, но и нередко прямо им противоположным. Данное явление известный белорусско-российский историк А.Д. Гронский именовал «белорусоморфизмом», определяя суть данного явления как «окрашивание» в белорусские национальные цвета тех явлений и исторических персонажей, которые в действительности белорусскими не являлись.

¹⁸⁴ Чарота И.А. О сути деформации самосознания белорусов // История и общественно-гуманитарные науки как инструмент цивилизационной войны против Русского мира. Минск: Ковчег, 2014. С. 112.

По словам А.Д. Гронского, «белорусоморфизм – это наделение нормативными белорусскими чертами лиц, не связанных напрямую с участием в белорусском национальном проекте. Вследствие чего данные лица воспринимаются как белорусские или действующие с точки зрения пользы для белорусов»¹⁸⁵.

Важность данной проблемы, столь настойчиво поднятой И.А. Чаротой, была более чем очевидна – развернувшаяся в 2014 году кровавая трагедия на территории бывшей УССР начиналась с предшествующей системной промывки мозгов и ловкой подмены базовых понятий¹⁸⁶, завершившись серией кровавых «майданов», гражданской войной и продолжающимся мучительным самоубийством суицидальной новоукраинской государственности...

Между тем, «вначале было слово» – задолго до этих событий в результате масштабных манипуляций тотально насаждались изначально ложные исторические образы и потенциально взрывоопасные нарративы. Так, по авторитетному свидетельству известного российско-белорусского историка Ю.А. Борисёнка, во всех украинских учебниках по истории «фальсификации многочисленны, в особенности по части присвоения и украинизации неукраинских по природе своей гениев. Уроженца Курской губернии Михаила Семёновича Щепкина украинские учебники без лишних церемоний объявляют великим украинским актёром. Знаменитым украинским лётчиком стал даже Пётр Николаевич Нестеров только потому, что этот уроженец Нижнего Новгорода с 1913 г. служил в Киевском авиаотряде и 27 августа 1913 г. в Киеве сделал мёртвую петлю. Скульптор родом из деревни Максимково близ Смоленского Рославля Михаил Осипович Микешин тоже объявлен украинцем, как и родившийся в селе Карпово Новгородской губернии художник Василий Андреевич Тропинин...»¹⁸⁷.

Однако наиболее ярким примером галопирующего и агрессивного псевдоисторического маразма современных укропитеков стало причисление к «украинцам» представителей галицко-русского и карпато-русского движения Д. Зубрицкого, И. Наумовича, Я. Головацкого, А. Духновича, А. Добрянского и многих других деятелей,

¹⁸⁵ Гронский А.Д. Методы национализации белорусской истории // Русский Сборник. Т. XII. М.: Регнум, 2012. С. 349.

¹⁸⁶ См. Борисёнок Ю.А. Украина – не Россия? Украинские школьные учебники XXI века: методы и механизмы фальсификации истории. Москва: АО «Красная Звезда», 2024.

¹⁸⁷ Там же. С. 51.

которые не только не признавали существования отдельной «украинской нации» и не были замечены в каких-либо проукраинских симпатиях, но и активнейшим образом боролись с зарождавшимся украинским движением на исторических землях Галицкой и Угорской Руси. Наглая и беспардонная кража чужих исторических имён и их перекрашивание в украинские национальные цвета изначально являлись визитной карточкой зарождавшегося украинского движения. Судя по всему, наиболее яркой чертой современной украинской политики исторической памяти является хроническая историко-культурная клептомания, не поддающаяся лечению.

В качестве конкретных примеров, подтверждающих наблюдения о «виртуализации» многих исторических явлений, процессов и персонажей, И.А. Чарота, в частности, указывал на установку памятника князю Ольгерду в Витебске и Витовту в Гродно и в деревне Пелеса Вороновского района Гродненской области; принимались также решения о необходимости установить памятники Гедимину в г. Лида и Миндовгу в г. Новогрудок; при этом, как саркастически замечал белорусский учёный-славист и сербский академик, «предложение установить в Новогрудке памятник Ярославу Мудрому поддержки не нашло»¹⁸⁸.

Белорусский учёный-славист также обращал внимание на то, что «в РБ учреждались орден, литературная премия и стипендия имени Кастуся Калиновского; его имя носит гимназия, улицы ряда городов страны (две из них – в столичном Минске, хотя именем основателя научного белорусоведения – первого академика-белоруса! – всемирно почитаемого Евфимия Карского не назван даже какой-нибудь переулок)»¹⁸⁹. К сожалению, с момента сей грустной констатации, сделанной И.А. Чаротой в конце 2014 года, мало что изменилось...

Будучи крупнейшим в современной Республике Беларусь балканистом и сербистом, а также академиком Сербской академии наук и искусств, И.А. Чарота прекрасно знал великую и трагическую историю братского сербского народа и в особенности ту зловещую роль, которую сыграла в истории сербов церковная уния. В сущности, униатство стало одним из действенных инструментов постоянной римско-католической экспансии на православные Балканы и одной из форм многовековой и системной политики этноцида, проводившейся в

¹⁸⁸ Чарота И.А. Указ. соч. с. 112.

¹⁸⁹ Там же. С. 113.

отношении православных сербов коллективным Западом. Так, в своей последней монографии, посвященной Йовану Пичете – отцу известного отечественного историка-слависта, первого ректора Белорусского государственного университета Владимира Пичеты - И.А. Чарота отмечал, что историческому центру православной сербской Герцеговины – г. Мостару – «отводилась роль центра католического прозелитизма, осуществлять который намеревалась польская эмиграция в первой половине XIX века», разумеется, при активнейшем содействии римской курии и австрийских властей¹⁹⁰.

По словам известного российского историка-балканиста А.И. Филимоновой, «римско-католическая церковь на пространстве Далмации и Задара сыграла роль идеологического и институционального катализатора этнополитической инженерии: через прозелитизм и образовательные практики она способствовала формированию исключительной хорватской идентичности, которая стала ресурсом для политической мобилизации и применения насилия в отношении сербов... Когда в конце XX века политические силы, такие как Хорватское демократическое содружество (ХДС) Франьо Туджмана, мобилизовали хорватскую идентичность, они опирались на набор символов и практик, давно сформированных церковью: образ «исторического врага» – сербов и образ «католического народа», «оплота христианства» – хорватов. В этом смысле церковь являлась «долгосрочным фабрикантом» культурных смыслов, необходимых для этнополитической инженерии»¹⁹¹.

Прекрасно зная механизм зарождения и реализации униатских проектов, а также разрушительные социокультурные последствия церковной унии на примере православных Балкан, когда значительная часть ранее сербской православной Далмации, Славонии и Боснии была окатоличена и хорватизирована, И.А. Чарота особенно болезненно переживал многочисленные «униатские увлечения» белорусской

¹⁹⁰ Чарота И.А. Иоанн Пичета (1844-1920). Минск: БГУ, 2024. С. 11.

¹⁹¹ Филимонова А.И. Хрустальная ночь в Задаре как форма структурного геноцида. Часть 2. Роль римско-католической церкви в легитимации этнополитики и создании исключительной национальной идентичности // <https://naukaverakultjura.com/%d1%85%d1%80%d1%83%d1%81%d1%82%d0%b0%d0%bb%d1%8c%d0%bd%d0%b0%d1%8f-%d0%bd%d0%be%d1%87%d1%8c-%d0%b2-%d0%b7%d0%b0%d0%b4%d0%b0%d1%80%d0%b5-%d0%ba%d0%b0%d0%ba-%d1%84%d0%be%d1%80%d0%bc%d0%b0-%d1%81%d1%82-2/>

псевдоинтеллигентской «образованщины», представители которой, страдая острым дефицитом исторических познаний и болезненной евро-манией, вопреки историческим реалиям, пытались и пытаются трактовать униатство как некую «национальную» церковь белорусов. Полемизируя с данной откровенно антинаучной точкой зрения и апеллируя к историческому опыту сербов и православных Балкан, И.А. Чарота подчёркивал, что «одна лишь Сербская Православная Церковь осуществляла функции защиты народа и его сплочения как единого этноса...»¹⁹².

Параллели между православной Сербией и православной Беларусью, находящихся на этноконфессиональном пограничье и ставших объектами многовековой цивилизационной агрессии со стороны коллективного Запада, которая в эпоху Средних веков и Нового времени проявлялась в форме католического прозелитизма и насильственных униатских проектов, более чем очевидны и поучительны. Если сербское население на исконно сербских землях в результате католическо-униатской экспансии окатоличивалось и превращалось в хорватов, то белорусское население на исконно белорусских землях, окатоличиваясь в результате аналогичных процессов, постепенно превращалось в поляков – сначала костельных, а потом и этнических.

Примечательно, что хорошо организованная ползучая колонизация белорусских земель, прежде всего в западных регионах БССР, возобновилась уже в период поздней горбачёвской «перестройки» при активнейшем участии польского римско-католического духовенства и активистов польского национального движения¹⁹³.

Пагубное колонизационное влияние церковной унии на белорусов, угрожавшее самому национальному существованию белорусского народа, было прекращено только после ликвидации унии

¹⁹² Чарота И.А. Иоанн Пичета (1844-1920). Минск: БГУ, 2024. С. 14.

¹⁹³ Казак О.Г. Актуализация прошлого как социальный ресурс: конфликт между католиками и православными деревни Верейки Волковысского района Гродненской области в позднесоветский период. Часть 2 // <https://naukaverakultjura.com/%d0%b0%d0%ba%d1%82%d1%83%d0%b0%d0%bb%d0%b8%d0%b7%d0%b0%d1%86%d0%b8%d1%8f-%d0%bf%d1%80%d0%be%d1%88%d0%bb%d0%be%d0%b3%d0%be-%d0%ba%d0%b0%d0%ba-%d1%81%d0%be%d1%86%d0%b8%d0%b0%d0%bb%d1%8c%d0%bd%d1%8b-2/>

и воссоединения белорусских униатов с Русской Православной Церковью в результате Полоцкого церковного собора 1839 года, инициированного и успешно проведённого митрополитом Литовским и Виленским Иосифом Семашко.

Анализируя сущность гуманитарных процессов в эпоху глобализации и их особенности в белорусских условиях, И.А. Чарота приходил к выводу о том, что «отнюдь не любовь и уважение к Белой Руси, а тем более не защита её исконной сущности, культивируется в процессе глобализации. Большинство устремлений глобализаторов-европеизаторов на нашем пространстве, как правило, сводится к дискредитации Русскости и Православия. Это, можно сказать, общий знаменатель... Только слепые, глухие и бездумные могут не замечать, - подчёркивал белорусский учёный, - сколь активно и небезуспешно... идёт у нас полонизация вкупе с католизацией ради благотворной якобы европеизации. Для пущей убедительности не лишне вспомнить, как бывший главный представитель Католической Церкви в Республике Беларусь, архиепископ (впоследствии – кардинал) Казимир Свёнтек открыто декларировал: «Моя программа – распространение польскости на этой территории...» О Казимире Свёнтеке польские кинематографисты сняли документальный фильм..., в котором Свёнтек говорил о своих планах полонизации Беларуси, ни разу не упомянув имени страны, в которой он живёт и работает»¹⁹⁴.

Показательно, что данный польский римско-католический иерарх, всячески избегая упоминать о Беларуси, подчёркнуто говорил о «территории», на которой необходимо последовательно распространять «польскость»... Подобная политика проводилась и властями межвоенной Польши на землях Западной Белоруссии, что прекрасно отражает генетическую преемственность в отношении польских элит к своим восточнославянским соседям.

По этой причине, исследуя тот формат и идейное наполнение процесса «белорусизации», который был запущен в ходе «третьего белорусского возрождения» после распада СССР в 1990-е годы, И.А. Чарота приходил к совершенно очевидному и печальному выводу о том, что «в качестве белорусскости систематически навязывается

¹⁹⁴ Чарота И.А. О сути деформации самосознания белорусов // История и общественно-гуманитарные науки как инструмент цивилизационной войны против Русского мира. Минск: Ковчег, 2014. С. 115.

польскость... и доказательствам того несть числа. Из них нельзя не упомянуть, к примеру, такие: на белорусской земле установлено множество памятников Римскому папе Иоанну Павлу II (т.е. поляку Каролу Войтыло); памятники ставятся даже мрачнопамятному «душехвату», униатскому архиерею Иосафату Кунцевичу; в первые строки реестров «белорусской» славы вписывается польская шляхта XV-XIX веков; массово «обелорушиваются» деятели польской культуры»¹⁹⁵.

Все эти явления и процессы, как обоснованно замечал белорусский учёный-славист, шли рука об руку с «фронтальной обработкой массового сознания в явно антирусском и антиправославном духе...»¹⁹⁶. При этом с самого начала «пугалом у нас сделана «русификация» 1860-х годов и национальная политика советского периода. Хотя на удивление мало говорится о том, - подчёркивал И.А. Чарота, - как в XVI-XVIII веках на всех белорусских землях, а в 20-30-е годы XX века в Западной Белоруссии велась целенаправленная и жёсткая полонизация, что подтверждается свидетельствами многих учёных»¹⁹⁷.

Свои тревожные и невесёлые размышления, вызванные текущей ситуацией, И.А. Чарота завершал принципиально важной констатацией: «Краеугольный камень национальной (!) сущности белоруса – русскость. Если этот камень убрать, сущности не на чем будет держаться. «Белость» сама по себе пропадёт. Иными словами, тогда не только о здоровом национальном самосознании, но и ни о какой национальности не может быть речи»¹⁹⁸.

Верность этого предостережения, сделанного мудрым и проницательным белорусским учёным-славистом и сербским академиком, быстро подтвердилась в ходе драматических событий лета и осени 2020 года, когда окрепшая и изрядно обнаглевшая прозападная националистическая оппозиция под бело-красно-белыми стягами при массовой поддержке коллективного Запада пыталась свергнуть законную власть и конституционный строй в Республике Беларусь, стремясь реализовать здесь преступный и самоубийственный «украинский сценарий».

¹⁹⁵ Там же. С. 116.

¹⁹⁶ Там же. С. 117.

¹⁹⁷ Там же. С. 118.

¹⁹⁸ Там же. С. 121.

ЛИТЕРАТУРА

- Борисёнок Ю.А. Украина – не Россия? Украинские школьные учебники XXI века: методы и механизмы фальсификации истории. Москва: АО «Красная Звезда», 2024.
- Гронский А.Д. Методы национализации белорусской истории // Русский Сборник. Т. XII.М.: Регнум, 2012.
- Безнюк Д.К. Цивилизационные войны: наука, идеология и язык как оружие // История и общественно-гуманитарные науки как инструмент цивилизационной войны против Русского мира. Минск: Ковчег, 2014.
- Загорульский Э.М. Белая Русь с середины I тысячелетия до середины XIII века. Минск: Издательство «Четыре четверти», 2014.
- Казак О.Г. Актуализация прошлого как социальный ресурс: конфликт между католиками и православными деревни Верейки Волковысского района Гродненской области в позднесоветский период. Часть 2 // <https://naukaverakultjura.com/%d0%b0%d0%ba%d1%82%d1%83%d0%b0%d0%bb%d0%b8%d0%b7%d0%b0%d1%86%d0%b8%d1%8f-%d0%bf%d1%80%d0%be%d1%88%d0%bb%d0%be%d0%b3%d0%be-d0%ba%d0%b0%d0%ba-%d1%81%d0%be%d1%86%d0%b8%d0%b0%d0%bb%d1%8c%d0%bd%d1%8b-2/>
- Криштапович Л.Е. Основные формы фальсификации отечественной истории XX века // История и общественно-гуманитарные науки как инструмент цивилизационной войны против Русского мира. Минск: Ковчег, 2014.
- Филимонова А.И. Хрустальная ночь в Задаре как форма структурного геноцида. Часть 2. Роль римско-католической церкви в легитимации этнополитики и создании исключительной национальной идентичности // <https://naukaverakultjura.com/%d1%85%d1%80%d1%83%d1%81%d1%82%d0%b0%d0%bb%d1%8c%d0%bd%d0%b0%d1%8f-%d0%bd%d0%be%d1%87%d1%8c-%d0%b2-%d0%b7%d0%b0%d0%b4%d0%b0%d1%80%d0%b5-%d0%ba%d0%b0%d0%ba-%d1%84%d0%be%d1%80%d0%bc%d0%b0-%d1%81%d1%82-2/>
- Чарота И.А. О сути деформации самосознания белорусов // История и общественно-гуманитарные науки как инструмент цивилизационной войны против Русского мира. Минск: Ковчег, 2014.
- Чарота И.А. Иоанн Пичета (1844-1920). Минск: БГУ, 2024.

Kirill Vladimirovich Shevchenko
Doctor of Historical Sciences
Russian State Social University
Minsk Branch, Belarus

THE TRANSFORMATION OF BELARUSIAN IDENTITY IN THE CONTEXT
OF GLOBALIZATION IN THE ASSESSMENTS OF THE BELARUSIAN
SCHOLAR-SLAVIST, ACADEMICIAN OF THE SERBIAN ACADEMY OF
SCIENCES AND ARTS, PROFESSOR I.A. CHAROTA (1952–2024)

Abstract

In the rich scholarly and creative legacy of the renowned Belarusian Slavist, academician of the Serbian Academy of Sciences and Arts, and professor of Belarusian State University, I.A. Charota (1952–2024), an important place was occupied not only by literary and cultural studies works of a Slavic orientation and numerous translations from Slavic languages, but also by reflections on the contemporary state of Belarusian society, particularly the Belarusian humanitarian intelligentsia. In his works of the last decade, I.A. Charota expressed concern about the deformation of modern Belarusian self-consciousness, which, in his view, manifested itself in the de-Slavicization and Westernisation of Belarusian society, as well as in a growing alienation from traditional values and cultural foundations.

Keywords: Belarus, Belarusians, self-consciousness, de-Slavicization, globalisation

В Минске, в квартире, в 1986 году.

Вручение ордена Святого Саввы, монастырь Введения Пресвятой Богородицы, 2007 год.

Лев Евстафьевич Криштапович¹⁹⁹

доктор философских наук

Белорусский государственный университет культуры и искусств

Минск, Беларусь

МЫСЛИТЕЛЬ РУССКОГО МИРА (Памяти Ивана Алексеевича Чароты посвящается)²⁰⁰

Аннотация

Статья анализирует проблему исторического познания и критикует плюралистический подход, игнорирующий внутреннюю закономерность исторического развития. Автор указывает на систематическую фальсификацию общей истории русских, белорусов и украинцев с целью ослабления их культурного и политического единства. Особое внимание уделяется роли Ивана Чароты как мыслителя, защищавшего идею «русского мира» и разоблачавшего антиисторические интерпретации белорусской идентичности.

Ключевые слова: Иван Чарота, фальсификация истории; русский мир; национальное самосознание; белорусско-русское единство

Необходимо заметить, что история вообще не ограничивается только правильным и, еще того менее, только правдоподобным, то есть такими определениями, правильность которых непосредственно ясна для сознания, оперирующего представлениями или так называемым плюралистическим подходом. История строится на доказанных определениях, то есть таких, содержание которых не воспринимается как внешнее препарирование фактами, а представляет собой результат самого внутреннего исторического развития. Вот почему истинное историческое познание не означает удовлетворение прихотей отдельного человека, чтобы он создавал из них все, что ему захочется.

¹⁹⁹ levkrishtapovich@gmail.com

²⁰⁰ Данная статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта Синодальной исторической комиссии (01.12.2025–01.12.2026).

В истории важно не то, что можно мыслить, а то, что действительно мыслят, и подлинное историческое познание следует искать не в произвольно выхваченных примерах, вырванных из контекста исторического процесса, а только в самой истории. Таким образом, мы делаем очень важный шаг вперед, когда в области исторического познания перестаем говорить, что возможно еще и нечто другое. Подходя к истории с точки зрения так называемого плюрализма, занимаются случайным, казусным, истинное же историческое познание есть познание о необходимом, закономерном. Это, разумеется, относится и к истории белорусского народа.

Фальсификация нашей общерусской истории приобрела многоаспектное измерение, разрушители СССР подвергли дискредитации все ключевые события отечественной истории, всех выдающихся деятелей нашего общего Отечества. Один из своих основных ударов фальсификаторы наносили и наносят именно против древнерусской народности и древнерусского государства как корневых основ этнического и государственного единства белорусов, русских и украинцев. Преследовалась и преследуется цель развести их по разные стороны исторического развития, противопоставить их друг другу, заменить нашу собственную историю чужой историей, точнее, чужими антиисторическими взглядами на историю наших братских народов. Фальсификаторы нашей общерусской истории работают именно в направлении деисторизации и деинтеллектуализации общественного сознания наших стран, ликвидации исторической памяти наших народов, выполняя тем самым антиисторический заказ своих западных хозяев. Ведь понятно, что народы, лишенные исторической памяти, утратившие свои ментальные характеристики, неспособны ни к какой исторической жизни, оказываются вне исторического времени и пространства, исчезают из истории как народы.

Важно отметить, что фальсификаторы нашей истории ничего нового и оригинального в своих «исследованиях» не сообщают. Они лишь всего воспроизводят антиисторические инсинуации западной пропаганды и реанимируют антирусские сентенции так называемых белорусизаторов и украинизаторов конца XIX начала XX веков в Беларуси и на Украине.

Зачем это делалось и делается? Затем, чтобы лишив наши народы своего исторического сознания, реализовать геополитические проекты Запада на постсоветском пространстве. То, что не удалось сделать западным правителям в битве при Чудском озере, в годы

Смутного времени, во время Отечественной войны 1812 года и Великой Отечественной войны 1941-1945 годов, они решили осуществить в результате «геополитической катастрофы XX века». Для реализации своих антирусских замыслов Запад на помощь призвал коллаборационистов-фальсификаторов, которые должны были подвести, так сказать, «историческую» основу под разрушение СССР. Дескать, поскольку наша общерусская история была неправильной, нашим народам следует отречься от своей истории и заменить ее историей правильной. Какой? Разумеется, той, которая изложена в западной историографии. То есть историей, которая оправдывала агрессивную, колониальную политику Запада в отношении незападных народов. То есть историей, которая оправдывает сегодняшнюю экспансионистскую политику западных правительств в отношении постсоветских республик в виде продвижения НАТО на Восток, навязывания западных ценностей в качестве универсальных ценностей человечества, противодействия интеграции между бывшими союзными республиками, устранения неудобных политических лидеров.

Нужно ясно понимать, что это не некие абстрактные исторические дискуссии, не имеющие отношения к настоящему. Проталкивая фальсифицированную историю в самосознание наших братских народов, «белорусизаторы» делают это для того, чтобы подчеркнуть неправильность избранного белорусами пути развития, попытаться навязать чуждые нашему народу ценности, а значит, в корне пересмотреть политику государства. Именно этим объясняются протаскивание лозунгов об исключительно европейском характере Беларуси и игнорирование ее общерусских корней. Отказ от общерусских корней белорусского самосознания – это отказ от союза с братской Россией, а шире – от участия в каких-либо интеграционных процессах на постсоветском пространстве, отказ от исторического выбора белорусского народа, смена геополитической ориентации нашей республики.

Отрадное исключение на этом фоне представляет жизнь и творчество Ивана Алексеевича Чароты, который на протяжении десятилетий упорно и мужественно отстаивал ценности дружбы и единства белорусского и русского народов, ценности неразрывного союза Беларуси и России. У Ивана Чароты, последовательно уважавшего науку, как неустанный поиск Истины, и в то же время не закрывавшего глаза на все противоречия как прошлого, так и

настоящего времени, давно сложились убеждения, предавать которые он не желал и не был способен. Уже потому, что опровергнуть правильность их никому не удавалась, а также из-за того, что относились они к вещам, которые без боязни пафоса уместно называть священными. В любом случае, без них мы, как общность, как славный прежде народ, останемся не более чем пылью при дороге, по которой собрались лихо катить многие другие.

Прежде всего, это касается таких категорий, как «единство Руси», «русскость», «общерусскость», «русский мир», безоглядно извращаемых противниками единства белорусского и русского народов. Для Ивана Алексеевича особо значимым было нравственное достоинство отечественной истории. А это значит, что неизменно был важен принцип научной добросовестности при анализе реальных социально-политических ситуаций всех времен – как Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского, Российской империи, Советского Союза, печально памятной «перестройки», так и весьма непростых наших дней. Иван Чарота на дух не принимал фальсификаций всех видов – псевдонациональных мифов, квазинаучных измышлений и прочих обманов, распространяемых как сознательно, так и по простоте душевной. А это, как подчеркивал Иван Алексеевич, исключительно важно в условиях, когда такими фальсификациями практически уже деформировано сознание молодого поколения. Значит, следует бороться за формирующиеся умы и души, хотя бы объяснить, какой дорогой идти – тем, кто готов оставаться белорусами, а не переходить в неопределенный разряд белоевропейцев или белоамериканцев. Это на самом деле нужно делать, пока не поздно.

В этом плане можно сказать, что Иван Алексеевич Чарота, профессор Белорусского государственного университета, академик Сербской академии наук и искусств был первым белорусским мыслителем, который обратил внимание на опасность подобных фальсификаций белорусской истории для будущего белорусского народа.

Именно Иван Алексеевич Чарота показал, как в результате соответствующей промывки мозгов в Беларуси, прежде всего среди интеллигенции, уже в самом начале 1990-х годов нашлось немало тех, кто с энтузиазмом приступил к капитальному «евроремонту» унаследованного дома, а также к соответствующему «окультуриванию» среды. Их силами были созданы самые разнообразные структуры.

Центр «Европейский выбор» и Гражданская кампания «Европейская Беларусь». Европейский гуманитарный университет и просветительская организация «ЕвроФорум». Просто «Европейский клуб» и «Европейский учительский клуб». «Европейское Радио для Беларуси» и радиостанция «Европа Плюс, Беларусь». Вплоть до «Еврообоев» и «Евродента». Предпринимались попытки заменить латиницей кириллическую азбуку, которая, дескать, для белорусов ограничивает светлые перспективы интеграции в Европу.²⁰¹

В фальсификации белорусской истории, подчеркивает Иван Алексеевич, симптоматичны специфические «теории» этногенеза белорусов не как славян, а как народа, сложившегося на балтском субстрате, по специфической литовской линии, отдельно от русских. Незаметно, вроде бы, самоценным становился вопрос именно о субстрате, а не существовавшей, что засвидетельствовано бесчисленным множеством документов, общности, где нынешние белорусы законно сами себя считали «РУСами», «РУСичами», РУСкими», «РУСинами», «белоРУСцами» и как таковые именно воспринимались всеми иноземцами.

Белорусский мыслитель иронизирует над выдумками фальсификаторов нашей общерусской истории о Беларуси как центре Европы. «Мы живем в самом центре Европы». И в то же время эти фальсификаторы непременно добавляют: «Нам нужно возвращаться в Европу – как можно скорее!». ²⁰² На что Иван Чарота справедливо возражает, указывая полнейшую алогичность подобных фальсификаторских заявлений: если Беларусь находится в центре Европы, то, спрашивается, зачем ей возвращаться в Европу? А все дело в том, что фальсификаторы абсолютно не понимают смысла того, что они говорят.

От того, что Беларусь в географическом плане относится к европейской территории еще несколько не вытекает ее принадлежность к европейской цивилизации. Хотя географически Беларусь является европейской страной и, можно сказать, находится в центре Европы, но по своей цивилизационной природе Беларусь представляет собой западный предел общерусской цивилизации. Цивилизационная природа Беларуси – общерусская. Это бесспорный

²⁰¹ Чарота Иван. Дерусификация. Кто деформирует самосознание белорусов // Иван Чарота. – Стратегия России. – 2021. - № 1. – С. 52.

²⁰² Там же. С. 58.

философско-исторический факт, что и зафиксировано в самом этнониме (белорус) нашего народа. Кстати, первые святые православной церкви, заступники Русской земли и покровители русской государственности, сыновья великого князя Киевской Руси Владимира Красное Солнышко Борис и Глеб были наиболее почитаемы в Западной Руси, то есть на территории современной Беларуси. Именно в Гродно, на высоком берегу Немана в середине XII века была сооружена церковь в честь Бориса и Глеба, прозванная впоследствии Коложской, как западного форпоста общерусской цивилизации. Вот почему недопустимо смешивать географию с цивилизацией как при изучении истории и государственности, так и при разработке стратегии развития Беларуси, что постоянно делают белорусские политики, историки и культурологи, не понимающие принципиальной разницы между географическими признаками страны и национально-цивилизационными ценностями белорусского народа.

Глубоки мысли Ивана Алексеевича о Союзном государстве России и Беларуси, где он разоблачает потуги фальсификаторов, которые стараются разрушить преобладающее в массовом сознании белорусов убеждение, что Союзное государство России и Беларуси – оптимальная перспектива для обеих стран, а для Беларуси – это единственная возможность сохранить суверенитет.

Говоря о проблемах, связанных со строительством Союзного государства, Иван Алексеевич вскрывает причины подверженности массового сознания воздействию фальсификаторским аргументам. Дело в том, что массовое сознание белорусов оказалось дезориентировано из-за того, что нашим людям пришлось безо всякой подготовки включиться в отношения с навязанной виртуальностью. Это виртуальное сделали более убедительным, нежели реальное. Так называемый «европейский выбор» безоговорочно стал восприниматься как ценный сам по себе, приоритетный для нас, «отсталых», а «славянская взаимность», в том числе солидарность братских народов – как опасность для «свободного мира» и тормоз прогресса. Поскольку же идея «русского мира» изначально обладает очевидными возможностями заменить для восточных славян идею «мира европейского», то в соответствии с самыми элементарными принципами идеологической борьбы стало фронтально культивироваться категорически негативное отношение к такой идее. В результате подрастающая смена уже теряет способности адекватно реагировать на перспективу оставаться «позитивными творцами

истории», а исподволь, неосознанно, склонна соглашаться на функцию органического удобрения для «нового мирового порядка» и глобальной «вестернизации».

Вот почему, подчеркивает Иван Чарота, сегодня следует вдумчиво выслушать слова последнего интервью Слободана Милошевича, в котором содержится предостережение, адресованное непосредственно нам.

«Русские! Я сейчас обращаюсь ко всем русским (*жителей Украины и Беларуси на Балканах тоже считают русскими. – И.Ч.*). Посмотрите на нас и запомните: с вами сделают то же самое, когда вы разобитесь и дадите слабину. Запад, как цепная собака, бешено вцепиться вам в горло. Братья, помните о судьбе Югославии! Не дайте поступить с вами так же!». ²⁰³ Как справедливо указывает Иван Алексеевич, сербский опыт в этом плане действительно исключителен. Он должен стать поучительным.

Дело в том, что весь мир ныне испытывается вызовами «дигитального века» - «цивилизации бинарной», как определяет ее сербский пресвитер Суботич. Он имеет в виду комплекс проблем, обусловленных все более пугающим развитием так называемого научно-технического прогресса. Да и не может не пугать состояние человечества, когда для его значительной части виртуальность уже подменяет большой сегмент реальности. Так или иначе, и у нас, отмечает Чарота, не только дети оказываются вырванными из реальной жизни – как духовной, так и общественной. В любом случае это побуждает нас как можно четче разграничить проблемы мнимые – на которые мы, пожалуй, уже обретаем способность реагировать более-менее адекватно, и проблемы реальные – которые в любом случае предстоит еще решать, причем неминуемо с большими затратами сил и средств.

Однако пока очевидно иное: нам настоятельно рекомендуют стать всего лишь сегментом международного рынка образовательных услуг – сферы именно услуг, главной из которых является «стрижка под болонку».

Реальность же такова, что весь упомянутый рынок так или иначе призван обслуживать мир, перекроенный по лекалам глобализма, ради удовлетворения запросов западных элит. Попутно рынок

²⁰³ Чарота Иван. О братстве и единстве. Заметки на полях Союзного договора // Иван Чарота. – Стратегия России. – 2021. - № 3. – С. 42.

отлавливает светлые головы всюду и не собирается служить интересам таких стран, как Беларусь и Россия. Поэтому поддерживать собственный интеллектуальный фонд и духовно-культурные традиции все равно придется нас самим – лучше или хуже, в зависимости от позиции по затронутому вопросу.

В связи с этим, подчеркивает Иван Алексеевич, никак не обойти еще один аспект, касающийся явно болезненных процессов последнего времени. Надо признать, что Беларусь находилась и находится в общем духовно-культурном ареале с православной Россией и православной Украиной, что у наших народов имеется общий идеологический код, заложенный русским Православием. «Ведь вместе с Крещением Русь получила завет любви, братства и единства во Христе. Не случайно же равноапостольных Кирилла и Мефодия, великих учителей наших предков, мы чтим за то, что они стремились «все языки Словенския в Православии и единомыслии утвердити, умирити мир и спасти души наша». И не зря же летописец знатный с гордостью свидетельствовал, что «был единым народ славянский».²⁰⁴

Вот почему необходимо адекватно оценить роль православного фактора как в процессе формирования национального самосознания белорусов, так и в ходе государственного строительства. Данный тезис может быть сформулирован следующим образом: выбор православия был обусловлен, среди прочих факторов, ментальностью народа, однако, в свою очередь, православие закрепило и сохранило тот исторический тип самосознания белорусов, который сегодня можно охарактеризовать как современный. Без всякой мистики и фантастических легенд: православие пришло именно на ту землю, где существовали ментальные предпосылки его сохранения. И именно оно, православие, скрепило и сцементировало теоретически существующее положение вещей. Рассматривая данный вопрос, нельзя не коснуться и униатства, которое некоторые белорусские писатели, философы и политики по недоразумению зачисляют в разряд национальной религии белорусов. Здесь важно отметить, что в то время, когда в Беларуси вводилось униатство (XVI–XVII века), меняли вероисповедание не простые верующие (крестьяне), а их патроны (паны, шляхта, церковные иерархи). В тот период считалось: чья власть, того и вера. Поскольку привилегированное сословие (шляхта) окатоличилось, то есть

²⁰⁴ Чарота Иван. Завет на все времена. О едином пространстве духа // Иван Чарота. – Стратегия России. – 2021. - № 5. – С. 90.

денационализировалось, то оно заставляло и своих подданных (крестьян) денационализироваться, а поэтому насильно переводило православные приходы в приходы униатские путем навязывания православным униатских священнослужителей. «Загоняемый подобными насилиями в унию русский народ не мог, конечно, искренно держаться унии. В глубине своей души он продолжал хранить старые свои верования, старые православные убеждения и искал только случая избавиться от насильно навязанной ему унии. Сами защитники латинства сознавались, что все униаты или открытые схизматики (православные), или подозреваются в схизме».²⁰⁵ Поэтому, когда говорят, что в XVIII веке 80% белорусов были униатами, то это относится не столько к белорусским крестьянам, сколько к формальному количеству униатских приходов на Беларуси. Крестьяне, как и раньше, так и в XVIII веке, оставались верными вере своих предков, то есть православию. Не случайно переход из унии в православие для белорусов был осуществлен без больших затруднений, поскольку все дело свелось к формальному переводу священников из унии в православие. И об унии в народном самосознании не осталось никакого воспоминания.

Необходимо подчеркнуть, что национальное самосознание не означает буквального совпадения с исторической хронологией. В национальном самосознании история закрепляется не просто в исторических событиях, а в смысле истории. А смысл истории данной нации вполне может быть противоположен определенным историческим явлениям, свидетелем которых она являлась. Дело в том, что определенные исторические события могут быть временны и преходящи, а смысл истории данного народа непреходящ до тех пор, пока живет этот народ. Вот почему все историко-культурологические усилия некоторых историков, направленные на то, чтобы из аббревиатуры ВКЛ (Великое Княжество Литовское) вывести некую белорусскую идентичность, носят сугубо софистический характер. Отсюда должно быть понятно, что подобные попытки никакого отношения к действительной белорусской государственной традиции не имеют. В данном контексте важно обратить внимание на следующее соображение. Национальное самосознание, если можно так выразиться, «мудро» и «избирательно». Оно сохраняет лишь то, что позволяет

²⁰⁵ Киприанович Г.Я. Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве // Г.Я. Киприанович. – Минск, 2006. – С. 161.

нации сохранить себя в истории. Если агрессивные, кровопролитные события истории на территории Беларуси не закрепились на ментальном уровне как белорусские события, то это означает, что это не была белорусская история, что эти исторические события не были связаны с процессом национального самосохранения и развития. Отсюда основной вывод: не надо реанимировать то, что не закреплено в национальной памяти. Такого рода «традиции» – софистика.

Но есть традиции, которые закреплены в национальном самосознании нашего народа. Это касается традиции общности исторических судеб белорусов и русских. Все попытки иронизировать над этой традицией как раз и свидетельствуют или о непонимании белорусского самосознания, или о желании смены национального самосознания и привязке его к чужой системе исторических представлений и взглядов. Да, белорусы и русские – два народа. Но это народы-братья. Отличаясь эмоциональными оттенками, они тем не менее представляют собой единую этнокультурную и цивилизационную общность. Этого никогда не следует забывать.

Таким образом, исторический путь развития Беларуси проходил в русле национального, культурного, цивилизационного единства с Россией. Для белорусского и русского народов характерны языковое родство, единство образа жизни и территории, одна и та же социальная система ценностей, одни и те же мировоззренческие и политические убеждения, общность исторической судьбы.

Объективно белорусское самосознание сформировалось в условиях общерусского цивилизационного пространства, союза с русским народом. Такова специфика исторического формирования и белорусской государственности.

Существует расхожее мнение, что национальная культура сводится к реставрации исторических памятников, возрождению фольклористики, старинных ремесел и обрядов, – так сказать, к некоему внешнему этнографическому антуражу. Все это, безусловно, входит в содержание национальной культуры, но не образует ее смысла. Смысл же национальной культуры выражается в ее национальном самосознании. Именно национальное самосознание является основой этнической самоидентификации личности, ее принадлежности к нации, любви к Родине. Понятия «национальное самосознание» и «патриотизм» – синонимичны. Вот почему значимость каждого человека измеряется его заслугами перед Родиной, а человеческое достоинство – силой его патриотизма. Это

подтверждается словами песни: «Была бы наша Родина богатой да счастливою, а выше счастья Родины нет в мире ничего!». Патриотизм не только консолидирует нацию, позволяет ей выбрать и осознать путь развития, основанный на собственных жизненных традициях, но и выступает своего рода защитой нации от вызовов окружающего мира.

Очевидно, что национальная культура может быть только патриотической, то есть такой, которая культивирует любовь к своему народу и уважительное отношение к другим народам. Нетрудно заметить, что белорусская национальная культура формировалась как культура высокого патриотизма, где не было места ни мракобесной русофобии, ни раболепному западничеству. Наша задача в области культурной политики в том и состоит, чтобы укреплять и развивать патриотическую линию в белорусской культуре.

С формированием настоящего патриотизма, укреплением национального самосознания тесно связан и вопрос о сохранении исторической памяти нашего народа. История народа – это воспоминание о прошлом, наполнение реальными делами настоящего и послание общества в будущее. Только уважение к своей истории, своим национальным ценностям и традициям является основой процветания страны. Ибо лишь одна история народа может объяснить его истинные потребности и идеалы. Но говоря об уважении к своей истории, надо иметь в виду именно историю белорусского народа. Почему это важно? Потому что под видом национальных ценностей нам стремятся навязать ценности какой угодно истории, но только не нашей, белорусской.

Надо честно признать, что многие работники культуры и журналисты не понимают взаимоисключающих вещей. Им кажется, что если государство реставрирует Несвижский замок, то это означает и реставрацию образа жизни польских магнатов, включение его в каталог белорусской истории. Именно такое ложное отождествление является причиной представления нашей истории в искаженном виде, где жестокая и необузданная польская магнатская анархия преподносится как проявление белорусского самосознания. Фабрикуется иллюзорная картина: будто бы польские магнаты заботились о процветании белорусских крестьян.

Вот почему совершенной софистикой являются попытки некоторых, так сказать, «великокняжеских», ученых и писателей зачислить в разряд белорусских князей Миндовга и Витовта, тащить в белорусскую историю Радзивиллов, Сапег, Огинских и так далее, как

видных представителей белорусских знатных родов, белорусского самосознания. Это не только насмешка над белорусской историей, но и прямое оскорбление национального достоинства нашего народа, потратившего немало сил и времени, чтобы освободиться от подобных «благодетелей» и «представителей» белорусскости.

Отсюда завет Ивана Алексеевича Чароты белорусским интеллектуалам: «Так или иначе, по большому счету (как говорили мудрые предки наши, по Божьей воле), краеугольный камень национальной (!) сущности белоруса – русскость. Если этот камень убрать, сущности не на чем держаться. «Белость» сама по себе пропадет. Иными словами, тогда не только о здоровом национальном самосознании, но и ни о какой национальности не может быть речи».²⁰⁶

В самом деле, мы должны с уважением относиться к историческому выбору белорусского народа как результату многовекового формирования общерусского национального самосознания, в рамках которого вызрела и приобрела силу белорусская нация и белорусская государственность.

ЛИТЕРАТУРА

- Киприанович Г.Я. Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве // Г.Я. Киприанович. – Минск, 2006.
- Чарота Иван. Дерусификация. Кто деформирует самосознание белорусов // Иван Чарота. – Стратегия России. – 2021. - № 1. – С. 51-65.
- Чарота Иван. Завет на все времена. О едином пространстве духа // Иван Чарота. – Стратегия России. – 2021. - № 5. – С. 81-90.
- Чарота Иван. О братстве и единстве. Заметки на полях Союзного договора // Иван Чарота. – Стратегия России. – 2021. - № 3. – С. 39-46.

²⁰⁶ Чарота Иван. Дерусификация. Кто деформирует самосознание белорусов // Иван Чарота. – Стратегия России. – 2021. - № 1. – С. 65.

Lev Evstafyevich Krishtapovich
Doctor of Philosophical Sciences
Belarusian State University of Culture and Arts
Minsk, Belarus

A THINKER OF THE RUSSIAN WORLD
(Dedicated to the memory of Ivan Alekseevich Charota)

Abstract

The article analyses the problem of historical knowledge and criticises the pluralistic approach that ignores the internal lawfulness (regularity) of historical development. The author points to the systematic falsification of the shared history of Russians, Belarusians, and Ukrainians, aimed at weakening their cultural and political unity. Special attention is given to Ivan Charota's role as a thinker who defended the idea of the “Russian world” and exposed anti-historical interpretations of Belarusian identity.

Keywords: Ivan Charota, falsification of history, Russian world, national self-consciousness, Belarusian-Russian unity.

*С Александром Карлюкевичем и Юрием Лоцицем, дружеская прогулка.
Источник: voskres.ru.*

*С супругой Надеждой в Союзе писателей Сербии. На фотографии
также: Милован Витезович, Миодраг Сибинович, Владимир Чушев.*

Олег Геннадьевич Казак²⁰⁷

кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой политологии
Белорусского государственного экономического университета
Минск, Беларусь

Артем Сергеевич Середа²⁰⁸

учитель средней школы № 3 г. Жабинки
Жабинка, Беларусь

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЗАПАДНОМ ПОЛЕСЬЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ)

*Обзор малой родины Ивана Чароты*²⁰⁹

Аннотация

В статье на основе впервые вводимых в научный оборот документов Государственного архива Брестской области дается характеристика этнокультурной политики властей рейхскомиссариата «Украина» в отношении автохтонного восточнославянского населения Западного Полесья (современной Брестской области Беларуси). Отмечается, что действия оккупационных властей были направлены на дальнейшую культурную дезинтеграцию и денационализацию жителей края. Эта статья посвящена малой родине белорусского слависта и сербиста И.А. Чароты, которому и посвящена данная работа.

Ключевые слова: Западное Полесье, рейхскомиссариат «Украина», школа, делопроизводство, состав населения, И.А. Чарота.

Иван Алексеевич Чарота родился в 1952 г. в д. Лыщики Кобринского района Брестской области (в западнополесском регионе).

²⁰⁷ olegkazak90@tut.by

²⁰⁸ marcellinus@tut.by

²⁰⁹ Данная статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта Синодальной исторической комиссии (01.12.2025–01.12.2026).

Малая родина выдающегося ученого-слависта являлась пространством пересечения различных культурных влияний, что во многом определило выбор Иваном Алексеевичем своего профессионального пути. В одном из интервью И.А. Чарота отмечал: «Я родился на границе Белоруссии, Украины и Польши. Когда учился читать, в моем распоряжении были газеты и журналы на белорусском и русском языках, а еще старый польский букварь. А у деда имелись две книги, полученные им в церковноприходской школе: Евангелие и “Кобзарь” Тараса Шевченко на украинском языке. И белорусский, и русский, и украинский, и польский языки были мне одинаково понятны. Так что славистом я стал, можно сказать, еще в раннем детстве»²¹⁰. Будучи поборником идеи славянского этнокультурного единства, И.А. Чарота отмечал реальную разрозненность славян, которые, к сожалению, часто становятся разменной фигурой в больших политических играх, в результате чего враждуют, а иногда и воюют друг с другом²¹¹. В период немецко-фашистской оккупации (1941–1944 гг.) коренные жители родного для героя данного сборника Западного Полесья в очередной раз оказались объектом плохо продуманной и организованной этнокультурной инженерии. Южные районы Полесской, Пинской и Брестской областей с областными центрами Мозырь, Пинск и Брест были переданы в управление рейхскомиссариата «Украина», граница которого проходила примерно в 20 км к северу от железной дороги Брест – Гомель. Территория Западного Полесья была включена в состав генерального округа «Волынь – Подолия».

Настоящее исследование базируется на впервые вводимых в научный оборот материалах Государственного архива Брестской области. Следует отметить недостаточную, зачастую фрагментарную сохранность документов. Их анализ, однако, позволяет увидеть общие контуры этнокультурных процессов в регионе в наиболее трагичный и драматичный период его истории.

1 июля 1941 г., то есть уже в первые дни оккупации Брестчины, была создана коллаборационистская организация Украинский комитет взаимопомощи, члены которой выражали полную лояльность Германии. На первых порах члены комитета, очевидно, прекрасно понимая отсутствие сформированной украинской национальной

²¹⁰ Рублевская Л. Иван, родство помнящий. URL: <https://www.sb.by/articles/ivan-rodstvo-pomnyashchiy.html> (дата обращения: 16.02.2026).

²¹¹ Чарота И.А. Был один народ славянский... // Беларуская думка. 2008. № 3. С. 42.

идентичности у местных жителей, планировали прояснить для себя реальную картину этнокультурных предпочтений населения региона. Предполагалась рассылка в населенные пункты шаблона протокола собрания жителей, в котором был раздел следующего содержания: «Ввиду того, что разные чужие власти, не спрашивая нас, записывали нас раз как поляков, раз как белорусов или как “тутейших” (местных – авт.), обсудили этот вопрос и решили свободно выявить свою правдивую национальность без всякого давления извне. Свободно и твердо объявляем, что в нашем селе имеется: а) украинцев – ...; б) русских – ...; в) белорусов – ...; г) поляков – ...». В соответствии с самоопределением граждан планировалось составление ходатайств местным властям о языке обучения²¹². К сожалению, заполненные протоколы собраний не сохранились, поэтому судить о том, проводились ли они вообще, не представляется возможным.

Вскоре Украинский комитет взаимопомощи решил изменить тактику и конвертировать свою безусловную верность Третьему Рейху в политический и символический капитал. В генеральную комиссию Брест-Литовска от имени комитета было направлено обращение, изобилующее недостоверной информацией. В документе безапелляционно утверждалось, что в Бресте и близлежащих населенных пунктах украинцы якобы составляли 96 % населения, представители других национальностей – 4 % населения. При этом данные советской статистики за октябрь 1940 г., согласно которым украинцы составляли менее 3 % населения Бреста, представители Украинского комитета взаимопомощи называли ложными, частично объясняя их тем, что советские власти якобы практиковали насильственное выселение украинцев из Бреста: «В большевистское правление этот несчастный город был сделан городом евреев, русских, белорусов». Активисты коллаборационистской организации были возмущены тем, что многие служащие, работавшие в административных учреждениях во времена вхождения Брестчины в состав Польши, продолжали занимать руководящие должности. Еще одним поводом для протестов стали наименования улиц в честь деятелей польской истории и культуры. Предлагалось переименовать улицы в честь «гетманов, руководителей украинского народа»²¹³. Ответа на данное обращение не последовало, после чего столь смелых

²¹² Государственный архив Брестской области (ГАБО). Ф. 202. Оп. 2. Д. 3. Л. 3.

²¹³ ГАБО. Ф. 192. Оп. 1. Д. 25а. Л. 90.

требований члены украинской коллаборационистской организации себе не позволяли.

Действия оккупационных властей демонстрировали их отношение к украинской культуре как явлению второсортному, не представлявшему какой-либо существенной ценности. Показательным в этом плане является эпизод с попыткой открытия украинского театра в г. Бресте (Брест-Литовске). 14 января 1942 г. городской комиссар Брест-Литовска докладывал генеральному комиссару округа «Волинь – Подолия» о требовании Украинского комитета взаимопомощи открыть в городе украинский театр. Свою просьбу члены комитета мотивировали тем, что «во время польской и русской власти» украинское население «очень отстало в культурном отношении»²¹⁴. 7 апреля 1942 г. состоялось совещание у заместителя генерального комиссара округа доктора Швайгера, на котором обсуждался поставленный вопрос. Участники совещания рекомендовали для обозначения украинского самостоятельного объединения использовать термин «кружок», а не «театр». Подчеркивалась недопустимость любого выступления кружка, которое давало бы «повод для конкуренции с государственным театром» (имелся в виду городской театр Бреста), запрещалось приглашать актеров городского театра для постановок украинского творческого объединения (отметим, что в репертуаре городского театра Бреста преобладала мировая и русская классика, постановки на украинскую тематику были немногочисленными). Никакого финансирования для украинского кружка не предполагалось, он должен был существовать за счет взносов. Раз в месяц допускалась аренда здания театра для организации репетиции украинского кружка за финансовую компенсацию со стороны последнего. При этом отмечалась важность организации выступлений кружка в провинции «для поднятия культурного уровня украинского народа»²¹⁵.

Одновременно в регионе действовали коллаборационистские организации, считавшие население края частью русского народа (Союз русских националистов, Русский комитет взаимопомощи и др.). Так в документе, озаглавленном «Обращение русских националистов к Русскому народу», констатировалось: «Возврат к старому самодержавному строю невозможен, ..., все сословные деления

²¹⁴ Там же. Л. 99–100.

²¹⁵ Там же. Л. 112–114.

исчезли, остался народ-нация, а следовательно, и организация нового строя должна быть не сословной, а национально русской, исходящей из интересов русского народа, а не отдельных его групп». Отвергая атрибуты демократического политического режима, авторы обращения призывали строить «Национальное Русское государство без сословных делений, основывающееся на единстве русской нации и других народов, близких к этой национальности»²¹⁶. Вследствие усилий Русского комитета взаимопомощи в г. Бресте осенью 1941 г. были открыты три школы с русским языком обучения²¹⁷. Имеются сведения о существовании в г. Бресте и Белорусского комитета взаимопомощи, который занимался в основном благотворительной деятельностью²¹⁸.

В период оккупации проводились определенные мероприятия по украинизации общественной жизни (в частности, системы образования), однако они не носили системного характера. Показательно, что до момента официального учреждения рейхскомиссариата «Украина» (20 августа 1941 г.) украинский язык в общественной сфере не рассматривался как приоритетный. Так, 25 июля 1941 г. был опубликован циркуляр Лунинецкого временного комитета, согласно которому «все делопроизводство в Комитете, его отделах и подведомственных ему учреждениях ведется на русском языке, объявления же и приказы могут составляться на русском и польском языках»²¹⁹. Позже реальные языковые практики несколько разнились в зависимости от региона. Например, в Столинском округе в октябре 1941 г. официальными языками были объявлены немецкий и украинский языки, причем письма, заявления, прошения в административные органы разрешалось составлять только на немецком языке²²⁰. Согласно инструкции Пинской городской управы для вновь открываемых школ от 5 февраля 1942 г., «преподавание должно было проводиться обыкновенно на родном языке, в классах, соединенных по их национальности. При этом нужно соблюдать постепенную

²¹⁶ ГАБО. Ф. 203. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2.

²¹⁷ Там же. Л. 30.

²¹⁸ Сарычев В. Национальные комитеты самопомощи.

URL:https://pikabu.ru/story/istoriya_bresta_127natsionalnyie_komitetyi_samopomo_shchi_proekt_v_poiskakh_utrachennogo_vremeni_ot_02_dekabrya_2011_6470152?ysclid=mgkvhw73w3539881925

(дата обращения: 16.02.2026).

²¹⁹ ГАБО. Ф. 2136. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

²²⁰ ГАБО. Ф. 2138. Оп. 1. Д. 2а. Л. 31.

совершенную замену русского языка русинским и украинским». Сложно сказать, что подразумевалось под «русинским» (в немецком оригинале документа – «Ruthenish») языком²²¹. Переводчик (перевод произведен уже после войны) зачеркнул изначальный вариант «русинский» и исправил его на «белорусский». В других местностях также практиковалось введение украинского языка в школьные программы и сокращение и, даже, запрещение преподавания на русском языке. Однако данный запрет имел более формальный, нежели фактический характер. Например, согласно недельному плану уроков на 1942 / 1943 учебный год средней школы № 10 г. Бреста, на преподавание украинского языка в 1–4 классах отводилось 16 часов, русского – 24 часа. Попытка украинизации школ шла с переменным трудом. В октябре 1942 г. в Бресте было 13 начальных школ, из них украинских – 3, русских – 3, польских – 6, белорусских – 1. Действовала также средняя украинская школа. Однако ощущалась острая нехватка учебников и преподавателей украинского языка²²². В отчете школьного инспектора об окончании курсов учителей школ Ивановского района (август 1942 г.) отмечалась «недостаточность количества часов, предназначенных на родной язык (украинская грамматика)»²²³. При этом, как будет отмечено ниже, в некоторых местностях Ивановского района лица, называвшие себя белорусами, составляли подавляющее большинство населения.

Языковой хаос, царивший в системе образования региона, хорошо иллюстрируют несколько эпизодов из жизни школ Пинского округа. Из д. Огово Ивановского района поступила просьба родителей польской национальности об открытии для их детей (около 40 человек) польской школы в здании Оговской начальной школы с белорусским языком обучения. Школьный отдел Пинского окружного комиссариата отметил, что «во избежание возможных в будущем антагонизмов между местными детьми и детьми польской национальности» польскому населению следовало подыскать отдельное помещение для школы, чего сделать не удалось²²⁴. 4 октября 1941 г. школьный отдел Ивановского

²²¹ ГАБО. Ф. 2135. Оп. 1. Д. 359. Л. 3.

²²² История белорусской государственности: в 5 т. / А. А. Коваленя [и др.]. Минск: Беларуская навука, 2019. Т. 4: Белорусская государственность накануне и в период Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления (1939–1953 гг.). С. 207–208.

²²³ ГАБО. Ф. 2137. Оп. 1. Д. 9. Л. 7.

²²⁴ ГАБО. Ф. 2120. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

района просил «на основе анкетных списков и желания родителей» разрешить Молодовской семиклассной и Пешковской четырехклассной школам вести обучение на русском языке²²⁵. 18 октября 1941 г. школьный инспектор Пинского округа ответил: «Раз население белорусской национальности, то и школа должна быть белорусская, а не русская (в оригинале – «российская» – авт.)»²²⁶. Отметим, что письмо из Ивановского района было составлено на русском языке, ответ пинского ведомства – на белорусском языке. В конце 1942 г. жители д. Гаево Пинского района обратились в Украинский комитет взаимопомощи с жалобой на то, что в местной украинской школе преподавание велось не на украинском языке. При этом сама жалоба была составлена на русском языке. Изучение ситуации школьным инспектором показало, что жалоба не имела оснований, так как в школе «как до сих пор, так и сейчас ведется преподавание на украинском языке, только в 1 классе учительница Булычева в силу трудностей, которые имела при первоначальному обучении грамоте из-за отсутствия украинских букварей, воспользовалась белорусским букварем, так как детям, по ее словам, белорусский язык понятнее, и то временно до получения украинских букварей. Предварительно с этим были предупреждены ею некоторые родители, и она получила согласие. ... Незнанием украинского языка населением и объясняются трудности при обучении детей в школах на украинском языке»²²⁷.

Столь же противоречивая информация содержится в статистических документах, отражающих состав населения различных населенных пунктов современной Брестской области, которые находятся в относительной близости друг от друга. Обратимся к материалам именного списка населения Рудской волости Ивановского района по состоянию на 1 августа 1942 г. Данный список был составлен на русском языке. Всего в волости проживало 3788 человек, абсолютное большинство из них – 3667 человек – были белорусами (3 католика, 3664 православных), украинцами назвали себя лишь 40 человек (все – православные), поляками – 80 человек (все – католики)²²⁸. В Одрижской волости Ивановского района по состоянию на август 1942 г. проживало 4089 человек, из них 3983 белоруса, 75

²²⁵ Там же. Л. 8.

²²⁶ Там же. Л. 10.

²²⁷ ГАБО. Ф. 2135. Оп. 7. Д. 377. Л. 54.

²²⁸ ГАБО. Ф. 2137. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–69.

украинцев, 29 поляков, 2 русских²²⁹. Схожие тенденции прослеживаются при анализе документа о численности населения в г. Лунинце Пинского округа. Особенность данного документа заключается в том, что в нем отражены сведения о составе населения на момент 1 октября 1939 г. (незадолго до этого населенный пункт был занят войсками Красной Армии) и 1 января 1942 г., то есть в условиях немецкой оккупации. В период между двумя контрольными датами количество населения города уменьшилось с 11400 до 7806. Абсолютное большинство жителей города считали себя белорусами (1939 г. – 4760, 1941 г. – 4072), лиц, идентифицировавших себя с украинцами, было гораздо меньше, хотя их количество к началу 1942 г. несколько возросло (1939 г. – 61, 1942 г. – 81), значительно сократилось количество русских (1939 г. – 627, 1942 г. – 365), второй по численности национальной группой оставались евреи (1939 г. – 4153, 1942 г. – 1916), третьей – поляки (1939 г. – 1777, 1942 г. – 1337)²³⁰. Национальный состав Лунинецкой волости в октябре 1941 г. был следующим: белорусов – 19111 человек, поляков – 985 человек, евреев – 349 человек, украинцев – 58 человек²³¹. Совершенно иной была ситуация на территории Жабинковского района. Среди учащихся школ в Жабинке и близлежащих сельских населенных пунктах было 2209 украинцев, 107 поляков, 70 белорусов, 6 русских (в оригинале – «россиян»)²³². Можно предположить, что информация в документах о национальном составе населения могла отражать субъективный взгляд чиновников той или иной местности на этническую природу автохтонного славянского населения.

Реальный язык делопроизводства в различных местностях далеко не всегда отражал официальную политику украинизации. Например, списки рабочих и служащих государственного имения «Ополь» Ивановского района Пинского округа на выдачу заработной платы (январь – ноябрь 1942 г.) составлялись на русском языке, фиксировались единичные проявления влияния местных говоров и польской латиницы²³³. Бланки списков сельских хозяйств Ивановского района были составлены на украинском языке, но заполнялись на

²²⁹ ГАБО. Ф. 2137. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–76.

²³⁰ ГАБО. Ф. 2136. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

²³¹ ГАБО. Ф. 2149. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

²³² ГАБО. Ф. 193. Оп. 1. Д. 218. Л. 15.

²³³ ГАБО. Ф. 2120. Оп. 1. Д. 488. Л. 1–168.

русском языке²³⁴. В столинском районном управлении Столинского окружного комиссара документы велись исключительно на украинском языке²³⁵. Обращает на себя внимание одно из объявлений комиссара Столинского округа, в котором содержалась угроза смертной казни для «всех крестьян или других лиц местного населения, которые предоставляют помещения для сокрытия беглым русским (в оригинале – «российским» – авт.) военнопленным»²³⁶. Список служащих Пинского городского управления и его отделов за 1941 г. был составлен на русском и, частично, на польском языках (при этом использовались советские журналы и бланки)²³⁷.

Язык делопроизводства в Пинском городском управлении заслуживает отдельного внимания. 1 октября 1941 г. заместитель начальника отдела просвещения Шумакович составил заявление, в котором сетовал на засилье польского языка в его ведомстве: «Не знаю почему и на основании чьего распоряжения, но все бланкеты напечатаны исключительно на польском языке. В настоящее время на территории, обитателями которой мы являемся, живут не только поляки, но живут также и белорусы, русские, немцы и украинцы, и навязывать другим нациям не родной им язык считаю весьма некультурным. Наша территория считается оккупированной Германской армией, а посему языком в учреждении может быть язык народов, здесь населяющих, – следовательно, не один польский. Несмотря на то, что в управлении есть на 12 человек 8 человек не поляков, впечатление создается, что все управление насчитывает в своем составе поляков, за некоторым исключением. Вообще должен заметить, что с языком в нашем городском управлении не все в порядке – все книги и канцелярские бланки напечатаны исключительно на польском языке, переписка, за исключением некоторых отделов, ведется исключительно на польском языке. Кроме того, замечается иногда смешивание русского и белорусского языков с большевистским языком (очевидно, Шумакович имел в виду обильное использование клише и канцеляризмов, свойственное официальному языку делопроизводства советских учреждений – авт.)²³⁸. В дальнейшем документы Пинского городского управления составлялись на немецком и на русском языках.

²³⁴ ГАБО. Ф. 2137. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–58.

²³⁵ ГАБО. Ф. 2138. Оп. 1. Д. 2а. Л. 1–79.

²³⁶ Там же. Л. 1.

²³⁷ ГАБО. Ф. 2135. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–31.

²³⁸ ГАБО. Ф. 2135. Оп. 1. Д. 348. Л. 2.

Белорусские историки утверждают, что польским чиновникам, которые не гнушались доносов и провокаций, удалось на первом этапе проникнуть в органы оккупационной власти и доминировать, в частности, в Столинском, Пинском, Кобринском, Брест-Литовском округах²³⁹.

Важными для понимания проблемы источниками являются анкеты лиц, принимаемых на педагогическую работу в школы региона. Благодаря анализу данного вида источником можно наблюдать феномен, называемый нами утилитарной идентичностью. Действительно, трудно представить, чтобы культурно-языковые предпочтения в среде узкой прослойки местной интеллигенции столь разительно отличались по объективным причинам. Так, все лица, поступавшие на учительский курсы в Жабинковском районе, указали национальность «украинец» (даже в мае 1944 г., когда до освобождения региона от немецких оккупантов оставалось порядка двух месяцев), очевидно, рассчитывая получить преподавательскую должность в украинской школе²⁴⁰. Совсем иная картина предстает при анализе списка кандидатов на учительские должности в польских школах г. Пинска в 1941 / 1942 учебном году, где идентификация себя как украинца не являлась каким-либо значимым символическим капиталом: 19 кандидатов назвали себя белорусами, 15 – поляками, 11 – русскими²⁴¹.

Не менее любопытными являются анкеты работников упоминаемого Украинского комитета взаимопомощи. Украинский язык был отнюдь не доминирующим даже для активистов украинской коллаборационистской организации. Анкеты заполнили 22 человека, их языковые компетенции выглядели следующим образом (разreshалось указывать все языки, которыми владели указанные лица): русский язык знали 20 человек, польский язык – 19 человек, украинский язык – 12 человек, немецкий язык – 5 человек, французский язык – 2 человека, белорусский язык – 1 человек²⁴².

Таким образом, анализ документов позволяет сделать вывод о глубочайшей этнонациональной дезориентации, порожденной действиями оккупационных властей на территории западнoпoлeсскoгo рeгиoнa. Прoвoдилaсь нaсильствeннaя укрaинизaция нaселeния, нe

²³⁹ История белорусской государственности. С. 193.

²⁴⁰ ГАБО. Ф. 193. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–112.

²⁴¹ ГАБО. Ф. 2135. Оп. 2. Д. 143. Л. 2–10.

²⁴² ГАБО. Ф. 202. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–22.

имевшего отчетливого украинского национального самосознания. Неудача данного проекта объясняется ограниченностью кадровых и финансовых ресурсов, а также деятельностью иных коллаборационистских структур (русских, белорусских), которые сумели выторговать скромные «бонусы» со стороны оккупантов в обмен на свою безусловную лояльность. При этом оккупационные власти рассматривали украинский культурный фактор как сугубо побочный, второстепенный элемент общественной жизни, рассчитанный на то, чтобы этнокультурное развитие местного восточнославянского населения было законсервировано и жители края оставались этнографической массой и объектом манипуляций. В административных учреждениях некоторых местностей, особенно в первые месяцы оккупации, доминировал польский язык, также чуждый большинству населения края. Естественно, о развитии «высокой» культуры (будь то украинской, белорусской, русской) в то время не могло идти и речи. Действия оккупационных властей в культурной сфере, в которых можно увидеть хотя бы проблески цивилизованного отношения к жителям контролируемых территорий, сочетались с беспрецедентным террором в отношении местного населения.

ЛИТЕРАТУРА

- Государственный архив Брестской области (ГАБО). Ф. 192. Оп. 1. Д. 25а.; ГАБО. Ф. 193. Оп. 1. Д. 11.; ГАБО. Ф. 193. Оп. 1. Д. 218.; ГАБО. Ф. 202. Оп. 1. Д. 3.; ГАБО. Ф. 202. Оп. 2. Д. 3.; ГАБО. Ф. 203. Оп. 1. Д. 1.; ГАБО. Ф. 2120. Оп. 1. Д. 1.; ГАБО. Ф. 2120. Оп. 1. Д. 488.; ГАБО. Ф. 2135. Оп. 1. Д. 6.; ГАБО. Ф. 2135. Оп. 1. Д. 348.; ГАБО. Ф. 2135. Оп. 1. Д. 359.; ГАБО. Ф. 2135. Оп. 2. Д. 143.; ГАБО. Ф. 2135. Оп. 7. Д. 377.; ГАБО. Ф. 2136. Оп. 1. Д. 1.; ГАБО. Ф. 2136. Оп. 1. Д. 7.; ГАБО. Ф. 2137. Оп. 1. Д. 4.; ГАБО. Ф. 2137. Оп. 1. Д. 7.; ГАБО. Ф. 2137. Оп. 1. Д. 9.; ГАБО. Ф. 2137. Оп. 1. Д. 14.; ГАБО. Ф. 2138. Оп. 1. Д. 2а.; ГАБО. Ф. 2149. Оп. 1. Д. 2.
- История белорусской государственности: в 5 т. / А.А. Коваленя [и др.]. Минск: Беларуская навука, 2019. Т. 4: Белорусская государственность накануне и в период Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления (1939–1953 гг.). 567 с.
- Рублевская Л. Иван, родство помнящий. URL: <https://www.sb.by/articles/ivan-rodstvo-pomnyashchiy.html> (дата обращения: 16.02.2026).
- Сарычев В. Национальные комитеты самопомощи. URL: https://pikabu.ru/story/istoriya_bresta_127natsionalnyie_komitetyi_samopomoshchi_proekt_v_poiskakh_utrachennogo_vremeni_ot_02_dekabrya_201

1_6470152?ysclid=mgkvhw73w3539881925 (дата обращения:
16.02.2026).

Чарота И.А. Был один народ славянский... // Беларуская думка. 2008. № 3. С. 42–47.

Oleg Gennadyevich Kazak
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Political Science
Belarusian State Economic University
Minsk, Belarus

Artem Sergeyevich Sereda
Teacher at Secondary School No. 3, Zhabinka
Zhabinka, Belarus

ETHNOCULTURAL PROCESSES IN WESTERN POLESIE DURING THE
GREAT PATRIOTIC WAR (BASED ON ARCHIVAL SOURCES)
A review of the native region of Ivan Charota

Abstract

The article, based on documents from the State Archive of the Brest Region introduced into scholarly circulation for the first time, provides a characterisation of the ethnocultural policy of the authorities of the Reichskommissariat “Ukraine” toward the autochthonous East Slavic population of Western Polesie (the present-day Brest Region of Belarus). It is noted that the actions of the occupying authorities were aimed at further cultural disintegration and denationalisation of the region’s inhabitants. This article discusses the native region of the Belarusian Slavist and Serbist Ivan Charota, to whom the work is dedicated.

Keywords: Western Polesie, Reichskommissariat “Ukraine,” school, record-keeping, population composition, I.A. Charota.

Вячеслав Юрьевич Сухнев²⁴³

Союз журналистов России
Союз писателей России

МЫ СНОВА НА КОСОВОМ ПОЛЕ²⁴⁴

Аннотация

В работе рассматривается историческое и духовное значение Косова поля для сербского народа, начиная с битвы 1389 года, ставшей символом жертвы и борьбы за веру и государственность. Особое внимание уделено трудам Ивана А. Чароты (1952–2024), который исследовал влияние исторических событий на современность и подчеркивал необходимость славянского единства. Автор анализирует сложные сербско-албанские отношения, причины конфликтов в Косово и их геополитическое значение, включая борьбу за ресурсы и территорию. В заключение подчеркивается, что Косово остаётся духовным центром сербского народа и символом его исторической памяти и надежды на восстановление справедливости.

Ключевые слова: Косовская битва, славянское единство, Иван Чарота, сербско-албанский конфликт, духовное наследие и православие

О Косовом поле знают или слышали многие. Но нелишне напомнить: 15/28 июня 1389 года на юге Сербии произошла битва между сербами и турками-османами. На Косовом поле под Приштиной сошлись армии князя Лазаря Хребеляновича и султана Мурада I, инициатора турецкой экспансии на Балканах. Сеча была настолько жестокой, что от обеих армий почти ничего не осталось, а их командующие погибли. Каждая сторона посчитала, что победила. Османы откатились на восток, а сербы остались хоронить павших.²⁴⁵ Иван Чарота напишет о князе Лазаре: «Его войско остановило проникновение турецкой орды в Европу, пожертвовав своей

²⁴³ slava.suhnev@gmail.com

²⁴⁴ Данная статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта Синодальной исторической комиссии (01.12.2025–01.12.2026).

²⁴⁵ См. Шишов В. Сербская Голгофа. 1389.
<https://diletant.media/articles/41075471/>

государственностью».²⁴⁶ И это так: заслонив Европу, сербы надолго попали в зависимость от турецких захватчиков.

Битва на Косовском поле в Видовдан (Видов день), это знаковое событие в истории Сербии, со временем обросло легендами, повествующими о боевой доблести сербов, о предательстве их союзников и единомышленников. Сложен целый свод песен и сказаний о Косовской битве, есть огромная научная литература, руку к которой приложили не только балканские исследователи, но и множество учёных из самых разных стран.

Таким учёным был Иван Алексеевич Чарота,²⁴⁷ замечательный белорусский филолог, иностранный член Сербской Академии наук и искусств, автор более чем 600 литературно-критических и публицистических работ по истории, культуре и литературе братской Сербии. Многие из них изданы на сербском. Кстати сказать, несмотря на кажущуюся схожесть сербского языка с русским или белорусским, в изучении он гораздо сложнее некоторых других славянских языков, и то, что Иван Алексеевич говорил и писал по-сербски, говорит о его выдающихся лингвистических способностях.

В научной среде Иван Чарота известен не только филологическими, но и историко-публицистическими работами, в которых он выступает как мудрый исследователь влияния событий давно прошедших дней на современную действительность. Выявлять следственно-причинную связь значимых моментов ему помогало глубокое проникновение в историю и незамыленный взгляд на окружающую действительность. Верный поклонник и проводник идеи славянского единства, Иван Алексеевич на примере Сербии и её соседей показывал, как пагубна вражда славян для выживания славянской общности. В одном из интервью он говорил: «Любой славянский народ никогда не может существовать в этом мире сам по себе. Только в славянском единстве. Мы все помним знаменитую метафору про веник: один прутик сломать легко, а когда они вместе, то никак. Но сегодня идёт разъединение на прутики, самоутверждение славянских народов, причём на враждебном отношении к русскому

²⁴⁶ Чарота И. Косовская битва. 620 лет спустя.

https://ruskline.ru/analitika/2010/03/04/kosovskaya_bitva_620 лет_spustya/

²⁴⁷ Иван Алексеевич Чарота (1952–2024), советский и белорусский литературовед, славист, критик, историк культуры, переводчик, общественный деятель. Доктор филологических наук (1998).

компоненту. Подобное, на мой взгляд, для славянства в целом самоубийство».²⁴⁸

Насколько прав оказался Чарота, показывает само время: агрессивное украинство и не менее агрессивное польское шляхетство, самоутверждаясь в поисках национальной идентичности, что называется, сплелись в объятьях на почве оголтелой русофобии. Они так далеко зашли в безоглядной ненависти ко всему русскому, что в ближайшие годы просто невозможна сама постановка вопроса о единении славянства. И это в то время, когда англо-саксонский мир противостоит Русскому миру в чаянии поставить на колени самое крупное и самое мощное славянское образование – Союзное государство России и Белоруссии. Ослеплённые ненавистью к русским, славянские русофобы не понимают, что они, после падения России, на очереди под нож.

Обращение к Богу, признание его промыслительного воздействия на все стороны человеческой деятельности вообще характерны для сербского национального духа. Это отражается во множестве песен и сказаний и, главное, в традициях житийного поведения. У русских о таком поведении есть ёмкая пословица: «Без Бога – не до порога». То есть без божьей воли человек не делает ни единого шага. Стойкая вера дала сербам невероятное мужество быть и оставаться нерушимой крепостью православия в окружении иноверия, когда братья по крови становились непримиримыми врагами по вере – хорваты-католики и боснийцы-мусульмане.

Надо оставаться православными, и тогда в Белграде на площади Калемегдан, что по-турецки значит Крепостная площадь, в начале XV века появляется церковь Ружица, посвященная Пресвятой Богородице. Её разрушали и переделывали в мечеть османы, перестраивали в пороховой склад австрийцы, но сразу после Первой мировой церковь возродилась. Ружицу восстановили по проекту русского архитектора Николая Петровича Краснова, создавшего в Белграде много статусных зданий. А русский художник Андрей Васильевич Биценко расписал церковь фресками и спроектировал люстры, сделанные из ружейных гильз. У входа в церковь стоит статуя сербского короля Стефана Душана в доспехах времён Косовской битвы.²⁴⁹

²⁴⁸ Чарота И. Чего же нам не хватает? Наверное, разума. Интервью. <https://gornovosti.ru/news/3311/>

²⁴⁹ См. Измайлов О. Николай Краснов – русский гений в Ялте и Белграде. <https://dzen.ru/a/YWqDFxEiyziC1bB>

Связь неистребимой православной веры и сербской государственности постоянно выявлял Иван Алексеевич Чарота, и не случайно в своих трудах он уделял так много внимания истории сербской церкви и жизни её выдающихся подвижников, способствовал популяризации сербской церковной мысли. Глубоко верующий человек, Чарота был секретарём Библейской комиссии Белорусского экзархата Русской православной церкви и исполнительным редактором журнала «Православие». Печатал труды многих сербских отцов церкви. В частности, Иван Алексеевич перевёл и издал поучения святителя Николая Сербского и статьи современного социолога Зорана Милошевича.

*

Об истории российско-сербских и белорусско-сербских связей можно говорить долго. Известно, что культурные связи между русскими и сербами начались ещё в XII веке. Сербский король Драгутин (1270–1275) находился в дружеских отношениях с великим князем владимирским Василием I Ярославичем, младшим братом Александра Невского, поддерживал его в тяжёлые времена татаро-монгольского нашествия. В XIV веке князь Лазарь Хребелянович, впоследствии герой битвы на Косовом поле, подарил русским, жившим в Сербии, церковь и село в Хвосно на севере Метохии. Весьма плодотворно развивались культурные и церковные связи, вплоть до того, что сербы нередко становились иерархами православной церкви в России.²⁵⁰

Интересны и династические связи двух народов. Иван III женился на Софье Палеолог, которая была не только племянницей последнего византийского императора Константина XI, но и внучкой Елены Деянович, находившейся в прямом родстве с королём Сербии Стефаном Дечанским. Василий III, сын Ивана III, женился на Елене Глинской, дочери литовской княгини Анны Якшич. А княгиня была дочерью сербского воеводы Стефана Якшича. Таким образом, у Ивана IV Грозного были сербские корни по двум бабкам – Софье Палеолог и Анне Якшич.²⁵¹

Во время османского ига тысячи сербов устремились в Россию. Они становились учёными и полководцами, рудокопами и

²⁵⁰ См. История взаимоотношений России и Сербии. http://www.plam.ru/hist/russkii_belgrad/p1.php

²⁵¹ Там же.

земледельцами. В начале XVIII века Петр Великий принимал на службу сербов, ставших впоследствии вдающимися военными деятелями. В Отечественной войне 1812 года участвовало десять русских генералов, сербов по происхождению. А к середине XVIII века почти тридцать сербов стали генералами русской императорской армии.²⁵²

С 1759 года начинается регулярный, поддержанный русским государством, переезд сербов в Россию. На Северском Донце, на территории нынешней ДНР, появляется большая колония, названная «Новой Сербией». Многие колонисты служили в русской армии, пользуясь известностью храбрых и образованных специалистов. Россия постоянно поддерживала антитурецкие выступления сербов – финансами, оружием и добровольцами. А когда в 1876 году началась освободительная война сербов против османского ига, в России собирали огромные средства, на которые приобретались оружие, медикаменты, одежда для повстанцев. На войну с турками в сербскую армию отправилось, по разным сведениям, от трёх до пяти тысяч русских воинов. Врачи-добровольцы из России работали в сербских госпиталях. Победа России в русско-турецкой войне 1877-1878 г.г. дала Сербии и Черногории независимость. Эти победы «послужили мощным фактором пробуждения славянских народов и их стремления к славянскому единству. Славянские народы во главе с Россией разрушили прежнее могущество Османской империи и тем самым создали условия для объединения славян».²⁵³ К сожалению, объединения не произошло, а началась Первая мировая война с участием, практически, всех славянских государств.

В войну 1914 года Россия вступила для защиты братского народа Сербии.²⁵⁴

О белорусско-сербских связях очень много написано в трудах Ивана Алексеевича Чароты. Более всего он исследовал связи духовные, культурные, потому что именно на уровне культуры и веры начинается становление братских связей народов, неважно, сколько государственных границ их разделяют.

Очень внимательно Чарота изучил жизнь и труды Мануила Козачинского, просветителя, церковного деятеля и писателя, который

²⁵² См. Нечаев С. Русский Белград. <https://www.livelib.ru/book/1008003814-russkij-belgrad-sergej-nechaev>

²⁵³ Платонов О. Славянское единство и Евразийский союз. <https://ruskline.ru/analitika/2013/06/17/>

²⁵⁴ См. Кузмичева Л. «Над Сербией смилуйся ты, Боже!». Београд, 2022.

много сделал для сербско-белорусского сотрудничества. Удивительно, как мало занимались изучением этой выдающейся личности наши историки, сетует Чарота. В советское время вышла одна кандидатская диссертация, где рассматривалась фигура философа Козачинского. Несколько цитат из диссертации, которые приводит Чарота, показывают, на каком жестко идеологизированном уровне изучалось творчество выдающегося духовного деятеля.

«Натуралистические тенденции в философских взглядах М. Козачинского, выступающие преимущественно в форме элементов пантеизма, деизма и натуралистического сенсуализма, наиболее четко выражены в его натурфилософии и этике, включающей в себя учение философа о государстве и «естественном праве». «Философские и общественно-политические взгляды М. Козачинского являются ярким свидетельством кризиса средневекового феодально-теологического мировоззрения под напором идей раннего Просветительства».²⁵⁵

«Короче говоря, – пишет Иван Алексеевич, – диктат коммунистической идеологии привел диссертанта не к чему иному, как к выводу о «настойчивом стремлении философа к «естественному», причинному объяснению природных явлений, без непосредственного обращения к Богу».²⁵⁶ Действительно, главной ошибкой всех советских исследователей духовных памятников прошлого было выведение за скобки воцерковленность авторов. Но ведь летописи, поучения, жития и всяческие Слова, в том числе, и Слово о полку Игореве, писали представители церкви. «Любой летописец или автор житийной прозы был по определению христианином, подавляющую часть писателей Древней Руси составляли не миряне, а клир – монахи, законоучители, высшее духовенство. А потому и читать их работы надо сквозь призму православного видения мира и его божественного устройства».²⁵⁷

Одним из первых советских исследователей православных святоотеческих сочинений Чарота рассматривает тексты в полной связи с религиозным контекстом. Он хорошо знает не только время, в которое создавалось то или иное произведение, но и привходящие обстоятельства, вплоть до личной жизни святых отцов, их отношений с властью предрежащими и другими писателями. В таком ключе работает сейчас и А.И. Ужанков, выдающийся исследователь «Слова о полку

²⁵⁵ Чарота И. Михаил (Мануил) Козачинский (1699-1755) в истории Сербии и Белоруссии. <https://www.rastko.rs/rastko/delo/16693>

²⁵⁶ Там же.

²⁵⁷ Сухнев В. Реки, напоющие Вселенную. «Стратегия России», № 1, 2012.

Игоре́ве». Подобный метод прочтения позволил ему, например, открыть автора Слова – игумена Киевского Выдубицкого монастыря Моисея.

Понятно, что в советское время государственного атеизма и Чарота, и Ужанков не могли широко популяризировать свои научные взгляды. С Выдубицким монастырём связан герой исследования И.А. Чароты Михаил Козачинский. Чарота говорит о нём: «Личность Михаила Козачинского должна вызывать интерес как феномен ярко персонализированного осуществления идеи единства славян и славянской литературной общности в первой половине XVIII века. Причем Козачинский был не просто «связником» между разделенными тогдашней геополитикой славянскими этносами, а действительно представлял общую словесность. И даже если серьезно относиться к притягательной ныне идее «евроцентризма», то нельзя забывать, а сто́ит особо подчеркнуть, что это православный представитель восточного славянства почти три столетия тому назад нёс в Австрию (т.е. самую что ни есть Центральную Европу) знания и высокие образцы словесного творчества своих соплеменников»!²⁵⁸

Сербский исследователь Властимир Эрчич много занимался духовным наследием Михаила Козачинского. Иван Чарота приводит слова сербского учёного: «Слущкая архимандрия стала своеобразным авторитетом защитницы Православия в католической Польше, неуниатским оплотом на униатской территории, оазисом восточнославянской автохтонности в крае, густо испещренном иезуитскими школами, на земле, где народ упорно держался своих истоков, сохраняя сознание о себе самом и о своей миссии по отношению к себе».²⁵⁹

Иван Алексеевич подчеркивает, что к сожалению или к стыду современные белорусы должной памяти о нем не сохранили. Деятельность и творчество Козачинского в то время, когда он пребывал в Слуцке, оставалось и остаётся как будто за плотным темным занавесом.

Здесь, в Слуцке, замкнулся земной круг выдающегося церковного философа и писателя, а начало его трудам было положено в единой верной Сербии. Работу о Козачинском Иван Чарота заключает

²⁵⁸ Чарота И. Михаил (Мануил) Козачинский (1699-1755) в истории Сербии и Белоруссии. <https://www.rastko.rs/rastko/delo/16693>

²⁵⁹ Эрчич В. – в статье И. Чароты «Об архимандрите Слуцкого Свято-Троицкого монастыря Михаиле (Козачинском)». «Наш современник», № 4, 2018.

так: «Хочется выразить надежду, что удастся все-таки восстановить подробнее обстоятельства жизни и деятельности этого отнюдь не заурядного служителя церкви Христовой на Случчине, сделать их достоянием современных поколений православных белорусов. Это – во славу Божию; и во славу подвижников Православия на землях Сербии и Белоруссии»²⁶⁰. Вообще, выдающимся проявлением сербо-белорусских связей как раз и является деятельность Ивана Чароты.

*

Во многих трудах Чарота неизменно возвращался к главной странице сербской истории – противостоянии на Косовом поле. Неоднократно Чарота говорил о том, что разобщённость славян, повторившая разрозненность русских княжеств во время нашествия татаро-монголов, способствовала поражению сербов на Косовом поле. Сербия защитила Европу от османского потопа, но потеряла на целые столетия государственность.

К сожалению, уроки Косова поля не пошли впров. Уже в конце XX века, когда обострилась борьба балканских народов против коварной политики коллективного Запада, разобщённость их только углублялась. И велось это противостояние не только в военной, но и в сфере духа и языка. Об этом Иван Алексеевич говорил так: «В 1850 году был заключён договор о едином языке между хорватами и сербами. И в лексическом словаре этих народов было 96 процентов общих слов. Но когда в конце XX века произошёл развал страны, хорваты поставили целью переделку языка – чтобы количество общих слов не превышало четырёх процентов. С Украиной сегодня происходит то же самое. И для нас, русских и белорусов, это беда».²⁶¹

Одним из главных, пожалуй, произведений Ивана Чароты, где настойчиво проводится мысль единения славян, где переплетаются история и публицистика, личные впечатления и рассказы очевидцев – стала большая работа «Косовская битва продолжается»²⁶². Она впервые опубликована в Минске в 2009 году в журнале «Неман».

Чарота обращает внимание на одно важное обстоятельство. Албанцы издавна заселяли Косовский край, что называется, тихой сапой. Они пользовались, например, тем, что сербы переселялись из

²⁶⁰ Чарота И. Михаил (Мануил) Козачинский (1699-1755) в истории Сербии и Белоруссии. <https://www.rastko.rs/rastko/delo/16693>

²⁶¹ Чарота И. Чего же нам не хватает? Наверное, разума. Интервью. <https://gornovosti.ru/news/3311/>

²⁶² Чарота И. Косовская битва продолжается. «Неман», № 10, 2009.

Косова и Метохии на север страны, чтобы вырваться из-под турецкого ига, из-за принуждений исламизироваться. Только в 1690 году около тридцати тысяч сербов под предводительством Патриарха Арсения III переселились на земли нынешней Воеводины, которая находилась тогда во владении империи Габсбургов. Место ушедших сербов занимали турки и албанцы. Новые насельники Косова и Метохии более двух веков делали всё, чтобы максимально осложнить жизнь сербам, которые все эти годы вели борьбу за независимость. Иван Чарота сообщает: «Активизировавшаяся с начала XIX века национально-освободительная борьба сербов неизменно сталкивала их с албанцами, заселявшими край как захватчики, сторонники-защитники османской власти и носители мусульманской веры. При поражениях сербских повстанцев неизменно следовал террор не только со стороны турок, но и местных албанцев. Когда же в конце концов государственность Сербии была восстановлена, край остался вне её границ».²⁶³ И всё потому, что воссоединению Косова и Сербии препятствовали утверждавшиеся на многострадальных землях албанцы.

Они организовали движение за «Великую Албанию». Хотя, уточняет Чарота, до 1912 года самостоятельного государства Албании тоже не было. С 1870-годов действовала организация «Албанская лига» / «Призренская лига» (названная так по городу Призрену, где формировалась), которая сформулировала великоалбанскую идею и занималась её осуществлением. Соответственно, с 1878 по 1912 гг. на территории Косова и Метохии сербов не просто угнетали, а стремились уничтожить либо изгнать. И численность сербского населения там только за этот период сократилась на полмиллиона.

Официально Призренская лига, созданная 10 июня 1878 года, называлась Лигой защиты прав албанской нации. За ней стояли турки, которые противились решениям Берлинского конгресса. Напомним, по этим решениям некоторые приграничные территории Османской империи передавались Черногории и Греции. А в 1912 году Сербия получила контроль над Косовом, что не умирilo сепаратистских устремлений албанцев.

Почему сербские соседи с такой настойчивостью много веков лезли в Косово? Должна же быть какая-то понятная причина. И Чарота отвечает на этот вопрос. «На территории нынешнего края Косово и Метохия действовали рудники. Там были и есть чрезвычайно богатые

²⁶³ Там же.

месторождения каменного угля, железа, цинка, свинца, кобальта, молибдена, серебра, золота. И, что весьма существенно, всегда особое значение придавалось геостратегическому положению этих территорий. Издавна закрепилось мнение: «Кто держит Косово – держит Балканы».²⁶⁴

Известно, что в Косово и Метохии запасы мягкого бурого угля занимают пятое место в мире и составляют около 14 миллиардов тонн. На буром угле вырабатывается, практически, вся электроэнергия в крае. А вот оценка запасов других ископаемых. Свинец и цинк – 59 млрд тонн, бокситы – 2 млрд тонн, никель – 13 млрд тонн, магний – 4,1 млрд тонн. Кроме того, в Косово и Метохии есть месторождения индия, германия, галлия, таллия, кадмия и олова. По исследованиям Управления горнодобывающей промышленности и полезных ископаемых и Всемирного банка, стоимость минеральных ресурсов Косово оценивается в 13,5 млрд евро.²⁶⁵

Напряжённая ситуация в Косово и Метохии не «рассосалась» даже тогда, когда край вошёл сначала в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев, потом в Королевство Югославия и, наконец в Федеративную Народную Республику Югославию. Жёсткие государственные скрепы только внешне, как выяснилось, сдерживали разрушительную энергию вражды. Албанцы во время Второй мировой воевали на стороне итальянских оккупантов и требовали отторжения Косова в пользу Албании. Косовские албанцы тоже поддерживали «братьев» из метрополии. Из-за разных подходов к судьбе послевоенного Косова развернулся настоящий военный конфликт между албанскими коммунистами, которые требовали сохранения края в составе Югославии и албанскими националистами, которые собирались присоединить Косово к Албании.

После поражения Гитлера и его союзников, казалось бы, восстанавливался суверенитет Югославии над Косово и Метохией по праву победившей стороны. И такой суверенитет восстановился. Но, почему-то, в совершенно извращённой форме, о чём пишет Иван Алексеевич: «После победы над фашизмом, при образовании Федеративной Народной Республики Югославии, создана Автономная Косовско-Метохийская область в составе Республики Сербии. Но, как

²⁶⁴ Там же.

²⁶⁵ Клякич С. Война за косовские полезные ископаемые. https://ruskline.ru/monitoring_smi/2011/12/19/

это ни странно, изгнанные оккупантами и коллаборационистами в 1941–45 гг. сербы вернуться туда не могли. Иосиф Броз Тито запретил это своим специальным указом от 16 марта 1945 года. Более того, их – представителей победившего народа! – земельная собственность и вся недвижимость оказались национализированными и отданными представителям народа побежденного, численность которого в крае ещё раз увеличена за счёт переселенцев из соседней Албании. Само собой напрашивается сравнение: результаты Второй мировой войны не только теперь и не только для белорусов парадоксальны».²⁶⁶

И.А. Чарота рассказывает, что президент Югославии Иосиф Броз Тито планировал создать «Балканскую Федерацию». В ее состав, кроме югославских республик, хотел включить Болгарию, Грецию, и, конечно, Албанию, которой и хотел передать Косово и Метохию. Тито стимулировал прирост местного албанского населения тем, что объявлял себя кумом каждой албанской семьи, где рождался девятый ребенок. В 1963 году Косовско-Метохийская область получила статус Автономного края. Албанцы здесь имели краевой парламент, свое правительство, СМИ и издательские возможности на родном языке, получали на нём среднее и высшее образование. Преимущества албанского населения расширялись и закреплялись до такой степени, что с конца 1960-х годов в крае начали быстро расти националистические настроения, обострившиеся до степени дискриминации местных сербов.

«Попытки защитить свой народ, – пишет И.А. Чарота, – предпринимала неоднократно Сербская Православная Церковь, апеллируя к закону и его гарантам. В частности, 19 мая 1969 года Синод СПЦ обратился непосредственно к Президенту СФРЮ И.Б. Тито. Обращение содержало аргументированную констатацию, что православное население края и его святыни подвергаются террору: совершаются нападения на монастыри, в том числе женские, наносятся физические повреждения их насельникам, уничтожаются монастырские посеы и лесные угодья, разрушаются надмогильные памятники... В своем ответе 23 мая 1969 года Тито выразил сожаление в связи с приведенными фактами, признав их нарушениями Конституции СФРЮ».²⁶⁷

²⁶⁶ Чарота И. Косовская битва продолжается. «Неман», № 10, 2009.

²⁶⁷ Там же.

И что? Несмотря на признание Тито, кризис межэтнических отношений в крае углублялся и стал приобретать крайние формы – как открытый террор местных албанцев по отношению к неалбанцам, прежде всего, к сербам. После смерти Тито в 1980 году начались беспорядки в Приштине. Они шли под лозунгом: «Косово – республика!» при непосредственной поддержке Албании. Активизировали подрывную работу албанские эмигрантские организации, к началу 1990-х уже насчитывалось более десятка партий, составивших разветвленную «Албанскую политическую альтернативу Косова». 2 июля 1990 года они объявили «Декларацию независимости», создали альтернативную систему власти – «правительство Косовской Республики», которое сформировало так называемую «Освободительную армию Косова». Подготовка террористов и командиров ОАК велась в зарубежных исламских странах, а также в Албании при поддержке Аль-Кайды.

Иван Алексеевич приводит цифры противостояния: «Только за период с 1 января по 30 августа 1998 года на территории Косова и Метохии албанцами совершено 1126 террористических актов, в результате которых убито 74 и ранено 282 полицейских, а также, соответственно, 80 и 95 гражданских лиц; с 1 января по 31 октября 1998 года теми же силами осуществлено похищение 260 лиц, среди которых было 50 женщин и 14 несовершеннолетних. Банды террористов нападали на монастыри и храмы – в частности, обстреляли из гранатометов монастырь святых Космы и Дамиана в с. Зочиште, убили 8 монашествующих, а также 27 стариков и старух, укрывавшихся в святой обители от террора».²⁶⁸

Албанцы с настойчивостью озверевшей шайки бандитов гнали сербов из Косовского края. Они предоставили христианам два выхода: умереть на родине или уехать. Опустевшие сербские усадьбы занимали албанцы, а тех, кто не хотел покидать родные места, преследовали с жестокостью, невиданной со времён османского владычества. Убивали крестьян и учителей, священников и торговцев, женщин и детей. Оскверняли церкви, издеваясь над верой и традициями автохтонного населения.

Но едва руководство Югославии, подключив армию и полицию, дало отпор террористам, мировые СМИ, как по команде, завопили о жестокости властей по отношению к албанцам и массовых расправах

²⁶⁸ Там же.

над ними со стороны сербов. Ситуация, казалось бы, взята под контроль, но мировые средства массовой информации буквально захлестнула мощная волна обвинений в неадекватности принятых мер, в жестокости и якобы массовых расправах сербов над албанцами. И.А. Чарота пишет: «По сути, это была информационная война, которую против СРЮ повели США в союзе с рядом европейских государств; шум на весь мир поднимался для того, чтобы нейтрализовать Югославскую Армию, вынудить её покинуть край, статус которого ставился под сомнение, а вместо ЮА ввести войска НАТО, которым, помимо прочего, дать право размещаться по всей территории Югославии. И чтобы протащить такой план «урегулирования», использовались многие средства, в том числе конференция в Рамбуйе возле Парижа (февраль 1999) с участием США, ЕС и РФ. Под многосторонним прессингом власти СРЮ и Сербии готовы были согласиться на вывод армии с территории края. Но как можно было дать согласие на оккупацию?».²⁶⁹

*

24 марта 1999 года началась варварская бомбардировка Сербии авиацией США и их союзников по НАТО – без санкций Совета Безопасности ООН. Более того, в нарушение устава этой международной организации. Дипломаты натовских стран, СМИ и прочие «властители дум» подавали коллективную агрессию, как борьбу против «диктатуры Милошевича», за «предотвращение гуманитарной катастрофы». «Если же называть вещи своими именами, – заключает Иван Алексеевич, – то блок НАТО выступил как организация международного террора, которая осуществляла разрушение суверенного государства, вмешавшись в его внутренние дела, поддерживала террористов-сепаратистов, имеющих целью создание этнически чистой территории для себя и отделение края от Сербии».²⁷⁰

Увы, на сторону агрессоров стали правительства бывших братских республик – Хорватии, Боснии и Герцеговины, Словении, Македонии. Поддержали НАТО – хотя бы нежеланием дискутировать о бомбёжках – правительства соседних Болгарии, Венгрии, Румынии, Чехии, Словакии... И даже России. Многие российские деятели считают, и с ними нельзя не согласиться, что такая позиция России стала большим не отмываемым пятном на репутации нашей страны.

²⁶⁹ Там же.

²⁷⁰ Там же.

«Разворот над Атлантикой» премьер-министра Евгения Примакова оказался эффективным, но не эффективным способом помочь братской Югославии.

Два с половиной месяца шла бомбардировка не только военных объектов, но и больниц, школ, детских садов. Разрушались железнодорожные и шоссейные пути, нефтехранилища, энергостанции и линии электропередач, водопроводы и другие инфраструктурные объекты. На территорию Югославии сброшено взрывчатки по мощности в десять раз большей того, что досталось Хиросиме и Нагасаки. Только среди мирного населения СРЮ оказалось полторы тысячи человек убитых и свыше пяти тысяч раненых. И всё это – лишь потому, что сербы встали против наглых захватчиков, покусившихся на святую землю Косова.

Иван Чарота так объясняет святость этого края: «Косовско-Метохийская земля является общенациональным Пантеоном, кладбищем героев и средоточием святынь – свыше 1300 монастырей, церквей и церквочек, в числе которых, если говорить языком светским, более 160 памятников международного значения; здесь находилась древняя столица правителя светского и донныне находится Трон Первоиерарха Сербской Церкви. Вот ряд определений, которые не должно и не может утратить хранить наше – восточных славян, как и сербов – коллективное сознание: «возвышенная эпопея мистики и славы православных Балкан», «лекарство от всех духовных и моральных недугов», «источник вдохновения и очищения совести всех будущих поколений». «Великий Погост», «Сербское Распятие», «Родословие Сербии», «Очаг сербской свободы», «Всенародный жертвенник», «Хоругвь нации», «Сербский Иерусалим»²⁷¹...

Иван Алексеевич завершает этот перечень: «И как же могут сербы отказаться от Косова и Метохии? Какой народ готов добровольно пренебречь своими истоками и духовными корнями, отдать на поправление свои святыни и отеческие гробы? А как считающий себя цивилизованным мир может допустить уничтожение сердцевины христианской сербской и общеславянской и, соответственно, мировой культуры?»²⁷²

Чарота рассказывает, как дважды ездил в Косово. Первый раз – осенью 2000 года, сразу после оккупации сербских земель албанцами.

²⁷¹ Чарота И. Косовская битва продолжается. «Неман», № 10, 2009.

²⁷² Там же.

Тогда бросилось в глаза обилие блокпостов, огромное количество иностранной военной техники и солдат из КФОР, которые по задумке натовских стратегов должны были изображать миротворцев, а на самом деле охраняли албанцев на случай вспышки сербского сопротивления. Чарота и несколько писателей из Белоруссии, России и Сербии ехали туда, чтобы морально поддержать сербов.

Второй раз Иван Алексеевич попал в Косово через 9 лет. Поразило обилие новостроек вдоль дороги. Это албанцы воздвигали дома на захваченных у сербов участках, нередко буквально на пепелищах или рядом с руинами сербского жилища. Чарота замечает: «Основной стратегический расчет албанцев – занять земельные участки именно возле больших дорог, обозначив таким образом свои преимущества на основании права силы. Впоследствии же по европейским законам отнять у них собственность будет практически невозможно. А на то, что они отняли, сейчас ведь закрывают глаза, а потом забудут».²⁷³

На избирательную забывчивость европейских бюрократов и сегодня пришлые албанцы ориентируются в Косово и Метохии. Какие сербы, какие сербские земли? Это же было так давно...

Но подобный исход сегодняшнего противостояния не может удовлетворить сербов. Они возвращаются в Косово и Метохию, возвращаются на земли, где название каждого села, каждого урочища, каждой речки дышит сербской историей, сербской памятью: Бабин Мост, Брезница, Велика Река, Думница, Драгош, Лазарица, Милошево, Митровица, Обилич, Смрековица, Грачаница...

Иван Алексеевич приехал в Грачаницу на Видов день, когда отмечались две круглые даты – 620 лет Косовской битвы и 10 лет бомбардировки Югославии натовскими стервятниками. Он подробно рассказал, как много людей из всех концов Сербии и из славянских стран приехали на Косово поле, как истово возносили они молитвы в память о прошлом и в надежде на будущее. Центром Косова поля считается холм, на котором установлена башня Газиместан. В этот день Газиместан воспринимался как центр всей Сербии. Иван Алексеевич отмечает, что молитвы были слышны в звенящей тишине при огромном скоплении народа.

²⁷³ Там же.

Повествование о Видовдане Чарота завершает так: «Владыка Артемий²⁷⁴ пригласил поехать на молебен на месте строительства монастыря в честь св. князя Лазаря. Место это – на вершине горы Голи Брег неподалеку от Лепосавича. Ровно год назад там установлен крест. А за это время осуществлен выкуп земли и проложена дорога по горному склону. С вершины, где построят святую обитель, открывается пейзаж неописуемой красоты. А к тому же видны основанные недавно ещё два монастыря – в честь Иоанна Крестителя и преподобной Параскевы. Причем вместе они образуют единство, которое видно в буквальном смысле воочию».²⁷⁵

А вот албанцы, захватившие знаковую для Сербии территорию, до сих пор не могут создать здесь полноценное государство. С начала 2025 года по ноябрь не сформировано правительство, под вопросом выборы в парламент. Албанцы пытаются внутренние нестроения и политические потасовки затушевать искусственно созданным напряжением на внешнем контуре. В частности, правительство захватчиков «форсировало замену сербских автомобильных номеров на косовские, запретило хождение сербского динара на севере „Косово“, где проживают преимущественно сербы, закрыло там отделения сербских банков и представительства других организаций Сербии. Не ставя под сомнение оправданность таких шагов, ЕС и США жестко критиковали Приштину за то, что предприняты они были в одностороннем порядке, без консультаций с западными партнерами и договоренности с Белградом. Все это привело к приостановке диалога между „Косово“ и Сербией по нормализации отношений, который активно продвигает Запад».²⁷⁶

Мы снова на Косовом поле – и в окрестностях Приштины, и на подступах к Киеву. Путь к свободе Косова лежит через Украину. Победим – и Запад больше не сможет диктовать сербам, кто хозяин на Косовом поле. Свершится мечта поколений сербов и мечта замечательного белорусского учёного – Ивана Алексеевича Чароты.

²⁷⁴ Артемий (Радосавлевич) (1935–2020), б. епископ Рашско-Призренский и Косово-Метохийский, основатель и глава неканонической «Рашско-Призренской епархии в изгнании».

²⁷⁵ Чарота И. Косовская битва продолжается. «Неман», № 10, 2009.

²⁷⁶ Сысоев Г. На косовском фронте Запад ждёт перемен. <https://www.kommersant.ru/doc/8213547>

ЛИТЕРАТУРА

- Измайлов О. Николай Краснов – русский гений в Ялте и Белграде.
<https://dzen.ru/a/YWqDFxEiyyziC1bV>
- История взаимоотношений России и Сербии.
http://www.plam.ru/hist/russkii_belgrad/p1.php
- Кляич С. Война за косовские полезные ископаемые.
https://ruskline.ru/monitoring_smi/2011/12/19/
- Кузмичева Л. «Над Сербией смилуйся ты, Боже!». Београд, 2022.
- Нечаев С. Русский Белград. <https://www.livelib.ru/book/1008003814-russkij-belgrad-sergej-nechaev>
- Платонов О. Славянское единство и Евразийский союз.
<https://ruskline.ru/analitika/2013/06/17/>
- Сухнев В. Реки, напоющие Вселенную. «Стратегия России», № 1, 2012.
- Сысоев Г. На косовском фронте Запад ждёт перемен.
<https://www.kommersant.ru/doc/8213547>
- Чарота И. Косовская битва продолжается. «Неман», № 10, 2009.
- Чарота И. Косовская битва. 620 лет спустя.
https://ruskline.ru/analitika/2010/03/04/kosovskaya_bitva_620_let_spustya/
- Чарота И. Михаил (Мануил) Козачинский (1699-1755) в истории Сербии и Белоруссии. <https://www.rastko.rs/rastko/delo/16693>
- Чарота И. Чего же нам не хватает? Наверное, разума. Интервью.
<https://gornovosti.ru/news/3311/>
- Шишов В. Сербская Голгофа. 1389. <https://diletant.media/articles/41075471/>
- Эрчич В. – в статье И. Чароты «Об архимандрите Слуцкого Свято-Троицкого монастыря Михаиле (Козачинском)». «Наш современник», № 4, 2018.

Vyacheslav Yuryevich Sukhnev

Union of Journalists of Russia, Union of Writers of Russia

WE ARE AGAIN IN THE KOSOVO FIELD

Abstract

The paper examines the historical and spiritual significance of the Kosovo Field for the Serbian people, beginning with the battle of 1389, which became a symbol of sacrifice and the struggle for faith and statehood. Special attention is given to the works of Ivan A. Charota (1952–2024), who studied the influence of historical events on the present and emphasised the necessity of Slavic unity. The author analyses the complex Serbian-Albanian relations, the causes of conflict in Kosovo, and their geopolitical significance, including the struggle over resources and territory. In conclusion, it is emphasised that Kosovo remains a spiritual centre of the Serbian people and a symbol of their historical memory and hope for the restoration of justice.

Keywords: Kosovo Battle, Slavic unity, Ivan Charota, Serbian-Albanian conflict, spiritual heritage and Orthodoxy

*На вручении Патриаршей литературной премии в 2012 году. Источник:
<https://old.taday.ru/>*

**ИВАН ЧАРОТА
В КОНТЕКСТЕ ФИЛОЛОГИИ**

Никита Викторович Супрунчук²⁷⁷

кандидат филологических наук, доцент,
Белорусский государственный университет
Минск, Беларусь

СВОЕОБРАЗИЕ СЕРБСКИХ И БЕЛОРУССКИХ ПРИЧАСТИЙ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДСКИХ РЕШЕНИЙ И. А. ЧАРОТЫ²⁷⁸

Аннотация

Категории времени, вида и таксиса выражают основные значения, характеризующие время событий относительно момента речи и относительно друг друга. Статья посвящена наименее изученной из них — таксису: он сигнализирует о взаимной одновременности, предшествовании или следовании действий с помощью таких средств, как союзы и союзные слова, специализированные глаголы, определенные грамматические формы времени, деепричастия и причастия. На материале романа Иво Андрича «Мост на Дрине» (1945) и перевода на белорусский язык, выполненного И. А. Чаротой, рассмотрена роль причастий в художественном тексте. Установлено, что в обоих текстах значительно преобладают причастия страдательного залога. Также представлены основные вехи биографии переводчика и литературоведа доктора филологических наук профессора Белорусского государственного университета (Минск) Ивана Алексеевича Чароты (1952–2024).

Ключевые слова: Иван Алексеевич Чарота; Иво Андрич; межславянский перевод; категории времени и таксиса; причастие.

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ И. А. ЧАРОТЫ.

Жизненный путь Ивана Алексеевича Чароты начался 16 сентября 1952 года в деревне Лыщики Кобринского района Брестской области Белорусской Советской Социалистической Республики (СССР). Географическое положение его малой родины — на стыке границ Беларуси, Украины и Польши — во многом предопределило его

²⁷⁷ msuprunch@gmail.com; ORCID 0009-0009-2994-2062

²⁷⁸ Данная статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта Синодальной исторической комиссии (01.12.2025–01.12.2026).

будущую многоязычность и интерес к славяноведению. Вот как он характеризовал ту ситуацию: «Нарадзіўся я ў Брэсцкай вобласці на «трохграніччы»: ад маёй вёскі да мяжы з Польшай — 30 кіламетраў, да мяжы з Украінай — 20. Улада тут мянялася неаднойчы, з ёю мянялася і дзяржаўная мова...»²⁷⁹ Так что и читать мальчик учился сразу по нескольким изданиям: по белорусскоязычной газете «Камуністычная праўда», московской «Правде», польскому букварю и шевченковскому «Кобзарю».

Еще одним важным фактором детской (а потом и взрослой) жизни стало религиозное воспитание. Дедушка, бабушка и мама Ивана Алексеевича были верующими людьми и передавали свою веру ему. Вот как он вспоминал об этом: «Адказваючы на пытанне, ці стаў ён славістам з дзяцінства, удумлівы і сціплы адказ: “Лічу, што славістам я не стаў, а па волі Божай пушчаны на свет у такім жыццёвым прасторы, якое забяспечыла для гэтага самыя спрыяльныя ўмовы. Магчыма, у большай ступені гэта лёс, чым ідэалагічны выбар”»²⁸⁰.

Профессиональное формирование исследователя проходило в Минске, в стенах Белорусского государственного университета (БГУ), где с 1969 по 1974 год он учился на отделении русского языка и литературы филологического факультета. С 1967 по 1987 год там работала Вера Михайловна Лумбина (1920/1921²⁸¹–2018). Её дедушка, бабушка и родители бежали из России после Октябрьской социалистической революции и нашли приют в г. Рача-Крагуевачка, а позже в г. Нови-Сад. После обострения советско-югославских отношений Вера Лумбина была вынуждена уехать из Югославии и в конце концов оказалась в Минске, где по приглашению профессора Адама Евгеньевича Супруна, выдающегося слависта, создателя кафедры теоретического и славянского языкознания (1966), начала преподавать сербский язык в БГУ²⁸². «Благодаря ее ознакомительному курсу Иван Алексеевич, русист по образованию, получил базовые знания по культуре Югославии, в частности Сербии, а также по сербскохорватскому языку и литературе. С тех пор он углубился в

²⁷⁹ Вядучы славіст краіны : біябібліяграфічны паказальнік / склад. С. Д. Курачук. Кобрын: Цэнтральная раённая бібліятэка, 2022. С. 6.

²⁸⁰ Там же. С. 7.

²⁸¹ В литературе встречаются оба года рождения.

²⁸² Подробнее см.: Супрунчук Микита В., Леонова Людмила В. Преглед изучавања српског језика у Белорусији // Наш језик, књ. XLVI, св. 1/2, 2015. С. 51–62.

изучение югославистики и занимался всеми касающимися ее вопросами», — отмечает его ученица доцент А. В. Наумова²⁸³.

В 1977 году началась многолетняя карьера Ивана Алексеевича в БГУ. Он прошел все ступени университетской иерархии: от преподавателя до профессора и заведующего кафедрой славистики (славянских литератур). Его научный рост включал защиту двух диссертаций, отражающих эволюцию интересов: кандидатской «Творчество М. А. Шолохова в литературном процессе Югославии (1956–1986)», защищенной в Ленинградском государственном педагогическом институте, и докторской «Беларуская літаратура XX стагоддзя і працэсы нацыянальнага самавызначэння», защищенной в БГУ. Многолетняя плодотворная деятельность на ниве религиозного и светского просвещения была неоднократно отмечена белорусскими почетными званиями и наградами, среди которых, например, медаль Франциска Скорины (2023), премия президента Республики Беларусь «За духовное возрождение» (2004, 2019), знак «За большой вклад в литературу» (2012) и др. Его деятельность высоко ценилась и за рубежом: в России (медаль А. С. Пушкина (2015)), Сербии (премия Союза писателей Сербии (2000), премия Фонда братьев Каричей (2014), медаль «За заслуги» (2014) и др.) и др.²⁸⁴ В 2009 году И. А. Чарота был избран иностранным членом Сербской академии наук и искусств.

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ И. А. ЧАРОТЫ

Описать обширную публикационную активность ученого еще предстоит, пока же можно дать только предварительные оценки: более 15 научных и учебных книжных изданий, более 30 книг переводов, более 600 публикаций в периодической печати. Эти цифры будут, безусловно, уточнены после подготовки полной библиографии его трудов и характеристики деятельности как переводчика, составителя, редактора, критика и др.

Из впечатляющего перечня работ выделяется великолепная антология белорусской поэзии, которую собрал И. А. Чарота и перевел на сербский язык профессор Белградского университета, литературовед

²⁸³ Наумова Анна В. Иван Алексеевич Чарота // Журнал Белорусского государственного университета. Филология, № 1, 2025. С. 122.

²⁸⁴ Дополнительные детали см. также в мемориальной статье: Шевченко Кирилл В. Профессор Белорусского государственного университета, академик Сербской академии наук и искусств Иван Алексеевич Чарота (1952–2024): жизнь во имя славистики // Славянский альманах, № 1-2, 2025. С. 499–506.

и теоретик перевода Миодраг Сибинович²⁸⁵. А для студентов филологического факультета БГУ И. А. Чарота составил пять выпусков хрестоматии: собрание произведений и их отрывков, представляющих полную историю сербской литературы на языке оригинала²⁸⁶.

Нужно отметить, что образовательный процесс по сербистике, югославистике в БГУ приходилось налаживать в трудных условиях острого дефицита кадров и пособий. Подавляющее большинство специальных лингвистических предметов преподавала Людмила Васильевна Леонова. Основные литературоведческие дисциплины читал Иван Алексеевич Чарота, несколько курсов провели доценты филологического факультета Николай Николаевич Хмельницкий и Николай Васильевич Трус. Учебников, хрестоматий по сербской литературе у студентов БГУ не было. Иван Алексеевич создавал эти курсы практически с нуля. Помню, как он приносил на занятия книги по истории сербской литературы Й. Скерлица, Й. Деретича, М. Павича и других, зачитывал нам необходимые фрагменты, дополнял собственными воспоминаниями о Югославии, о своих многочисленных поездках туда, встречах с деятелями культуры, о посещении библиотек, музеев, монастырей, издательств и т. д.

Большое внимание уделял И. А. Чарота и богословской литературе. Благодаря его стараниям для восточнославянских читателей стали доступны труды Патриарха Сербского Павла, святителя Николая (Велимировича), преподобного (Иустина Поповича) и др. Много лет Иван Алексеевич работал в комиссии по переводу Библии на белорусский язык. Его заслуги на этом поприще высоко оценила православная церковь и удостоила его ордена Преподобного Сергия Радонежского (2002), ордена Святого Саввы III степени (2004), ордена Святителя Кирилла Туровского (2012) и др. В монографии «Беларуская мова і царква»²⁸⁷ автор развивал идею неразрывной связи веры и слова, указывал, что язык в сакральной сфере приобретает особые свойства, становясь хранителем исторической памяти народа. Он анализировал, как религиозный фактор влиял на этническое самосознание белорусов, и утверждал, что восточное христианство

²⁸⁵ Антологија беларуске поезије / приредио И. Чарота; превео с беларуског М. Сибиновић. Београд: Српска књижевна задруга, 2012.

²⁸⁶ Српска књижевност: антологија текстова: у 5 кн. / приредио И. Чарота. Минск: БДУ, 2002–2007.

²⁸⁷ Чарота Иван А. Беларуская мова і царква. Минск : Свята-Петра-Паўлаўскі сабор, 2000.

сформировало ту основу, на которой выросла современная белорусская культура.

И. А. Чарота, в частности, осуждал дерусификацию и отмечал: «Так или иначе (как говорили наши мудрые предки, по Божьей воле) краеугольный камень национальной (!) сущности белоруса — русскость. Если этот камень убрать, сущности не на чем держаться. «Белость» сама по себе пропадет. Иными словами, тогда не только о здоровом национальном самосознании, но и ни о какой национальности не может быть речи»²⁸⁸. В ряде статей исследователь изучал процессы глобальной перестройки миропорядка, роль евроинтеграции. Представляется, что эти вопросы еще не решены, взаимодействие белорусского и русского народов знает свои спады и падения, периоды дружбы и войн, так что бесспорна ценность государственного суверенитета нашей страны, служению которой посвятил себя Иван Алексеевич Чарота.

Многие художественные произведения также были переведены И. А. Чаротой. Среди них книги Иво Андрича, Бранислава Нушича, Добрицы Чосича, Драгана Лакиевича, Драго Янчара, Грозданы Олуич и др. И. А. Чарота подчеркивал особую важность такой деятельности, указывал, что зарубежные тексты необходимы и положительно влияют на литературный процесс в целом: «Переводное произведение — текст, возникший как плод художественного пересоздания. Разумеется, он сохраняет принадлежность к той инациональной литературе, в которой появился изначально. Но, приобретая другую языковую форму и претерпев соответствующие трансформации, он становится в первую очередь явлением и причиной той литературы, которая приобрела его»²⁸⁹.

Перевод для Ивана Алексеевича был формой международной коммуникации, направленной на обогащение родной культуры. В пособии «Теория и практика художественного перевода» (2011) он обосновывал необходимость не просто эквивалентной передачи смысла, но трансляции «духа» народа-носителя языка. Его работа над антологиями христианской поэзии и прозы стала попыткой вернуть в литературный оборот пласт духовности, который был искусственно вытеснен в советский период.

²⁸⁸ Чарота Иван А. Дерусификация как деформация самосознания белорусов // Социология, № 1, 2015. С. 80.

²⁸⁹ Чарота Иван А. Тэорыя і практыка мастацкага перакладу: дапаможнік. Мінск: БДУ, 2011. С. 19.

ПЕРЕВОД РОМАНА ИВО АНДРИЧА «МОСТ НА ДРИНЕ»

Обратимся к монументальному труду переводчика — к работе над романом «Мост на Дрине» («На Дрини ћуприја», 1945), самым, пожалуй, известным произведением Иво Андрича.

Первую публикацию произведений И. Андрича на белорусском языке подготовил, вероятно, Леонид Самосейка в 1967 году²⁹⁰. Затем последовали переводы в периодической печати В. Рагойши, Г. Творонович, А. Рязанова, Н. Супрунчука, А. Наумовой и др.²⁹¹. Несколько произведений нобелевского лауреата в переводе А. Рязанова вошли в чудесную антологию «Сербская паэзія», которую составили М. Джеркович и И. А. Чарота²⁹².

Ряд рассказов в журналах и целую книгу И. Андрича перевел Б. Саченко²⁹³. В прекрасный объемный (367 страниц) сборник «Тривожны год» вошли такие произведения, как «Прокляты двор», «Мост на Жэпе», «Смерць у Сіманавай Тэкіі», «Тулава», «Прыгча пра візіравага слана», «Велетаўцы», «Тривожны год», «Вяселле», «Аповесць пра соль», «Апавяданне пра кмета Сімана», «Каса», «Панарама», «Замкнутыя дзверы», «На камені, у Пачытэлі», «Краявіды», «Шляхі», «Віно».

И. А. Чарота принял эстафету переводов в 1993 году: тогда вышли и афоризмы «Знакови поред пута» в журнале «Крыніца», и монументальное произведение «Мост на Дрыне» в подготовленном совместно с Б. Саченко сборнике²⁹⁴, выпущенном в замечательной

²⁹⁰ Андрыч Іва. Велетаўцы: [апавяд.] / пераклаў Л. Самасейка // Полымя, № 3, 1967 С. 170–175.

²⁹¹ Мост / пераклаў В. Рагойша // Беларусь, № 6. 1976. С. 27–29; Знакі ля дарогі / пераклала Г. Тварановіч // Культура. 8.9.1992. С. 6; Знакі ўздоўж дарогі / пераклала Г. Навумава // Дзеяслоў, № 2 (63), 2013. С. 223–227; Ліст з 1920 года / пераклаў М. Супрунчук // Arche, № 4, 2011. С. 492–502.

²⁹² Сербская паэзія / [укладальнікі Момчыла Джэркавіч і Іван Чарота]. Мінск: Мастацкая літаратура, 1989.

²⁹³ Андрыч Іва. Апавяданне пра кмета Сімана / пераклаў Б. Сачанка // Югаслаўскія апавяданні / [укладальнік Ц. Ачымавіч]. Мінск: Мастацкая літаратура, 1975. С. 9–34; Андрыч Іва. Замкнутыя дзверы; Прыгча пра візіравага слана; Тривожны год / пер. Б. Сачанка // Полымя, № 3, 1978. С. 113–163; Андрыч Іва. Тривожны год: аповесці і апавяданні / пераклаў Б. Сачанка. Мінск: Мастацкая літаратура, 1978 и др.

²⁹⁴ Андрыч Іва. Мост на Дрыне: раман / пераклаў І. Чарота; Прокляты двор: апавяданні / пераклаў Б. Сачанка. Мінск: Мастацкая літаратура, 1993.

серии «Скарбы сусветнай літаратуры» издательства «Мастацкая літаратура» (Минск).

Глубокое понимание духа славянства и мастерство И. А. Чароты — переводчика проявляются не только в выборе писателей для представления белорусской или российской аудитории, но и в тонкой работе с грамматическим строем языка, в частности с категорией таксиса и системой причастий.

КАТЕГОРИЯ ТАКСИСА

Остановимся подробнее на романе И. Андрича «Мост на Дрине» и обратимся специально к его грамматическим особенностям. Особого внимания заслуживает категория глагола, который выступает стержнем, своеобразным организатором предложения. Обратимся к несколько менее исследованной, чем вид, залог или время, категории — к таксису. Известно несколько его определений, но наиболее полное и адекватное, на наш взгляд, принадлежит В. С. Храковскому: таксис — это «функционально-семантическая категория, которая реализуется в бипропозитивных (и шире полипропозитивных) конструкциях, где различными грамматическими средствами маркируется временная локализация (одновременность / неодновременность: предшествование, следование) одной ситуации P_1 относительно другой ситуации P_2 , чья временная локализация характеризуется относительно времени речи, т. е. независимо от какой-либо ещё ситуации P_n . Если конкретные таксисные значения маркируются с помощью тех или иных специализированных глагольных форм, то в этом, и только в этом случае можно говорить о таксисе как о нешифтерной грамматической категории глагола, максимально включающей три граммы (предшествование, одновременность, следование)...²⁹⁵

Одним из важнейших средств данной категории в славянских языках являются причастия. Постараемся оценить их роль в художественном тексте, их грамматическое значение и смысл в общей художественной картине, мировосприятии и общезыковой системе. В славянских языках причастия характеризуются с учетом грамматических категорий времени, вида, возвратности и залога. В

²⁹⁵ Храковский Виктор С. Таксис: семантика, синтаксис, типология // Типология таксисных конструкций / отв. ред. В. С. Храковский; Институт лингвистических исследований. М.: Знак, 2009. С. 20–21.

белорусском и сербском эти подсистемы довольно бедные по сравнению, например, с польским или русским.

Исследователи отмечают, что причастия действительного залога, то есть активные, практически не используются в современных текстах. Так, в «Нормативной грамматике сербского языка» констатируется: «Радни и трпни придев су пре свега градивни, односно непотпуни глаголски облици, јер је њихова главна улога да служе извођењу сложених, потпуних глаголских облика. Радни и трпни придев се, по правилу, не употребљавају самостално у некој синтаксичкој функцији. Основна функција радног придева је да улази у састав сложених времена (перфекта, плусquamперфекта, футура II и потенцијала). Известан, мањи број радних придева од непрелазних глагола употребљава се и атрибутивно, аналогно правим придевима, нпр. *одрастао човек, ишчезли градови, учестале претње, зарђало сечиво, угинула крава, оседеле власи* и сл. То не значи да сви непрелазни глаголи могу имати променљив радни глаголски придев, него су такви само непрелазни глаголи који значе стање или промену стања (*одрастао, оронуо, отупавео, подмукао, учмао*)»²⁹⁶. Активные причастия на -о (*тресао, узео, гледала, пало* и т. д.), конечно, регулярно употребляются как часть сложных глагольных форм и совершенно привычны, так что далее отдельно не анализируются. Причастия страдательного залога образуются от переходных глаголов и широко распространены.

В пособиях по белорусскому языку также не рекомендуется использовать причастия настоящего времени. Иными словами, регулярно употребляются только причастия страдательного залога прошедшего времени. На специфику причастий обратил внимание и И. А. Чарота. В своем вузовском пособии «Теория и практика художественного перевода» он анализировал русско-белорусский перевод как явление и отмечал: «Продолжая это сравнение двух близкородственных языков и разговор о возможностях взаимоперевода на основе их, отметим еще, что из-за различия словообразовательных моделей и синтаксических конструкций эквилинеарность и эквиметрия невозможны. Чтобы убедиться в этом, достаточно взять непосредственно связанные с предметом нашего рассмотрения русские слова *переводящий* и *переводимый, воспринимающий*

²⁹⁶ Пипер Предраг, Иван Клајн, Рајна Драгићевић. Нормативна граматика српског језика. Нови Сад: Матица српска, 2022. С. 160.

и *воспринимаемый*»²⁹⁷. Здесь как раз упоминается проблема адекватной передачи богатой системы русских причастий в белорусском тексте. Правда, практических рекомендаций далее не приводится, что оставляет место для обсуждения и поиска решений в учебной аудитории.

ПРИЧАСТИЯ В РОМАНЕ «МОСТ НА ДРИНЕ»

Результаты анализа причастий в названном произведении приведены в таблице.

Таблица – Распространенность причастий в романе И. Андрича «Мост на Дрине»

Язык	Действительный залог	Страдательный залог
Сербский	11	1 573
Белорусский	21	1 609

Причастия действительного залога мало характерны для современных белорусского и сербского языков. Считается, что их необходимо заменять другими синтаксическими конструкциями. Те же случаи, где они встречаются, часто квалифицируются как переход в отглагольные прилагательные. Квалификация этих форм как прилагательного или причастия представляет собой непростую задачу, характеризуется спорными и переходными случаями. Их описывал еще А. Белич: «Радни придев глагола који значе стање може постати придев када се његово унутрашње значење измени и када је несвршеног вида; а код глагола који значе с т а њ е , а свршеног су вида, глаголски радни придев може увек имати придевску промену, јер су резултативног значења, а могу лако прећи и потпуно у обичан придев»²⁹⁸. Из новейших работ отметим статью В. Йовановича и А. Спасојевић²⁹⁹, где

²⁹⁷ Чарота Иван А. Тэорыя і практыка мастацкага перакладу: дапаможнік. Мінск: БДУ, 2011. С. 31.

²⁹⁸ Белић Александар. О променљивости радног (прошлог) глаголског придева // Наш језик, II/2, 1933. С. 36.

²⁹⁹ Јовановић Владан З., Спасојевић Анета А. О критеријумима уобличавања лексикографске дефиниције попридевљеног радног глаголског придева // Српски језик : студије српске и словенске, Књ. 29/1, 2024. С. 213–233. DOI: 10.18485/sj.2024.29.1.10

обобщаются предыдущие исследования и дается квалификация данных форм с учетом опыта составления словаря САНИ.

Рассмотрим несколько показательных примеров из романа.

(1) *Tada preko celog dana mogu da se vide na drugoj obali putnici, koji dolaze od Bosne i koji kao očajnici stoje na kamenitoj obali, odakle, **ozebli i pokisli**, uzalud izgledaju skelu i skeledžiju i s vremena na vreme puštaju iznad mutne, besne reke otegnuta dozivanja. — Тады цэлымі днямі можна было бачыць на другім беразе людзей, якія, дабіраючыся з Босніі, стаялі **змоклыя і прамерзлыя** на камяністай кручы, дарэмна выглядалі паром і час ад часу гукалі паромішчыка, пускалі над мутнай ашалелай ракою працяжныя воклічы...*

(2) ***Ozeblom i pocrvenelom** rukom on je držao malu krivu britvu i njome rasejano deljao pervaz svoga sepeta, ali je u isto vreme posmatrao sve oko sebe. — У **пачырванелай ад холаду** руцэ ён трымаў крывы нож, расеяна стругаў аплет свайго каіша і пры гэтым увесь час разглядаў наваколле.*

(3) *Zapamtio je kamenitu obalu, **obraslu** retkim, golim i ubogo sivim rakitama, nakaznog skeledžiju i trošnu vodenicu, punu paučine i promaje, u kojoj su morali da prenoće pre nego što su uspeli da se svi prebace preko mutne Drine nad kojom su graktale vrane. — Запамятаў ён камяністы бераг, зрэдзь **парослы** чэзлымі і ўбога сівымі ракітамі, скалечанага паромішчыка і закінуты вадзяны млын, дзе сярод павуціння, пад сцюдзёнымі проймамі давялося начаваць, перш чым пераправіліся цераз мутную Дрыну, над якой кружылі, каркалі вароны.*

(4) *Malo-pomalo te žene su zaostajale i, **zamorene** pešačenjem, gonjene udarcima, jedna pre druga posle, napuštale bezizgledan napor. — Мала-памалу жанчыны пачыналі адставаць, ды, **знямоглыя** ад такой пагоні, пабітыя бізунамі, адна раней, другая пазней спынялі свае безвыніковыя намаганні.*

(5) *Većina je još budna. Suše obojke pored vatre, prepliću opanke, ili prosto gledaju u **žeravicu**. — Многія не спяць яшчэ. Сушаць анучы над прыскам, пераплятаюць свае пасталы альбо проста сядзяць і глядзяць на **тлеючае вугалле**.*

(6) *Kad i to bi gotovo Cigani se izmakoše podalje i pridružiše sejmenima, a na onom **praznom** prostoru ostade sam, izdignut za čitava dva aršina, uspravan, ispršen i go do pasa, čovek na kocu. — Калі і гэта было зроблена, цыганы адышлі і далучыліся да сейменаў, а на **анусцелым** памосце застаўся ўзняты на цэлыя два арышыны, выпрастаны, з выпнутымі грудзямі і голы да пояса чалавек на коле.*

В первом примере в обоих языках использованы отглагольные прилагательные, причем в переводе их порядок изменен. Кроме того, белорусский вариант *прамерзлы* предполагает большую степень мороза, чем *озебли*. Последнее употреблено и в следующем примере, где передано через каузальную именную конструкцию *ад холоду*. В третьем примере также находим отглагольные прилагательные ***obraslu*** — ***парослы***. Они имеют смешанное значение и признака, и состояния как результата действия. Четвертый случай служит примечательным примером того, что пассивное причастие *заморене* может быть передано через активное причастие (прилагательное) *знямоглы*.

Пятая фраза дает пример трансформационной замены существительного на словосочетание: *žeravicu* — *тлеючае вуголле*. Такая замена представляет интерес с точки зрения семантической нюансировки, поскольку, во-первых, для белорусского языка действительные причастия настоящего времени нехарактерны и, во-вторых, поскольку существует однословный аналог — *жар*, ср.: сербское *жеравица* ‘жар; комадић жара, жишка’ и белорусское *жар* ‘горячий уголь без пламени’.

В шестом примере как аналог для *prazan* выбрано отглагольное прилагательное *апусцелы*. Думается, что оно лучше, чем более частый эквивалент *пустой*, передает описанную ситуацию: на помосте были люди, а теперь там никого нет, все ушли, то есть помост *апусцеў*.

В целом причастий действительного залога в тексте мало, они часто переходят в прилагательные. Гораздо более распространены в обоих языках страдательные. Для детального анализа из более чем полутора тысяч примеров случайным образом было отобрано 100. Оказалось, что в подавляющем большинстве случаев на белорусский язык они переведены также пассивным причастием. Случаи замены иными средствами единичны: с помощью прилагательных (4), глаголов (4), наречий (2). Переводчик смог сохранить близость к оригиналу в плане глагольной грамматики. Ниже представлены соответствующие примеры.

(7) *Njihova je ona najveća kuća što se beli u strani, isturena ispod same glavice, okrenuta ka jugozapadu, uvek okrečena, sa krovom od pocrnele šindre i sa četrnaest džamli pendžera.* — Ихняя тая найбольшая хата, што бялее на схіле, ***высунутая*** над самую вяршыню, ***павернутая*** на паўднёвы захад, заўсёды ***набеленая***, з дахам з счарнелай гонты і з чатырнаццаціцю шклянымі вокнамі. — Эквиваленты причастия.

(8) *Uživajući u tomačkom kolu oni su i premirali od straha koji je Arapin i dok je živ bio i radio na mostu neprestano **unesrećeni** pokojni Arapin i da se noću prikazuje.* — Забаўляючыся ў хланечым гурце, яны і заміралі ад страху, што Арапін і пакуль жывы быў і працаваў на мосце няспынна **нешчаслівы** нябожчык Арапін і што ён ноччу з'яўляецца. — Эквівалент прилагательное.

(9) *Tu im je i ostao i sahranjen najbolji od njih, onaj dobri i hrabri Stevan Mutić, o čijoj su hrabrosti oni **zaneseni** uvek pričali a koga nikada nisu mogli ožaliti.* — Там у іх і застаўся пахаваны найлепшы з іх, той добры і адважны Стэван Муціч, пра адвагу якога яны **захоплена** заўсёды расказвалі, а на якім ніколі не маглі ўдасцаль пагаласіць. — Эквівалент наречие.

Все эквиваленты, подобранные переводчиком, удачные.

ПРОБЛЕМА ЧАСТЕРЕЧНОЙ ОМОНИМИИ

Особо стоит обратить внимание на проблему омонимии (омоформии) и различие в функциях причастий и слов, совпадающих с ними по форме. Рассмотрим следующие примеры.

(10) *Ubrzo je umrla i majka, i dete je **odraslo** bez ikog svoga. Hranila ga je cela kasaba; pripadao je svima i nije bio ničiji.* — Не за доўгім часам і матка памерла. Застаўся хланчына адзін і разам з тым нібы агульны, бо гадавалі яго ўсім горадам.

(11) *Ovi ljudi, rođeni i **odrasli** u ovom zabačenom kraju Turske, i to dotrajale Turske XIX veka, nisu, prirodno, nikad imali prilike da poznaju pravi snažnu i dobro organizovanu vojsku jedne velike sile.* — Тутэйшыя людзі, народжаныя і **выгадаваныя** ў глухім кутку Турцыі XIX стагоддзя, пры яе заняпадзе, натуральна, не мелі ўяўлення аб сапраўдным, моцным, добра арганізаваным войску магутнейшай на той час дзяржавы.

(12) *Na toliku njegovu decu došlo je još i devetoro dece Mujage Mutapdžića; od toga samo troje **odrasle**, a sva ostala sitna i nejaka, sve jedno drugome do uha.* — Апроч сваіх, ён прыняў дзевяцёра дзяцей Муя-агі Мутанджыча; з іх толькі трое **дарослыя**, астатнія — малеча, адзін аднаму на вуха.

(13) *A kasabalije zastaju i posmatraju te radove ali ne kao što deca vole da gledaju radnje **odraslih**, nego naprotiv, kao što odrasli zastanu za trenutak pred dečijim zabavama.* — І старыя гараджане часта спыняліся, назіралі за імі, прычым не так, як дзеці любяць глядзець на працу

дарослых, а наадварот, як дарослыя прыпыняюцца на хвіліну там, дзе забаўляюцца дзеці.

В десятом предложении причастие входит в сложную форму перфекта *je odraslo*. В одиннадцатом примере сохраняется глагольная основа к которой добавляется оттенок признака и обстоятельства; обособление подчеркивает смешанный, глагольно-именной характер формы. В двенадцатой фразе форма еще больше теряет свой глагольный компонент и наращивает именной, используется как прилагательное. Последний пример демонстрирует заключительную стадию транспозиции — использование в роли существительного. Все эти нюансы отлично переданы в переводе. Итак, белорусский и сербский языки сохранили причастия на *-л*, в отличие от русского.

Как отмечалось выше, активные причастия нехарактерны для белорусских текстов, в связи с чем И. А. Чарота произвел замену лексемы, выбрал переходный глагол *выгадаваць* ‘вырастить, воспитать’, чтобы появилась возможность образовать необходимое страдательное причастие. При этом, конечно, наблюдается неполная эквивалентность, определенный прирост смысла: сообщается, что люди не просто росли, но и воспитывались. Думается, что данные процессы обычно связаны, так что замену глагола можно считать оправданной.

Итак, есть бесспорные примеры, когда отнесение словоформы к тому или иному разряду не вызывает сомнений, однако в ряде случаев оно вызывает трудности, и в целом выбранная тема заслуживает дальнейшего исследования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, рассмотренные материалы доказывают, что белорусская и сербская подсистемы причастий очень близки, имеют аналогичные особенности: распространенность форм страдательного залога и нераспространенность форм действительного залога, преобладание прошедшего времени, образование отглагольных прилагательных на базе причастий (завершенное или контекстуальное), взаимозаменяемость с помощью иных частей речи (прилагательных, наречий и др.). Категория таксиса представлена двумя значениями: предшествования и одновременности.

В этом и других своих переводах, а также в пособиях для студентов и публицистических статьях И. А. Чарота подчеркивал необходимость точного, адекватного обращения с оригиналом,

верности духу текста, передачи национальной, культурной, религиозной самобытности. Нужно отметить, что он уделял большое внимание вопросам единства православных и славянских народов, противостоянию российской и западной цивилизаций.

Работа Ивана Алексеевича Чароты выступает образцом преданности славянским идеалам. Его кончина 7 ноября 2024 года стала трагическим событием и ознаменовала завершение значимого этапа в развитии белорусской гуманитаристики. Тем не менее сформированные им поколения специалистов-славистов, его научное и публицистическое наследие, литературные переводы продолжают способствовать укреплению духовных связей между народами. В настоящее время, когда человечество сталкивается с многочисленными глобальными проблемами, его наставления о необходимости сохранения «первозданной сути» и приверженности священному слову приобретают особую актуальность, подчеркивая неocenимую роль традиций в поддержании национального самосознания и уважения.

Наследие профессора И. А. Чароты велико и разнообразно. Актуальной остается задача полной систематизации его переводов, а также научных, методических и публицистических статей и книг. Необходим полный библиографический указатель, который станет надежной основой при подготовке работ о творчестве ученого, о югославистике, литературных и культурных связях славянских народов.

ЛИТЕРАТУРА

- Андрыч Іва. Апавяданне пра кмета Сімана / пераклаў Б. Сачанка // Полымя, № 8, 1975. С. 115–131.
- Андрыч Іва. Апавяданне пра кмета Сімана / пераклаў Б. Сачанка // Югаслаўскія апавяданні / [укладальнік Ц. Ачымавіч]. Мінск: Мастацкая літаратура, 1975. С. 9–34.
- Андрыч Іва. Велетаўцы: [апавяд.] / пераклаў Л. Самасейка // Полымя, № 3, 1967 С. 170–175.
- Андрыч Іва. Замкнутыя дзверы; Прытча пра візіравага слана; Трывожны год / пер. Б. Сачанка // Полымя, № 3, 1978. С. 113–163.
- Андрыч Іва. Знакі ля дарогі / пераклала Г. Тварановіч // Культура. 8.9.1992. С. 6.
- Андрыч Іва. Знакі паўз дарогу / пераклаў І. Чароты // Крыніца, № 3, 1993. С. 31.
- Андрыч І. Знакі ўздоўж дарогі / перакл. Г. Навумавай // Дзеяслоў, № 2 (63), 2013. С. 223–227.
- Андрыч Іва. Ліст з 1920 года / пераклаў М. Супрунчук // Arche, № 4, 2011. С. 492–502.

- Андрыч Іва. Мост / пераклаў В. Рагойша // Беларусь, № 6. 1976. С. 27–29.
- Андрыч Іва. Мост на Дрыне: раман / пераклаў І. Чарота; Пракляты двор: апавяданні / пераклаў Б. Сачанка. Мінск: Мастацкая літаратура, 1993.
- Андрыч Іва. Трывожны год: аповесці і апавяданні / пераклаў Б. Сачанка. Мінск: Мастацкая літаратура, 1978.
- Антологија беларускае поэзіі / прыредіо І. Чарота; прэвео с беларускаго М. Сібіновіі. Београд: Српска књижевна задруга, 2012.
- Беліі Аляксандар. О променлівості радног (прошлог) глаголског придева // Наш језик, II/2, 1933. С. 33–39.
- Вядучы славіст краіны: біябібліяграфічны паказальнік / склад. С. Д. Курачук. Кобрын: Цэнтральная раённая бібліятэка, 2022.
- Јовановіі Влaдaн З., Спaсoјeвіі Aнeтa A. O кpитepіјyмимa yбличaвaњa лeкcикoгpaфcкe дeфиніціјe пoпpидeвлeнoгo раднoг глaгoлcкoг пpидeвa // Српски језик : студије српске и словенске, Књ. 29/1, 2024. С. 213–233. DOI: 10.18485/sj.2024.29.1.10.
- Наумова Анна В. Иван Алексеевич Чарота // Журнал Белорусского государственного университета. Филология, № 1, 2025. С. 122–124.
- Пипер Предраг, Иван Клајн, Рајна Драгићeвиі. Нормативна грамматика српског језика. Нови Сад: Матица српска, 2022.
- Сербская паэзія / [укладальнікі Момчыла Джэркавіч і Іван Чарота]. Мінск: Мастацкая літаратура, 1989.
- Српска књижевност: антологија текстова: у 5 кн. / прыредіо І. Чарота. Мінск: БДУ, 2002–2007.
- Супрунчук Микита В., Леонова Људмила В. Преглед изучавања српског језика у Белорусіі // Наш језик, књ. XLVI, св. 1/2, 2015. С. 51–62.
- Храковский Виктор С. Таксис: семантика, синтаксис, типология // Типология таксисных конструкций / отв. ред. В. С. Храковский; Институт лингвистических исследований. М.: Знак, 2009. С. 11–113.
- Чарота Іван А. Беларуская мова і царква. Мінск : Свята-Пeтpa-Паўлаўскі сабор, 2000.
- Чарота Іван А. Дерусификация как деформация самосознания белорусов // Социология, № 1, 2015. С. 69–81.
- Чарота Іван А. Тэорыя і практыка мастацкага перакладу: дапаможнік. Мінск: БДУ, 2011.
- Шевченко Кирилл В. Профессор Белорусского государственного университета, академик Сербской академии наук и искусств Иван Алексеевич Чарота (1952–2024): жизнь во имя славистики // Славянский альманах, № 1-2, 2025. С. 499–506.

Nikita Viktorovich Suprunchuk
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Belarusian State University
Minsk, Belarus

THE SPECIFICITY OF SERBIAN AND BELARUSIAN PARTICIPLES IN THE
ASPECT OF I. A. CHAROTA'S TRANSLATION DECISIONS

Abstract

The categories of tense, aspect, and taxis express the main meanings characterising the timing of events relative to the moment of speech and to one another. This article is devoted to the least studied of these—taxis, which signals the simultaneity, precedence, or succession of actions by means such as conjunctions and conjunctive words, specialised verbs, certain grammatical tense forms, adverbial participles, and participles. Based on the novel “The Bridge on the Drina” (1945) by Ivo Andrić and its Belarusian translation by I. A. Charota, this study examines the role of participles in a literary text. It is established that passive participles significantly predominate in both texts. The main milestones of the biography of the translator and literary scholar, Doctor of Philological Sciences, Professor at the Belarusian State University (Minsk), Ivan Alekseevich Charota (1952–2024), are also presented.

Keywords: Ivan Alekseevich Charota; Ivo Andrić; inter-Slavic translation; categories of tense and taxis; participle.

Брацо Ковачевич³⁰⁰

Доктор социологических наук
профессор Университета в Баня-Луке
Республика Сербская, Босния и Герцеговина

О ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И СКАЗКАХ – ИВАН ЧАРОТА³⁰¹

Аннотация

Детская литература, как и сказки, принадлежащие к жанру детской литературы, имеют большое ассоциативное, этическое и аксиологическое значение в процессе социализации детей. В этом процессе, как процессе образования и педагогизации, воспитания и обучения, формируются и развиваются ценности, мнения и модели поведения, необходимые для формирования детской личности, а также её конформизации и интеграции в культуру и общество.

Ключевые слова: сказки, воспитание, детская литература, конформизм, социализация

ВВЕДЕНИЕ

При поверхностном рассмотрении детской литературы и её особого жанра, сказок, может показаться, что они ценностно нейтральны или представляют собой некий *l'art pour l'art* нарратив ради самого такого нарратива. Однако это не так. Детская литература, в том числе сказки, несут в себе и через себя ценностно позитивное измерение, которое связано с формированием конформистской модели мышления и поведения. Поэтому они выполняют значительную социализационную функцию.

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА, СКАЗКИ И СОЦИАЛИЗАЦИЯ

О литературном творчестве писателя можно сказать, что это индивидуальный акт, но не только индивидуальный акт, поскольку он

³⁰⁰ braco.kov@hotmail.com

³⁰¹ Данная статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта Синодальной исторической комиссии (01.12.2025–01.12.2026).

детерминирован и духовно-культурным опытом, который десятилетиями и столетиями конденсируется как народная мудрость и духовное богатство. Таким образом писатели продолжают традицию, сохраняют духовное наследие народа и передают его будущим поколениям.

Традиция как духовное наследие и духовное богатство является резервуаром творчества, морали, коллективной социальной этики и аксиологии, посредством которых развивается не только ум, но и воображение, остроумие, а также другие компоненты, необходимые для индивидуального и социального формирования личности. А это не что иное, как процесс социализации. То, о чём говорит Иван Чарота, когда речь идёт о функциональной роли детской литературы, одновременно утверждают и психология, и социология, а именно — социализация.

Человек становится членом общества и личностью именно через обучение и усвоение своей культуры посредством различных медиумов, агентов и средств, в том числе детской литературы и сказок. Процесс, посредством которого индивид усваивает культуру, называется социализацией, или обобществлением. Процесс социализации можно понимать как процесс «превращения» ребёнка как биологической единицы в личность как социальную единицу.

Процесс социализации — это процесс обобществления личности, который предполагает наличие двух существенных явлений, таких как индивидуализация, предполагающая формирование автономной, самобытной личности, и культивизация, предполагающая усвоение и интернализацию социальных и культурных ценностей и норм в среде, в которой развивается личность.

Уже с момента рождения детёныш в животном мире очень быстро становится способным заботиться о себе. В человеческом мире это не так: ребёнок не способен заботиться о себе и не может выжить без помощи родителей и взрослых. Чтобы быть в состоянии выжить и заботиться о себе, ребёнок должен пройти социализацию как процесс, посредством которого он постепенно переходит от биологической индивидуальности к сознательной социальной личности, то есть личности, которая приобрела необходимые знания, ценности, нормы и навыки для ориентирования в культуре и обществе. Таким образом социализация проявляется как своего рода «культурное» и «социальное программирование» личности, то есть её «взращивание» и «культивирование». Без социализации индивид не был бы похож на человеческое существо; посредством социализации индивид становится

социальным существом и «социально нормальной личностью», а общество передаёт и сохраняет свою традицию, духовное богатство и свои ценности. Человеческое существо рождается не только как самое беспомощное среди всех живых существ, но и без каких-либо признаков тех свойств, которые мы считаем характерными для человека как особого вида живых существ. Оно рождается снабжённым лишь определённым числом инстинктов и рефлексов, как негуманизированное, некультурное и несоциализированное биологическое существо. Человеческий индивид рождается без каких-либо знаний и навыков обращения с вещами и взаимодействия с людьми, без способности речи и коммуникации, без какой-либо культуры и морали; он рождается с импульсами, которые даже затрудняют социальные контакты и социальную жизнь. Однако одновременно он рождается с потенциалами, позволяющими ему развиваться несравненно больше, чем любой другой вид живых существ. Даже в самых тяжёлых условиях выросший человек становится качественно отличным от любого другого живого существа, существом, которое, среди прочего, систематически использует орудия и речь. Но он становится таким лишь через обучение под воздействием социальных факторов. Лишь постепенно, живя в человеческой среде и обучаясь в ней, человек приобретает навыки, знания, ценности, нормы, качества и модели поведения, которые позволяют ему жить и действовать в обществе и стать личностью. Всё это он достигает посредством процесса социализации.

Существует две группы эффектов социализации: формирование для жизни в обществе и для функционирования важных для общества качеств и моделей поведения, а также развитие от биологической единицы в личность с многими характеристиками, общими для всех людей, но и со своими специфическими особенностями. Процедура и процесс социализации («первичной»), в рамках которой новорождённый формируется по общим образцам своей культурной среды, и «вторичной», в рамках которой индивид обучается ролям и нормам поведения члена общества, показывают, что общество и личность взаимопроникают и представляют собой неразрывный способ существования человеческой жизни и развития. В целом общество состоит из социализированных личностей как частей общества, которые в процессе социализации — персонализации стремятся реализовать и согласовать индивидуальные и социальные потребности, а также усвоить правила, нормы и ценности культуры и общества, к

которым они принадлежат. Люди живут и существуют в обществе именно потому, что в процессе социализации усваивают культуру.

Всё это показывает, что быть человеком означает наличие человеческих качеств, которые мы усваиваем в процессе социализации. Социализация представляет собой длительный процесс, в рамках которого человек во взаимодействии с другими людьми в социальной среде усваивает значимые и целесообразные модели мышления, чувств, понимания и поведения. Социализация — это процесс, в котором беспомощный ребёнок становится самосознающим и становится личностью, поскольку он приобрёл необходимые знания, навыки и сознание, необходимые для ориентирования в обществе. Социализация не является завершённым, окончательным явлением, а представляет собой процесс, который продолжается на протяжении всей жизни человека. Пока человек живёт, он усваивает те ценности, которые считает необходимыми для своего существования в обществе и ориентации в нём.

В этом процессе значительную роль играют детская литература и сказки как часть детской литературы.

Когда речь идёт о времени возникновения сказок, Чарота задаёт вопрос: может ли кто-либо с уверенностью объяснить, когда и почему возникли сказки? Разумеется, на этот вопрос трудно ответить. А что касается объяснения природы сказок, Чарота подчёркивает, что «сказочный фольклор появился как совокупный плод осознанной потребности обобщить жизненный опыт и изложить его, точнее — передать потомкам».³⁰² Это «передача потомкам» имплицитно подразумевает процесс социализации, без которого невозможно воспитание. Реальность в сказках чаще всего представляет собой реальность предыдущих исторических эпох, которая в сказках определённым образом существует и развивается. Однако, хотя это «прошлое» становится частью определённой реальности, сказка говорит и о новой реальности. По выражению Блоха, сказка выступает и как предвосхищение счастья, как утопическая надежда и мечта о лучшем и более счастливом мире, мечта, рождающаяся из тяжёлого опыта пережитой реальности.³⁰³

³⁰² Чарота И. А. Видици једног Белоруса – Белосрбина, Есеји и студије / превела са белоруског Дајана Лазаревић. Београд: Институт за политичке студије, 2023. Стр. 56.

³⁰³ Bloch E. Princip nada, I-III, Zagreb: Naprijed, 1981.

Осуществление мечты предполагает борьбу против «демонов», «духов», «злых людей» и «тёмных сил», которые представляют собой препятствие для её осуществления. Их устранение возможно с помощью доброй воли, а также храбрых, смелых и справедливых людей. Пронизанные стремлениями к более счастливому «настоящему» и будущему, сказки пробуждают оптимизм и ободряют. Это вовсе не означает, что сказки лишены противоречий. И всё это выполняет функцию педагогического процесса воспитания и социализации.

Чарота вполне обоснованно подчёркивает, что с помощью сказок осуществляется процесс воспитания — социального, морального, правового, патриотического, эстетического. Именно эти функции сказок определяли их характеристики. Наибольший педагогический эффект заключается в том, чтобы поучение и воспитание доходило до тех, кому они предназначены, в понятной «живой, нестандартной форме повествования», всегда «подкрепляя любознательность». Всё это причины, по которым «сказкам свойственны увлекательные темы, нешаблонные мотивы, необычные образы, привлекательные типы». С другой стороны, «подчиняясь дидактико-воспитательным задачам, сказки отражают жизнь в самых разнообразных формах её проявления» и уделяют особое внимание «трудностям, которые необходимо преодолеть, а также противоречиям, которые обязательно должны быть разрешены». Иначе и быть не может! «В реальной жизни именно испытаниями проверяется истинная сущность человека, поскольку в процессе преодоления препятствий развиваются качества личности, необходимые для полноценного существования, закаляется характер. Поэтому в сказках, как правило, происходит проверка героя “до максимума” — когда под наибольшей угрозой оказывается сама жизнь. В соответствии с этим к самым сложным экзистенциальным проблемам, в том числе и к выбору между жизнью и смертью, необходимо готовить каждого слушателя или читателя». Таким образом, сказки учат нас трудностям жизни, которая разворачивается в манихейских моделях борьбы против чего-то плохого и негативного: повествование движется в дуализмах и дихотомиях: добро — зло, бедность — богатство, природное — сверхъестественное (мифические существа, эльфы, великаны, русалки, чудовища), феи — ведьмы, карлики — гиганты, добрые животные — злые драконы и чудовища, справедливость — несправедливость, мачеха — падчерица и т. д. В этом смысле Чарота говорит: «С древнейших времён составители сказок свою задачу-максимум должны были видеть в том, чтобы

утвердить чёткие представления о свете и тьме, добре и зле, красоте и безобразии, о положительном и отрицательном в самых разнообразных формах, в любых обстоятельствах. Такая общая направленность предполагала, что содержание поучительных рассказов не ограничивается отношением лишь к какому-то одному человеку. Напротив, требовалось, чтобы произведение приобретало как можно более универсальное значение — для народа, а в широком смысле — и для человечества. Поэтому, по всей вероятности, сказки как исключительно эффективное и неограниченное по массовости охвата средство воспитания широко распространены по всему миру».³⁰⁴

Таким образом, становится очевидно, что в сказках несомненно, фигурируют теория, философия, социология, педагогика и психология.

Указанные взгляды на детскую литературу и сказки как особый жанр детской литературы, а особенно те, которые касаются конформистской модели социализации, сопоставимы со структурой некоторых всемирно известных сказок.

Сказка о Красной Шапочке именно классическим образом демонстрирует тенденцию утверждения ценностей конформизма. Фактически весь процесс развёртывания сюжета происходит в рамках конфликта между стремлением к индивидуальной свободе (реализуемой в идентичности собственного мышления и действия) и коллективной конформистской нормой.³⁰⁵

Перед тем как Красная Шапочка отправляется к бабушке, мать произносит предупреждение: «Не сходи с дороги!» — и это, по сути, тот же самый Требование, которое предъявляется детям при нашем цивилизованном, гражданском способе их воспитания. Это классическая модель образования, которая утверждает и развивает конформистское поведение. Если «несход с дороги» для Красной Шапочки может означать экзистенциальный покой, то пребывание на устоявшихся путях обеспечивает и индивидуальную «свободу».

То, что такой механизм самоконтроля обеспечивает «свободу», иллюстративно показывает и Дэвид Рисман на примере когда-то чрезвычайно популярной в США книги «Локомотив Ту-Ту». Как говорит Рисман, это книга, которая «предостерегает». Ту-Ту — это,

³⁰⁴ Чарота И. А. Видици једног Белоруса – Белосрбина, Есеји и студије / превела са белоруског Дајана Лазаревић. Београд: Институт за политичке студије, 2023. Стр. 56-57.

³⁰⁵ Ковачевић Б. Политичка манипулација (Масовна клултура и политичка владавина). Бања Лука: Правни факултет, 1994. Стр. 159-163.

конечно, маленький локомотив, который хочет вырасти и стать большим пассажирским поездом. Он ходит в локомотивную школу, где изучаются только два урока: останавливаться, когда загорается красный свет (или поднимается красный флажок), и «всегда оставаться на рельсах, что бы ни происходило». Если маленький локомотив будет хорошим, то есть послушным, и будет усердно учиться, он вырастет и станет красивым большим поездом. И, конечно, Ту-Ту была послушной, пока не увидела, что сход с рельсов и сбор цветов в поле тоже имеет свои прелести. Она делала это всё чаще, пока её поступки не рассердили учителя, школу и муниципальный совет Локомотивграда, которые широко обсуждали «шалости» Ту-Ту, хотя она об этом, разумеется, не знала. После обсуждений было принято решение. Когда в следующий раз Ту-Ту сошла, чтобы собирать цветы и затем захотела вернуться на рельсы, она увидела вокруг себя множество красных флажков и, наученная, остановилась. Она крутилась и, мучаясь, искала какое-нибудь решение, но в траве не было места без красного флажка, «потому что в этом поучении участвовали все жители города». Сбитая с толку и преследуемая, Ту-Ту оборачивается и на рельсах видит своего учителя, который держит зелёный флажок, что означало, что можно вернуться. Она была смущена этими условными сигналами, но всё же вернулась, обещая, что никогда больше не будет сходить с рельсов. Вернувшись в «нормальный ритм жизни», локомотив решает быть послушным, и это её решение вознаграждается поддержкой учителя и жителей, которые обещают, что она вырастет и станет большим пассажирским поездом.

Как видно, эта история является весьма эффективным средством воспитания конформистского образца поведения. Она, по сути, демонстрирует модель воспитания детей, воспитания, которое, как говорит Рисман, посредством манипуляции принуждает ребёнка к конформности, а затем вознаграждает его за поведение, совершённое в соответствии с заранее установленным образцом принуждения.³⁰⁶

Детские сказки подчёркивают не только необходимость самоконтроля и самодисциплины, но и потребность в сглаженном, социально приемлемом способе поведения. «Не забудь пожелать бабушке доброго утра и не заглядывай сразу по углам!» — говорит мать Красной Шапочки. То, что она говорит, на самом деле является голосом Матери. В нём проявляется желание сформировать у ребёнка и

³⁰⁶ Risman D. Usamljena gomila, Beograd: Nolit, 1965. pp. 164-165.

закрепить манеру, согласованную с существующими нормами поведения («смотреть по сторонам» можно, но нехорошо делать это сразу и так, чтобы это было заметно). Нужно делать то, что делают все остальные. Индивидуальные действия являются лишь составной частью коллективного ритуала установленного образа жизни. Конформизм стал принципом индивидуального социального существования. Аксиологически и бихевиористически сформированная интеграция индивидов фактически представляет собой реализованный процесс их социализации. Именно это и есть тот процесс культурного и политического воспитания, направленного на согласие с существующим порядком ценностей, то есть процесс формирования одномерного мышления, гражданской культуры и политической гегемонии.

Грамши был прав, подчёркивая, что легитимированное руководство и власть определённой социальной группы в гражданском обществе обеспечиваются двумя способами: через инструменты принуждения и через институты убеждения как институты культурной и политической социализации. В широком смысле государство состоит из так называемого «политического общества» и «гражданского общества». «Политическое общество», или «государство» в узком смысле слова, состоит из публичных институтов: правительства, судебной системы, полиции, армии, которые осуществляют непосредственное управление и власть. «Политическое общество» существует благодаря инструментам репрессии, принуждения, авторитета, то есть «государства» как «ночного сторожа». С другой стороны, «гражданское общество» состоит из «частных» институтов: семьи, школы, средств массовой информации, культурных и научных учреждений, посредством которых обеспечивается господство, согласие, «интеллектуально-моральное руководство» как определённый способ культуры и жизни. Отношения между «политическим обществом» и «гражданским обществом» таковы, что эти две сферы не могут быть ни полностью отделены, ни отождествлены. Они находятся в интегральной взаимосвязи, которая показывает, что государство — это «политическое + гражданское общество, то есть гегемония, окружённая принуждением». Институты «гражданского общества» важны, поскольку обеспечивают существование «политического общества» и тем самым легитимируют определённый порядок власти и

образа жизни. В нём действуют различные инструменты, которые его укрепляют.³⁰⁷

Авторы детских сказок, разумеется, не обязаны осознавать, что их нарратив может вписываться в государственный *raison d'être* и что ценностями, посредством которых они обеспечивают социализацию детей, они фактически способствуют укреплению гражданской манипулятивной гегемонии. Но вернёмся к Красной Шапочке и попробуем установить ещё один аспект, в котором сказка реализует свою просветительскую и образовательную функцию как конформистский механизм социализации в рамках установленного гражданского общества.

Увидев Красную Шапочку, волк придумывает хитрость, уговаривая её сойти с дороги и нарвать цветов. Разумеется, волк апеллирует к некоему индивидуальному выбору, чтобы подпитать собственный эгоизм. Хорошо воспитанная Красная Шапочка отвергает предложение волка, продолжая идти по «утоптанной» тропе. Она осознаёт (и это ей «сказочным образом» постоянно внушалось в процессе воспитания), что индивидуальное стремление к свободному выбору может привести к физической и экзистенциальной угрозе, поэтому она предпочитает придерживаться ранее заданного пути, установленного понимания того, что устоявшиеся цели нельзя оставлять, если желаешь не только социальной реализации, но и личной свободы и индивидуального существования. Идеология есть биология. Свобода индивида реализуется не через индивидуальные акты, а через включение субъективности в непререкаемый ритм социально-политической объективности. Красной Шапочке ясно, что необходимо придерживаться общепринятых норм поведения, и именно потому, что она их придерживается, никто больше не может причинить ей вред, — так говорится в конце сказки. Но почему с Красной Шапочкой больше не случится «ничего плохого»? Просто потому, что сказка излагает свой социализационный образовательный *ethos*: нужно слушаться старших, и если им покорно подчиняться (то есть если мы хотим быть хорошими), то не может возникнуть никаких личных проблем. Гоббсовская формула *homo homini lupus est* и *bellum omnium contra omnes* лишь в определённой мере сохраняет свою значимость. Таким образом, видно, что уважение к авторитету и достижение

³⁰⁷ Kovačević B. Gramsci i marksizam (Konceptija hegemonije Antonija Gramscija). Banja Luka: Glas, 1986.

покорности являются теми базовыми ценностями, на которых реализуется конформистский процесс социализации индивидов посредством сказок.

Однако авторитет — это не только важная морфологическая и структурная категория сказки. Через уважение и даже почитание авторитета фактически обеспечивается покорность. А покорность и есть то, к чему принуждается большинство, и именно в процессе социализации ломается своеволие ребёнка и его первичная тяга к свободному развитию инстинктов. Тем самым отрицаются его идентичность, целостность и субъективность. Принуждение требует безусловного и беспрекословного исполнения обязанностей. Таким образом цивилизация заменила естественный отбор рациональным действием, в рамках которого существование и успех «зависят от способности индивидуума адаптироваться к давлению, оказываемым на него обществом; чтобы выжить, человек превращается в аппарат, который в любой момент отвечает соответствующими реакциями на запутанные и неудобные ситуации, составляющие его жизнь: каждый должен быть готов к любой ситуации» (Хоркхаймер). Конформизм, таким образом, является тем самым *spiritus movens* индивидуального и социального действия и существования.

Формирование сознания и становление авторитета являются частью конформистского интеграционного процесса. Посредством него устраняется и контролируется индивидуальная мысль, а также легитимируется социальный и политический порядок. Контроль сознания и поведения осуществляется различными инструментами, среди которых пропагандистские и социализационные играют особенно важную роль.

Подобный сравнительный анализ можно было бы провести и на примере других сказок. Тип ценностей, содержащийся в «Красной Шапочке», в определённой мере присутствует и в других сказках: «Гензель и Гретель», «Золушка» и т. д. Разумеется, в сказках присутствует целый спектр социальных ценностей, сложная ценностная матрица, однако в конечном счёте им присуща тенденция изображения постоянного конфликта между Добром и Злом. Хотя негативные и несчастливые окончания сказочных повествований существуют, они редки. Наиболее распространены те, которые имеют положительный исход. И это более или менее характерно для сказок разных народов.

На вопрос о том, существуют ли сходства в сказках разных народов, Иван Чарота отвечает, что существует как общее, так и

различное, относящееся к «конкретным национальным особенностям». В сказках разных народов присутствуют «сходные темы, мотивы и явления». Ведь «для всех народов одинаково желанны: любовь, дружба, верность, милосердие, а нежеланны: ненависть, обман, предательство».³⁰⁸

Для иллюстрации этого утверждения приведём несколько сказок.

В сказке «Дед и репка» („Тянут-потянут“) говорится о значении семейного согласия, единства и силы. В «Сказке о рыбаке и золотой рыбке» показывается, что добро побеждает, а эгоизм и жадность наказываются. В сказке «Новое платье короля» демонстрируется, что внешний вид несущественен, а важны искренность и честность. В «Ежовом домике» Бранко Чопича ёж любит свой дом, который защищает и никому не позволяет его разрушить.

Когда речь идёт о белорусской сравнительной этнохарактерологии, Чарота подчёркивает, что «в число врождённых черт белорусов обычно включают: скромность, простоту, терпеливость, искренность, доверчивость; а также: осторожность, вдумчивость, рассудительность и вместе с тем своеобразную простодушную хитрость». Пытаясь определить характеристики белорусских сказок в сравнении с сербскими, Чарота отмечает, что «в системе жанров сербского народного творчества важнейшее место занимает героический эпос, и сказки неизбежно находятся в определённой зависимости от него; а у белорусов героического эпоса нет, поэтому и в сказках меньше представлены мотивы всеобщей битвы, борьбы с иностранным завоевателем». Поэтому в белорусских сказках отсутствует такой нарратив об этнических различиях, как в сербских. Содержание белорусских сказок «сосредоточено на социально-классовых противоречиях». Также, когда речь идёт о сравнительной этнохарактерологии, «сходства проявляются в спектре самых разнообразных отношений между людьми, включая семейные». Действительно, «белорусы не знают такого союза, как побратимство, и меньше, чем сербы, придают значение сестринской любви». Когда речь идёт о «частных моментах», Чарота отмечает, «что значительно различается типичный пейзаж местности, где разворачиваются

³⁰⁸ Чарота И. А. Видици једног Белоруса – Белосрбина, Есеји и студије / превела са белоруског Дајана Лазаревић. Београд: Институт за политичке студије, 2023. Стр. 57.

сказочные события»: у белорусов это равнины, а не горы. «Наиболее частые пейзажные элементы в белорусских сказках — это поле, луг, лес, озеро, болото, река или ручей. Однако действие сказки редко происходит в саду, хотя культурные деревья упоминаются довольно часто, чаще всего яблоня и груша. Слива, айва, олива и виноград не занимают такого места, как у сербов. И лесные деревья по частоте и приоритетности у белорусов представлены несколько иначе. В центре внимания обычно находятся берёза, ива, дуб, сосна или ель, а кизил и бук вообще не встречаются. Примерно одинаковую символичность и ассоциативность в фольклоре обоих народов имеет дуб, а иву и калину белорусы наделяют особыми свойствами. Фольклорно-поэтический мир сербов, как известно, густо населён вилами, которые живут в горах, лесах, озёрах, реках и морях. А белорусская фантазия знает подобных существ лишь как русалок — обитательниц рек и озёр, реке — лесов. Аналогия наблюдается и в отношении змеевидных существ. В сербских сказках их представители широко распространены и имеют множество разновидностей, что не характерно для белорусских сказок... В то же время показательно, что положительным героем сказок часто выступает уж. Существуют различия также в представлениях о животных и птицах. Например, если в сказках обоих наших народов такие домашние животные, как конь, корова, бычок, коза, собака, кот и петух, изображаются сходно, то на овцу и вола белорусы обращают несколько меньше внимания, чем сербы. Среди диких животных выделяются почти те же черты, хотя их характеры и отношение к человеку не всегда воспринимаются одинаково. Это особенно касается болотных зверей и птиц, среди которых белорусы особо выделяют аиста и журавля».³⁰⁹

И, наконец, Чарота подчёркивает ещё один важный аспект сказок, связанный с христианским мировоззрением.

В прошлом столетии этот аспект исключался по идеологическим причинам, поскольку социализм как идеология был антитеологическим, антирелигиозным и антихристианским. С падением Берлинской стены и распадом европейских социалистических государств эта деградирующая ориентация осталась в прошлом. Христианское мировоззрение вновь утвердилось в культуре обществ, отказавшихся от атеистического социализма.

Христианское мировоззрение в сказках Чарота объясняет с точки зрения существования зла. Как и в жизни, в сказках зло всегда

³⁰⁹ Там же. С. 59-60.

присутствует. Тем не менее «рассказчик-педагог никогда не позволяет силам зла победить». Он убеждён, что Творец не допустит победы зла. Это не соответствует Его законам, и потому следует жить в согласии с «окружающим миром, который Он создал». Для сказок характерно, что эту «идею» они передают различными способами... из поколения в поколение», что касается и примеров «формирования отношения к животным и растениям, которые в сказках всегда готовы помочь человеку».³¹⁰

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом, детская литература не обладают ценностно-нейтральным измерением. На примерах большинства сказок в определённом смысле можно говорить о дифференцированной ценностной и социополитической матрице сказок.

Детская литература в значительной мере имеют прагматический, утилитарный, этический и аксиологический характер, поскольку они обучают, воспитывают, наставляют, направляют, «одомашнивают». Они могут способствовать социализации как педагогическому процессу воздействия на сознание, поведение и интеграцию в общественное сообщество. Они являются составной частью более широкого процесса социализации, который конформирует личности и интегрирует их в общество...

ЛИТЕРАТУРА

- Bloch E. *Princip nada*, I-III, Zagreb: Naprijed, 1981.
 Kovačević B. *Gramsci i marksizam (Konceptija hegemonije Antonija Gramscija)*. Banja Luka: Glas, 1986.
 Ковачевић Б. *Политичка манипулација (Масовна култура и политичка владавина)*. Бања Лука: Правни факултет, 1994.
 Risman D. *Usamljena gomila*, Beograd: Nolit, 1965.
 Чарота И. А. *Видици једног Белоруса – Белосрбина, Есеји и студије* / превела са белоруског Дајана Лазаревић. Београд: Институт за политичке студије, 2023.

³¹⁰ Там же. С. 58.

Braco Kovačević
Doctor of Sociological Sciences
Full Professor, University of Banja Luka
Republika Srpska, Bosnia and Herzegovina

ON CHILDREN'S LITERATURE AND FAIRY TALES – IVAN CHAROTA

Abstract

Children's literature, as well as fairy tales that belong to the genre of children's literature, have significant associative, ethical, and axiological importance in the process of children's socialisation. In this process—understood as a process of education and pedagogization, upbringing and schooling—values, opinions, and behaviours are formed and developed, which are necessary for shaping a child's personality and for its conformization and integration into culture and society.

Keywords: fairy tales, upbringing, children's literature, conformism, socialisation

Анна Владимировна Наумова³¹¹

доцент Белорусского государственного университета
Минск, Беларусь

СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ И.А.ЧАРОТЫ: АВТОРСКИЙ ПОДХОД К ПРЕПОДАВАНИЮ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ

³¹²

Аннотация

В статье рассматриваются особенности подхода И. А. Чароты к преподаванию славянских литератур и их литературоведческому анализу – так, как их увидела и восприняла его ученица за 15 лет совместного делания в Белорусском государственном университете. Филологический труд профессора осмысляется в контексте современных трендов в гуманитарных науках, подчеркивается его значение для сохранения духовной составляющей науки о Слове. Выявляется специфика взгляда белорусского слависта на проблемные вопросы сербистики, русистики и белорусистики, характеризуется его взгляд на творчество выдающихся сербских писателей в контексте преподавания литературы в высшем учебном заведении.

Ключевые слова: Иван Чарота; белорусская сербистика; сербская литература; Иво Андрич.

В литературоведении принято анализировать наследие авторов, отдаленных от исследователя неким временным интервалом: большое, как писал Сергей Есенин, видится прежде всего на расстоянии... Очевидно, литературно-критическое, научное, переводческое творчество Ивана Алексеевича Чароты будет иначе осмысляться по прошествии лет. Однако диалог о традиции, поддержанной, сохраненной и приумноженной белорусским филологом, продолжать стоит уже сейчас, чтобы обеспечить инерцию в применении ценных принципов и практик. Это обеспечит наследуемость и непрерывность в

³¹¹ ana.naumova1@ya.ru, ORCID 0000-0002-0515-0409.

³¹² Данная статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта Синодальной исторической комиссии (01.12.2025–01.12.2026).

белорусской славистической школе и, возможно, вдохновит новых исследователей, не знакомых с Иваном Чаротой лично.

Стоит отметить, что основной сферой деятельности профессора была именно филология. Его суждения и тексты культурологического, исторического, богословского, социологического содержания имели место постольку, поскольку филология рассматривалась Иваном Чаротой шире, чем наука, изучающая текст как последовательность знаков, упорядоченную семиотическую структуру. Слово в трактовке И. А. Чароты – это философское понятие, что неизбежно стимулировало исследователя к междисциплинарному рассмотрению текстов и вложенных в них смыслов. Логос отражает замысел Бога о сотворенном Им мире в целом, поэтому исследователь Слова призван изучать его в более широком ключе.

Наш обзор специфики авторского подхода И. А. Чароты к преподаванию и литературоведческому анализу – это попытка зафиксировать и прокомментировать те методики работы белорусского слависта, которые, как нам представляется, значимы для развития филологической науки в Беларуси и других странах.

В высшем образовании в последнее время все чаще актуализируются дискуссии об изменении структуры учебного процесса: классическая лекция, как утверждается, во многом изжила себя в цифровом мире и должна уступить место интерактивным формам работы, способствующим выработке конкретных навыков. Успешным считается преподаватель, пользующийся игровыми методиками, эвристическими заданиями, кейс-методами и прочими приемами, помогающими подстроиться под клиповое мышление современного человека. Иван Чарота оставался верным традиционному подходу: его лекции были наиболее плодотворной формой общения студентами, которые учились концентрироваться на сложном и важном, рассматривать предмет разговора с разных сторон, анализировать его глубоко и полноценно. Главное то, что в рамках своих лекций И. А. Чарота – реальный делатель на филологической ниве, литературный критик, успешный переводчик, участник мировых симпозиумов, составитель антологий, редактор журналов – не излагал студентам биографии писателей и дефиниции понятий, а делился реальным опытом, необходимым для понимания проблематики филологической жизни, способами постановки и решения значимых общественных проблем, учил рассуждать, мыслить, сопоставлять. Безусловно, только мотивированный студент мог полноценно следить

за ходом мысли такого лектора: уровень рефлексии, заданный профессором, всегда был высок. Зато максимально возможный полезный эффект такого обучения при взаимности интереса слушателей соответствовал статусу главного вуза страны, каковым и поныне считается Белорусский государственный университет. Трансляция знаний никогда не была главной задачей образования в представлении И. А. Чароты: он скромно признавался в том, что даты и имена сам запоминает с трудом, и не считал этот навык приоритетным. Важнее было, по его мнению, воспитывать способность к рефлексии. При этом он призывал студентов больше читать, чтобы их суждения формировались в русле традиции, воспитывались под влиянием эталонных образцов мысли великих писателей и ученых. Показывал на лекциях книги из своей библиотеки, иронично называл себя «ваш книгоноша», печалился, что дух нашего времени, суета и пресыщенность информацией не располагают молодое поколение к вдумчивому чтению.

И. А. Чарота формировал в себе и в молодых филологах способность конструктивно оценивать свой труд. Он был готов услышать критику своих переводов, в том числе и от студентов, принимая как должное тот факт, что любой специалист на протяжении жизни растет и меняется. Вполне естественно, что в юношеских переводах для антологий, вышедших в советское время, опытный профессор мог и сам увидеть неизбежные несовершенства. Такой подход свидетельствовал о высоком профессионализме, уверенности в своем пути и готовности вступать в равноправный диалог с молодыми коллегами.

И. А. Чарота призывал критически относиться не только к себе, но и к догме — не к богословской, а к так называемой догме в науке, которая рефлексивно передается из школы в университет, штампуется без должной проверки в публикациях ученых, транслируется как аксиома, но таковой не является. Например, он часто высказывался о «чужемодельности концепций истории культуры и искусства, а также литературы белорусского народа»³¹³, о формализме в оценке явлений белорусской литературы и ее периодизации, призывал с осторожностью применять понятие «Ренессанс» для описания этапа в истории ряда

³¹³ Чарота Иван. О перспективах славянства и славяноведения (Раздумья не без тревоги) // Контексты мировой литературы. Сборник научных статей к 70-летию профессора А. А. Гугнина. Новополоцк: ПГУ, 2011. С. 43.

славянских стран. «Как могла культура в себе что-либо *возрождать*, если она сама этого не рож(д)ала?» – профессор задавал такой вопрос студентам, побуждая их самостоятельно мыслить.

Интересен еще пример того, как И. А. Чарота транслитерировал в русском языке сербские собственные имена, начинающиеся с *Јо-* (*Јован, Јовица* и др.). В русскоязычной традиции закрепилось такое написание – *Йован, Йовица*. Профессор возражал: зачем в русском алфавите графема *ѣ*, если мы не используем ее в подобных случаях? *Јанко* передается как *Янко, Јелена* как *Елена*... Почему же нарушается этот принцип, если по аналогии можно написать *Їван, Ївица*? Мы, к слову, не совсем согласны с И. А. Чаротой в этом вопросе: вариативность написания *е/ѣ* в русскоязычных текстах и недопустимость использования *ѣ* в некоторых научных и официальных изданиях может в процессе редакционных правок привести к тому, что *Їван* превратится в *Евана*, из-за чего будет искажено звучание имени. Написание *Йован* кажется «меньшим из зол», учитывая неоднозначный статус буквы *ѣ* в русском языке на данном этапе. Однако смелость суждений профессора и готовность критически осмыслить то, что, казалось бы, прочно вошло в традицию, всегда вдохновляли студентов и вызывали уважение. Филолог-интеллектуал не может пользоваться каким-то правилом только потому, что «все так пишут».

Свои спецкурсы И. А. Чарота начинал с того, что рисовал на доске концентрические круги: малый круг был вписан в больший, и таких кругов было несколько. Профессор объяснял: вы – личность, но вы вписаны в круг своей семьи, затем в круг своего региона, страны... Так, литература и культура народа не может рассматриваться в широчайшем контексте, если при анализе пропускается более близкое звено. Эта исходная установка предопределяла и методологию рассмотрения литературы: нельзя упускать из виду (бело)русскую составляющую нашего культурного кода, а затем общеславянскую – прежде, чем европейскую и общемировую. Речь идет здесь не о формальной логике, а о фундаментальном принципе, нарушая который мы искажаем реальные представления об изучаемом литературном явлении. И поэтому И. А. Чарота всегда считал кирилло-мефодиевское наследие славян фундаментом белорусской культуры, а также указывал на важность филологической науки и ее ответственность за напоминание обществу об этом. Белорусский славист многократно комментировал вопросы, связанные с историей и перспективами идей славянской взаимности. Он является автором ряда статей, в которых

детально рассматриваются общие и частные аспекты этой проблемы, при этом профессор подчеркивал, что тема взаимоотношений славянских народов приобретает особую актуальность в наши дни. Иван Чарота писал о потенциале единства славянских стран, а также о силе духа людей, объединенных в Боге. Его призывы к единству всегда воспринимались в ясном созвучии с христианскими заветами.

Хочется отметить и то, с какой ответственностью И. А. Чарота подходил к рассмотрению некоторых, казалось бы, частных филологических вопросов. Отбор литературных произведений для включения в школьную и университетскую программы, составление сборников и антологий – это чрезвычайно сложные и поистине судьбоносные задачи, к решению которых белорусский славист приступал сознательно и серьезно. Выбор, сделанный экспертом, может стать определяющим, так как у массового читателя впечатление об эпохе или литературе в целом складывается на основании знакомства с небольшим списком избранного. Особенно ярко это проявлялось в работе Ивана Алексеевича как составителя антологий («Антологија беларуске поезије» (Белград, 1993, 2012), «Слово и Дух: антология русской духовной поэзии (X–XX вв.)» (Минск, 2003, 2005, 2010), «Српска книжевност. Антологија текстова. Књ. I–V» (Минск, 2002–2007) и др.). Подбор текстов, отражающих дух времени и при этом свидетельствующих о глубине духовного поиска авторов, – это труд, требующий серьезнейшей научной компетентности и глубины.

Анализ литературоведческих и литературно-критических работ И. А. Чароты – предмет отдельного основательного исследования. Однако некоторыми размышлениями об особенностях восприятия и интерпретации профессором сербской литературы мы бы могли поделиться и сейчас.

Курс истории сербской литературы авторства профессора И. А. Чароты отличался от иных курсов тем, что в нем особенно детально рассматривались фольклор и средневековая литература сербов. Многие лекторы весьма поверхностно освещают указанный корпус текстов, считая, что он имеет лишь историческое значение. Между тем, профессор видел в глубоком изучении «народной» и церковной словесности основу для верного понимания «новейшей» литературы сербов. Идеи, воплощенные сербским народом в слове до воцарения секулярного мировоззрения, и поныне составляют фундамент сербской художественной философии. Значимый пласт сербского фольклора – эпические песни косовского цикла. В них воспевается героическая

жертва сербских воинов, которые, причастившись Святых Христовых Таин, отправились на поле боя. Их предводителю, царю Лазарю, был предложен выбор: или победа в битве и земная слава, или поражение и вечная слава его народа в Царствии Божиим. Царь выбрал путь бессмертия, ибо «земное царство кратко и временно, а Небесное – на веки вечные³¹⁴». Фольклор и средневековая литература сербов представляют собой средоточие духовных смыслов и включают в себя внушительный корпус признанных, ценных с художественной точки зрения памятников словесности. Эпическими песнями сербов в разное время восхищались Иоганн Гете, братья Гримм, Проспер Мериме, Александр Пушкин и Максим Богданович. Жития авторства святителя Саввы Сербского, монахов Доментиана и Феодосия – среди прочего, шедевры средневекового красноречия, ценный литературный источник для изучения риторических приемов.

Показательно и то, как Иван Чарота в своих лекциях расставлял акценты в интерпретации творчества сербских авторов. В творчестве черногорского правителя и владыки Петра II Петровича Негоша белорусский славист предлагал искать ответы на вопросы об основах сербской идентичности. Роман «Переселения» («Сеобе») Милоша Црњанского представлял студентам как ризницу экзистенциальных смыслов – среди прочего, о вечной жизни в преломлении сербской истории («Есть переселения. Смерти нет!³¹⁵»). Владыку Николая (Велимировича) профессор представлял слушателям не только как прославленного святого, но и как талантливого писателя, поэта, интеллектуала, ученого-богослова. Преподобного Иустина (Поповича) И. А. Чарота считал самым глубоким исследователем и толкователем творчества Ф. М. Достоевского за границами русскоязычного пространства. Преклонялся перед благородством душевного порыва поэтессы Десанки Максимович, «просившей помилования³¹⁶» всем обездоленным, плачущим, гонимым, грешным... Самым ярким писателем второй половины XX века называл Добрицу Чосича, отразившего в своих романах всю сложность личного выбора в трудных военных условиях и увековечившего в прозе трагическое прошлое своего народа.

³¹⁴ Српска књижевност. Антологија текстова, књига 1 / избор И. Чарота. Минск: БГУ, 2002. С. 56.

³¹⁵ Црњански Милош. Сеобе. Друга књига Сеоба. Београд: Лагуна, 2015. С. 780.

³¹⁶ Максимовић Десанка. Тражим помиловање. Београд: Граматик, 2018. 143 с.

Иво Андрича ценил за ум и проницательность в оценке последствий этноконфессиональных трансформаций, произошедших на Балканах в результате турецкого нашествия. Вообще Иван Чарота немало писал о сербском прозаике, лауреате Нобелевской премии в области литературы: подготовил статью об Иво Андриче для Белорусской энциклопедии³¹⁷, материалы для учебных пособий³¹⁸ и периодических изданий³¹⁹, перевел ряд его произведений на белорусский язык³²⁰. Анализируя основные мотивы прозы Андрича, особое внимание посвящал тем из них, которые отражают этнокультурные особенности родины писателя. Исследователь останавливался на мотивах «границы, рубежа, края и перехода»³²¹, обращал внимание на фольклорно-мифологический характер хронотопа андричевской прозы³²².

Рассуждая о рецепции андричевского творчества среди белорусов, И. А. Чарота приходил к важности сопоставления исторических судеб Беларуси и Сербии, Беларуси и Боснии³²³. Параллели основываются как раз на том, что оба края представляют собой культурное пограничье. Но существенно его замечание о том, что, при всем подобии модели, специфика пограничья различается в своей конкретизации. Например, для белорусов и сербов понятия «Запад» и «Восток» имеют различные смыслы³²⁴. Подобие закономерностей исторического развития и структуры общества наших стран – это, по И. А. Чароте, предпосылка для особого восприятия проблематики творчества Андрича белорусским читателем. Наши

³¹⁷ Чарота Иван. Андрыч Іва // Беларуская энцыклапедыя. Мінск: Бел. энц., 1996. Т. 1. С. 358.

³¹⁸ Чарота Иван. Балканскі Гамер // Славянскія літаратуры: Постаці II. Мінск: РІВШ, 2003. С. 3–23.

³¹⁹ Чарота Иван. Нязгаснае святло Іва Андрыча // Літаратура і мастацтва, 1978, 25.08. С. 6.

³²⁰ Андрыч Іва. Мост на Дрыне. Пракляты двор. Мінск: Мастацкая літаратура, 1993. 591 с.

³²¹ Чарота Иван. Балканскі Гамер // Славянскія літаратуры: Постаці II. Мінск: РІВШ, 2003. С. 13–14

³²² Там же. С. 15.

³²³ Там же. С. 13–14

³²⁴ Чарота Иван. Андрићево дело у Белорусији. Особености рецепције. // Андрић између Истока и Запада. Бања Лука: АНУРС; 2012. С. 415

соотечественники в андричевской Боснии неизбежно узнают некоторые особенности истории своей родины.

И. А. Чарота писал: «История Боснии – кстати, очень серьезный повод для сомнений в перспективности идей евразийства, имевших распространение раньше и реанимируемых в последнее время, <...> – исконно определялась разнонаправленными факторами, а потому и само ее движение <...> характеризуется объективной осложненностью, особой внутренней коллизийностью³²⁵». Получается, что параллели уместны не только между отдельными странами: белорусский исследователь рассуждает о жизнеспособности интеграционных объединений более высокого уровня, функционирование которых, по его мнению, будет осуществляться по модели, аналогичной боснийской.

Важно, что параллели между Беларусью и балканскими странами в данном случае раскрываются не только на основании личных наблюдений. Исследователь нашел и представил общественности в сборнике «Белорусы о Сербии и Югославии» текст Дмитрия Скрынченко под названием «У нас своя Босния»³²⁶. Д. Скрынченко – русский богослов, публицист, историк, педагог, долгое время живший, работавший в Беларуси и умерший в Сербии. Упомянутая публикация – интереснейший источник, демонстрирующий сходство судеб пограничных территорий, «распятых» между стремящимися распространить здесь свое влияние центрами силы. Д. Скрынченко небезосновательно делает выводы о сходстве судеб Беларуси и Боснии на основании анализа структуры общества и изменений в религиозном и национальном самоопределении местной интеллигенции. А невнимание людей к данной проблеме он объясняет следующим образом: «Словом, все – и Вы там, и здесь – стараются только об одном: “не обострять отношений”³²⁷».

Таким образом, очевидно, что наследие белорусского слависта представляет собой богатый материал для аналитического осмысления филологов и представителей других гуманитарных наук. Его идеи и проекты во многом противоречили трендам эпохи, но именно это

³²⁵ Чарота Иван. Балканскі Гамер // Славянскія літаратуры: Постаці II. Мінск: РІВШ, 2003. С. 12.

³²⁶ Скрынченко Дмитрий. У нас своя Босния // Беларусы пра Сербію і Югаславію; укладанне, прадмова і каментарыі І. Чароты. Мінск: Белпринт, 2015. С. 233–240.

³²⁷ Там же. С. 238.

свидетельствует об их ценности и плодотворности для рождения новых смыслов вследствие разрешения несоответствий с контекстом времени. Филологическая деятельность И. А. Чароты была созвучна его мировоззренческому выбору: православный христианин, религиозный мыслитель, он стремился в своем труде сохранить верность Божиим заветам, трепетно и смиренно беречь Слово как воплощение замысла Бога о тварном мире. Результативность труда И. А. Чароты видится и в том, что ныне белорусско-сербские научные связи зиждутся прежде всего на трудах его благодарных учеников. Пожалуй, в наше время уже не стоит ожидать реализации в одном человеке всех ипостасей филолога-слависта – ученого, переводчика, критика, лектора и публициста одновременно, подобно тому как эти роли совмещал Иван Чарота. Но есть основания верить, что бережное сохранение наследия профессора может дать свои плоды, соответствующие потребностям эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

- Андрыч Іва. Мост на Дрыне. Пракляты двор. Мінск: Мастацкая літаратура, 1993. 591 с.
- Максимовић Десанка. Тражим помиловање. Београд: Граматик, 2018. 143 с.
- Скрынченко Дмитрий. У нас своя Боснія // Беларусы пра Сербію і Югаславію; укладанне, прадмова і каментарыі І. Чароты. Мінск: Белпринт, 2015. С. 233–240.
- Српска књижевност. Антологија текстова, књига 1 / избор И. Чарота. Мінск: БГУ, 2002. 169 с.
- Црњански Милош. Сеобе. Друга књига Сеоба. Београд: Лагуна, 2015. 783 с.
- Чарота Іван. Андрићево дело у Белорусіји. Особености рецепције. // Андрић између Истока и Запада. Бања Лука: АНУРС; 2012. С. 413–439.
- Чарота Іван. О перспективах славянства и славяноведения (Раздумья не без тревоги) // Контексты мировой литературы. Сборник научных статей к 70-летию профессора А. А. Гутнина. Новополоцк: ПГУ, 2011. С. 39–48.
- Чарота Іван. Андрыч Іва // Беларуская энцыклапедыя. Мінск: Бел. энц., 1996. Т. 1. С. 358.
- Чарота Іван. Балканскі Гамер // Славянскія літаратуры: Постаці II. Мінск: РІВШ, 2003. С. 3–23.
- Чарота Іван. Нязгаснае святло Іва Андрыча // Літаратура і мастацтва, 1978, 25.08. С. 6.

Ana Vladimirovna Naumova

Associate Professor at the Belarusian State University

Minsk, Belarus

SLAVIC LITERATURES IN THE INTERPRETATION OF I. A. CHAROTA: THE AUTHOR'S APPROACH TO TEACHING AND LITERARY ANALYSIS

Abstract

The article examines the distinctive features of I. A. Charota's approach to teaching Slavic literatures and their literary analysis, as perceived and experienced by his student over 15 years of joint work at the Belarusian State University. The professor's philological work is considered in the context of contemporary trends in the humanities, with particular emphasis on its importance for preserving the spiritual dimension of the science of the Word. The study identifies the specificity of the Belarusian Slavist's perspective on problematic issues in Serbian, Russian, and Belarusian studies. It characterises his view of the works of prominent Serbian writers in the context of teaching literature at a higher education institution.

Keywords: Ivan Charota; Belarusian Serbian studies; Serbian literature; Ivo Andrić.

Светлана Голяк³²⁸

доктор филологических наук, доцент
Филологический факультет
Белградский университет
Белград, Сербия

СЛАВИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ПРОФЕССОРА ИВАНА ЧАРОТЫ³²⁹

Резюме

Целью работы является обзор основных тематических направлений и рассмотрение важных результатов исследований И.А. Чароты в области филологии. Выделены следующие тематические направления деятельности профессора: 1) Славянские литературы и культуры и их взаимосвязи – с акцентом на литературных и культурных связях Сербии и Беларуси; 2) Национальное содержание литературы и национальная идентичность; 3) Белорусская литература – представление в Сербии; 4) Сербская литература, история и культура – представление в Беларуси. Университетская сербистика в Минске. Теория литературного перевода; 5) Сербская и Белорусская православные церкви, их культура и язык. В рамках каждого направления указаны основные монографии, брошюры, пособия, а также отдельные статьи профессора Чароты. Рассмотрены некоторые важные идеи и позиции И.А. Чароты, его подходы к анализу и интерпретации литературного материала. Еще раз подчеркивается значение славистического наследия профессора Чароты, его комплексный и интегративный подход к пониманию славистики.

Ключевые слова: Иван Чарота, славистика, белорусско-сербские культурные связи, межславянские связи.

ВВЕДЕНИЕ

Славистическое наследие профессора Ивана Алексеевича Чароты включает более 600 работ в области литературоведения, методики преподавания и литературной критики. Профессор Чарота

³²⁸ svetlanagoljak@yahoo.co.uk

³²⁹ Данная статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта Синодальной исторической комиссии (01.12.2025–01.12.2026).

также является автором более 1000 переводов литературных, богословских и публицистических текстов – преимущественно с сербского языка на белорусский и русский языки, а также с других славянских языков, и наоборот, с белорусского и русского языков на сербский.

В трудах И.А. Чароты отражено понимание славистики как комплексной дисциплины, интегрирующей результаты научных исследований литературы и языка, истории и культуры, теологии и философии. Именно поэтому славистическое наследие И.А. Чароты отличается широким охватом проблем и тематической разносторонностью. В его работах анализируются различные аспекты славянских литератур, при этом особое внимание посвящено взаимосвязям и особенностям белорусского и сербского литературного слова.

Цель данной работы – рассмотреть основные тематические направления и результаты исследований профессора Чароты в области филологии, подчеркнув комплексность и интегративность его понимания славистики. Именно в связи с таким подходом, применявшимся в анализируемых исследованиях, разделение их на тематические группы является в некоторой степени условным и служит только цели обзора.

СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И КУЛЬТУРЫ И ИХ ВЗАИМОСВЯЗИ – С АКЦЕНТОМ НА ЛИТЕРАТУРНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЯХ БЕЛАРУСИ И СЕРБИИ

И.А. Чарота родился в Брестской области, на пограничной территории между Беларусью, Украиной и Польшей. Можно сказать, что ему уже самым рождением в славянском пограничье было предопределено заниматься тематикой диалога и взаимодействия славянских культур. С детства И.А. Чарота одинаково хорошо понимал тексты на русском, белорусском, украинском и польском языках, а позже, поступив на отделение русского языка и литературы на филологическом факультете Белгосуниверситета, он выбрал предмет «сербский язык», который вела Вера Михайловна Лумбина, и получил базовые знания по сербскому языку, которые впоследствии совершенствовал. Также И.А. Чарота изучал словенский и другие славянские языки, однако свою профессиональную ориентацию связал именно с сербским языком.

Еще в самом начале научной деятельности И.А. Чарота в центр своих научных интересов поставил литературные и культурные взаимосвязи Беларуси, России и южной Славии, прежде всего Сербии. Кандидатскую диссертацию под названием «Творчество М.А. Шолохова и литературный процесс в Югославии (1956–1986)» он защитил в 1986 году в Ленинграде. В ходе подготовки диссертации И.А. Чарота тщательно проверил релевантные факты (в частности, ездил на родину М.А. Шолохова в Ростовской области, где собрал важные документы). В диссертации он исследовал проблемы восприятия, перевода и влияния произведений М.А. Шолохова в Югославии того времени, поставил вопрос об общекультурном и национальном компонентах содержания литературного произведения.

Два данных подхода к анализу литературного материала, отраженные уже в первых исследованиях, – тщательный фактологический анализ (включая пересмотр ошибочно представленных фактов и стереотипов), а также выявление национального содержания литературы, рассматриваемого в широком литературно-культурном контексте – будут важными отличиями работ И.А. Чароты в течение всей его научно-исследовательской деятельности.

Последующие монографии И.А. Чароты были посвящены различным аспектам славистической литературной компаративистики, вопросам восприятия переведенных произведений, а также литературных контактов: «Беларуская савецкая літаратура за мяжой» [Белорусская советская литература за границей]³³⁰ (Минск, 1988, в соавторстве, на белорусском языке); «Советская литература в связях и взаимодействиях: Начала сравнительного и системного анализа» (Минск, 1989).

Результатом фундаментального исследования литературных контактов Беларуси и Югославии, в котором были учтены все релевантные факты – каждая статья, каждое переведенное стихотворение, вопросы влияния, биографии переводчиков литературных произведений и т.д. – стала публикация полной библиографии белорусско-югославских литературных связей в белградских изданиях «Мостови» [Мосты] (1989, № 2) и «Преводилац»

³³⁰ Названия книг и статей приводим в оригинале. Перевод названий и цитат с белорусского и сербского языков на русский язык автора статьи, если не указано другое. Перевод приводится в квадратных скобках.

[Переводчик] (1990, № 4, 1991, № 1–2, 3–4), а позже и в пособии «Югаславянскія літаратуры і культуры» (Минск, 1999, в соавторстве с Н. Трусом, на белорусском языке).

Белорусско-сербские литературные и культурные связи рассматриваются и в следующих книгах, автором или составителем которых является И.А. Чарота: «Беларусы пра Сербію – Югаславію» (Минск, 2015; на белорусском и русском языках), «Белорусија и Србија: Трагом узајамног упознавања и деловања» [Беларусь и Сербия: по следам взаимного познания и взаимодействия] (Шабац, 2016), «Иоанн Пичета (1844–1920)» (Минск, 2024). Темам литературного взаимодействия посвящены многие статьи И.А. Чароты, в числе которых отметим и некоторые интересные работы на сербском языке: «Prošlost i sadašnjost belorusko-srpskih književnih veza» [Прошлое и настоящее белорусско-сербских литературных связей] (2005), «Михаил (Мануил) Козачински (1699–1755) у историји Србије и Белорусије» (2020). Все эти исследования в совокупности создают целую галерею важных исторических личностей, представителей литературы и культуры Сербии и Беларуси. В работах рассмотрены контакты авторов, переводчиков и издателей, значимые события литературно-культурной жизни, впечатления после взаимных визитов; дан анализ переводов и восприятия переводной литературы.

Лейтмотивом сопоставительных исследований И.А. Чароты были близость и родство белорусской и сербской, а также других славянских литератур и культур. Профессор подчеркивал, что «изучение белорусско-сербских связей неизбежно создает чувство общности, родства» (цитата из открытой лекции на тему «Белорусско-сербские отношения как научная проблема»,³³¹ лекция состоялась 26 октября 2015 года в Сербской Академии наук и искусств (САНИ), иностранным членом которой профессор Чарота был с 2009 года).

Как ведущий югославист Беларуси, И.А. Чарота являлся научным консультантом и автором статей, связанных с южной Славией, во многих энциклопедических изданиях, включая сотрудничество с издательством «Белорусская энциклопедия имени Петруся Бровки».

Сотрудничая с коллегами и студентами, профессор Чарота развивал белорусскую школу славистической литературной

³³¹ Чарота Иван А. Белоруско-српски односи као научни проблем. Приступна беседа одржана у Српској академији наука и уметности, 26. октобра 2015. године // Глас CDXXVII, Одељење језика и књижевности, књ. 30, Београд, 2017. С. 65.

компаративистики, стремясь поднять уровень каждого исследования до экспертного. Профессор Чарота был научным руководителем при подготовке нескольких десятков магистерских и кандидатских диссертаций, которые также свидетельствуют о взаимопроникновении культур. Результаты некоторых диссертационных исследований опубликованы в виде монографий (Людмила Циманович, «Русские импульсы в творчестве Петра II Петровича Негоша», Минск, 2017; Анна Наумова, «Феномен культурного пограничья в творчестве Иво Андрича», Минск, 2018). Доцент Анна Наумова, воспитанница и коллега И.А. Чароты, продолжила его деятельность по изучению белорусско-сербских литературных связей, а также преподаванию сербистики в Минске.

В рамках магистратуры по специальности «Диалог культур» на филологическом факультете Белградского университета профессор Чарота подготовил учебную программу предмета «Сербско-белорусские культурные и литературные связи». Запланированный приезд И.А. Чароты в Белград в качестве гостевого профессора мы, к сожалению, не успели реализовать.

НАЦИОНАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Изучение литературных контактов и взаимодействия неизбежно приводит авторов к оценкам общекультурного и национально-специфического содержания в исследуемом материале. Национальный компонент литературы профессор Чарота всегда связывал с вопросами идентичности, считая, что литература не только отражает, но и формирует самосознание народа. В научных работах И.А. Чарота использовал термин «исконная сущность» (бел. *спрадвечная існасць* – выражение белорусского поэта Владимира Дубовки), которым обозначается исконная, первичная основа духовного бытия народа, фундамент его идентичности и культуры – другими словами, его «духовно-генетический код», или «духовный генотип», в смысле концепции Павла Флоренского, т.е. духовно-нравственные и созидательные характеристики одного рода, передаваемые от поколения к поколению.

Монографию «Пошук спрадвечнай існасці: Беларуская літаратура XX стагоддзя ў працэсах нацыянальнага самавызначэння» [Поиски исконной сущности: Белорусская литература XX века в процессах национального самоопределения] И.А. Чарота опубликовал

на белорусском языке в Минске в 1995 году, а в 1998 году защитил докторскую диссертацию на эту тему на филологическом факультете БГУ. В данных трудах, как и в позднейших работах, профессор исследовал оригинальную эстетику белорусского литературного слова на фоне широкого контекста белорусско-русских связей. Самобытные элементы, художественные архетипы, относящихся к культуре в целом, а также характерные для конкретной творческой личности он нередко называл «опознавательными знаками»³³². Ср. также в позднейшей работе «Белорусская словесность для детей и о детях»: «Соответственно, каждый литератор, сформировавшийся в определённое время и в условиях, предопределённых рядом других объективных факторов, неизбежно отражает «узнаваемые приметы» своей эпохи и своей среды».³³³

Размышления И.А. Чароты о литературе, культуре и национальной идентичности белорусов, а также сербов отражены в значительном числе его статей, предисловий к сборникам, интервью, публичных выступлений. Исследование национальных вопросов профессор продолжил и в ходе работы над книгой «Белорусскость: исторический и культурологический аспекты», которую, к сожалению, он не успел закончить.

Важнейшими для самоопределения белорусов профессор Чарота считал принадлежность к православной вере, осознание общего происхождения и духовного родства с русским народом, выступая против «дерусификации самосознания современных белорусов».³³⁴ Размышляя о национальной идентичности и роли литературного слова в ее формировании, профессор Чарота подчеркивал значение осознания общих корней вместо противопоставления и отчуждения как средств самоутверждения того или иного народа. Так, говоря о поэзии Максима Богдановича, одного из своих любимых поэтов, профессор Чарота отмечает, что творчество поэта «было вдохновлено попыткой национального самоопределения не путем отрицания, отчуждения и противостояния. Белорусскую идею автор не утверждал в отрыве от

³³² Ср. в работах о В.Г. Распутине, Д. Михайловиче и др.: <https://omiliya.org/article/vgrasputin-i-slavyanstvo-iacharota>; n.krcls.by/чарота-и-проза-реальности-драгослав/

³³³ Чарота Иван А. Видици једног Белоруса – Белосрбина: есеи и студије. Београд: Институт за политичке студије, 2023. С. 62.

³³⁴ Чарота Иван Алексеевич. Дерусификация как деформация самосознания белорусов // Социология 2015, № 1. С. 69–81. ISSN 2071-0968

общего корня, путем противопоставления истории русского и других родственных народов, включенных в европейский и мировой контекст».³³⁵

Исследуя национальное содержание белорусской литературы, профессор Чарота стремился выявить особо значимые образы и мотивы. Показательно уже само название его статьи, соединившее два понятия: «Характер и образотворчество белорусов». Здесь профессор Чарота пишет о необходимости «собрать надежные сведения о частотности образов, мотивов, тем в национальном искусстве, определить их „возраст“, значимость в разные эпохи, отношение к сфере сакрального, влияние на формирование общей системы образотворчества и на эстетические традиции».³³⁶ Данный вопрос разрабатывался и во второй, дополненной версии работы «Исконная сущность белорусской поэзии»: «Однако и без статистических доказательств можно выделить некоторый ряд символов, поэтических образов и метафорических знаков, которые передаются из поколения в поколение – в том числе бессознательно, так что они также встроены в искусство слова – короче говоря, это то, что, несмотря на различные повороты истории и историографии, на многие тенденции культуры и культурологии, все же не было утрачено и уже поэтому может быть с полным основанием охарактеризовано как „исконная сущность“» (предисловие ко второму изданию «Антологии белорусской поэзии», на сербском языке³³⁷).

Особую роль в передаче национальной картины мира профессор Чарота отводил поэзии: «Поэзия в оригинале говорит сама за себя»; «В поэзии активизируется то, что, называясь по-разному, не меняет своей сущности».³³⁸

Применяя подобный подход в своих работах, И.А. Чарота анализировал семантику частотных образов в белорусской поэзии, прозе, фольклоре – таких, как, например, болото или судьба и доля, а

³³⁵ Чарота Иван. Исконска суштина беларуске поезіі // Антологія беларуске поезіі. Друго, прышырэна выдаўе. Београд: Српска књижевна задруга, 2012. С. 15.

³³⁶ Чарота Иван. Характер и образотворчество белорусов // Зборник Матице српске за славистику 46–47, Нови Сад, 1994. С. 76.

³³⁷ Чарота Иван. Исконска суштина беларуске поезіі // Антологія беларуске поезіі... С. 22.

³³⁸ Там же. С. 7, 24.

также ряда других. Он писал об особых характеристиках белорусского хронотопа – так, о значительной доле образов границ, пограничья, размежевания, перекрестков в белорусской литературе, что связал и с разработанностью соответствующей лексики. Также профессор коснулся специфики жанровой системы белорусского фольклора... Свои выводы он представлял как предварительные, с присущей ему осторожностью в вынесении каких-либо окончательных суждений, всякий раз перепроверяя собственные наблюдения.³³⁹

Изучая сербскую литературу и культуру, рассматривая важнейшее сербское наследие, профессор Чарота особо подчеркивал значение Косово для Сербии: «Косово и Метохия для сербов ни с чем несопоставимы. „Косовская легенда“, „косовский архетип“ – неизменяемые категории их сознания... Это краеугольный камень сербской нации, сербского государства, Сербской церкви, сербского самосознания и сербской культурной сущности» (подробнее: *Печат*, бр. 835, 5.12.2024: <https://www.pecat.co.rs/2024/05/belorus-i-belosrbini-u-jednom-dahu-prvi-deo/>).

БЕЛОРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА – ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В СЕРБИИ

И.А. Чарота – составитель многих антологий, которые знакомят сербскую общественность с белорусской литературой, прежде всего с поэзией. Для каждой антологии И.А. Чарота долго и тщательно подбирал материал, готовил научные обзоры, сведения об авторах и переводчиках, переводил сам или нередко делал дословные переводы текстов для их последующего литературного перевода коллегами.

Неоценимое значение имеет «Антологија белоруске поезије» (Белград, 1993), второе издание которой (Белград, 2012) включает 141 стихотворение 68 белорусских авторов, принадлежавших к различным историческим периодам, в переводе профессора Миодрага Сибиновича на сербский язык. В предисловии Ивана Чароты и в послесловии Миодрага Сибиновича выделены основные этапы развития белорусской

³³⁹ Чарота Иван. Исконска суштина белоруске поезије // Антологија белоруске поезије. Друго, приширено издање. Београд: Српска књижевна задруга, 2012. С. 7–24. ISBN 978-86-379-1209-5

Чарота Иван Аляксеевіч. Пошук спрадвечнай існасці: беларуская літаратура XX стагоддзя ў працэсах нацыянальнага самавызначэння. Мінск: Навука і тэхніка, 1995.

Чарота Иван. Характер и образотворчество белорусов // Зборник Матице српске за славистику 46–47, Нови Сад, 1994.

литературы, а также описаны некоторые ее существенные характеристики. Данная книга уже длительное время используется в преподавании белорусской литературы на филологическом факультете Белградского университета, помогает студентам познакомиться с важнейшими белорусскими поэтами, а также с исключительными образцами литературного перевода.

В числе других составленных И.А. Чаротой сборников, включающих переводы белорусской поэзии на сербский язык, – «Антологија лирике источних Словена» (Белград, 2000), «Испод крила роде. Антологија савремене бјелоруске поезије» [Под крыльями аиста. Антология современной белорусской поэзии] (Подгорица, 2014). Вышел и сборник «Јанко Купала. Наслеђе: Избор из поезије највећег белоруског песника» [Янка Купала. Наследие: Избранное из поэзии величайшего белорусского поэта] (Белград, 2020) в переводе Даяны Лазаревич. В предисловии и особенно в обширном послесловии И.А. Чарота, объединив свои предыдущие исследования поэзии Я. Купалы, рассказывает о творчестве и судьбе «песняра», дает детальный обзор рецепции поэзии Я. Купалы в бывшей Югославии, комментирует переводы стихотворений. Здесь, равно как и в других работах, профессор делится своими размышлениями об особой роли поэта как «сына Слова, носителя и хранителя Словесности», о том, что подлинный поэтический талант является Божиим даром, что подразумевает и величайшую ответственность поэта перед Богом и людьми за то, как он этим даром распорядится.³⁴⁰

Особое внимание профессор Чарота уделял духовной литературе. Он составил несколько антологий белорусской и русской духовной поэзии и прозы, сопроводив эти издания предисловиями и комментариями. Это книги «Насустрач Духу. Анталогія беларускай хрысціянскай паэзіі» (Минск, 2001), «Насустрач Духу. Анталогія беларускай хрысціянскай прозы» (Минск, 2002), «Слово и Дух. Антология русской духовной поэзии XX–XXI вв.» (Минск, 2003, 2005, 2010), а для сербских читателей в сотрудничестве с переводчиком Даяной Лазаревич И.А. Чарота подготовил книгу «У сусрет Духу. Антологија белоруске хришћанске поезије» (Белград, 2019). Данная книга содержит поэтические произведения более ста авторов, а также

³⁴⁰ Чарота Иван А. Јанко Купала: у своме роду и међу народима (поговор) // Јанко Купала. Наслеђе. Избор из поезије највећег белоруског песника. – Београд: Алма, 2020. – С. 107.

народную поэзию и переводы псалмов в стихах. В предисловии «Белорусская поэзия и духовность» профессор Чарота вновь подчеркивает особую роль поэтического творчества, которое, по его словам, представляет собой «устремление к Богу, приближение к Нему, возвращение подобия с Ликом Божиим».³⁴¹

Также профессор Чарота представил сербским читателям белорусские народные сказки, предания и легенды, детскую литературу, плодотворно сотрудничая с переводчиком Даяной Лазаревич. Это книги «Златна птица: Белоруске народне бајке» (Белград, 2020), «Жива вода: белоруска народна предања и легенде» (2021), «Реч доброте и мудрости: Антологија белоруске књижевности за децу и младе» (2024).

Наряду с подготовкой антологий и всех их составных компонентов, профессор Чарота много внимания уделял вопросам восприятия творчества белорусских авторов, анализу переводов их произведений на сербский и другие славянские языки. Его работа по популяризации белорусской литературы получила широкую известность и высокую оценку в Сербии.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СЕРБСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ В БЕЛАРУСИ. УНИВЕРСИТЕТСКАЯ СЕРБИСТИКА В МИНСКЕ. ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ПЕРЕВОДА

Знакомство белорусов и русских с сербской литературой и культурой, а также становление университетской сербистики в Минске профессор Чарота считал своей задачей и призванием, неустанно трудясь на этом поприще до конца жизни.

И.А. Чарота переводил поэзию, прозу, а также научные работы по литературоведению, культурологии, истории и геополитике. Он перевел на белорусский и русский языки произведения сербских классиков и современных писателей, многих известных личностей, в числе которых владыка Николай Велимирович, Иустин Попович, патриарх Павле, Иво Андрич, Бранислав Нушич, Десанка Максимович, Бранко Чопич, Добрица Чосич, Горан Петрович, Драгослав Михайлович, Матия Бечкович, Радомир Андрич, Иван Гундулич, Драган Лакичевич, Гроздана Олуич, Лиляна Хабьянович-Джурович и другие. В сотрудничестве с Момчило Джерковичем профессор Чарота подготовил антологию «Сербская паэзія» (1989), был одним из

³⁴¹ Чарота Иван А. Белоруска поэзія і духовнасць // У сусрет Духу: Антологія беларуске хрышћанске поэзіі. Београд: CompuTech/Dinex, 2019. С. 7.

переводчиков антологии вместе с Н. Гилевичем, А. Рязановым и другими. В сборнике рассказов «Пясочны гадзіннік лёсу: Сербская проза XX стагоддзя» [Песочные часы судьбы: Сербская проза XX века] (2018) представлены различные писатели в переводе на белорусский язык.

Произведения выдающихся сербских авторов, таких, как Бранислав Нушич, Иво Андрич, Десанка Максимович, Добрица Чосич и других, а также рецепцию их творчества в Беларуси профессор Чарота исследовал в значительном числе научных статей. Нередко он добавлял предисловия с обширными литературно-критическими комментариями и к собственным переводам – например, к белорусским изданиям «Автобиографии» Бранислава Нушича и романа Иво Андрича «Мост на Дрине», опубликованным в 1985 и 1993 годах. Каждый такой перевод подразумевал серьезный труд, для выполнения которого требовалось исключительное знание сербского языка и культурно-исторического контекста.

Благодаря усилиям в первую очередь профессора Чароты, а также его коллег на филологическом факультете в Минске в 1997/98 учебном году была открыта специальность «сербский язык и литература» в рамках славянского отделения (до этого сербский язык преподавался только в качестве второго славянского на русском и белорусском отделениях филологического факультета). В последующие годы И.А. Чарота создавал научно-методическую базу преподавания сербской литературы в Беларуси: определил круг учебных дисциплин, разработал и опубликовал учебные программы, составил сборники оригинальных текстов и литературной критики с заданиями для практических занятий и самостоятельной работы: «Српска књижевност. Антологија текстова» в пяти книгах (2002–2007), «Гісторыя сербскай літаратуры: практыкум» (2006), «Сербская літаратурная крытыка: вучэбна-метадычны дапаможнік» и «Основы сербистики: учебно-методическое пособие» (два последних издания – в соавторстве с А. Наумовой, 2021 и 2022).

Свой переводческий опыт И.А. Чарота использовал в работах по теории и практике перевода художественной литературы, среди которых выделяются пособия «Мастацкі пераклад на беларускую мову: Асновы тэорыі і практычныя рэкамендацыі» (1997) и «Тэорыя і практыка мастацкага перакладу» (2011). В пособиях представлены основные аспекты и понятия литературного перевода, даны задания,

рассмотрена специфика перевода в двуязычной среде (русско-белорусской).

Изучая важнейшие события сербской истории и их осмысление в культуре и историографии, исследуя сербские традиции и обычаи, представляя их студентам, профессор Чарота внимательно подбирал тексты, которые впоследствии были опубликованы в сборниках работ на белорусском и русском языках: «Косовская битва продолжается» (2000), «Народ сербскі: яго абрады і звычаі, святы і святыні: зборнік артыкулаў», выпуск 1 и 2 (2006, 2009 и 2012). При подготовке сборника «Народ сербскі» И.А. Чарота руководил работой переводческой команды, составленной из студентов-сербистов.

Также И.А. Чарота переводил сказки с сербского и других южнославянских языков. Публикации сказок он сопровождал предисловиями и комментариями: «Югаславянскія казкі» (1999), «Мовы ўсяго жывога: Сербскія народныя казкі» (2007). Следует упомянуть и книгу «Падарунак ад усяго сэрца: казкі славянскіх народаў» (2013), увидевшую свет в результате коллективного переводческого труда.

БЕЛОРУССКАЯ И СЕРБСКАЯ ПРАВОСЛАВНЫЕ ЦЕРКВИ, ИХ КУЛЬТУРА, ЯЗЫК

Важной сферой научно-исследовательских и переводческих интересов И.А. Чароты являлась славянская православная культура, библейские тексты и богословская литература.

Выше уже упомянуты выполненные И.А. Чаротой переводы трудов владыки Николая Велимировича, Иустина Поповича, патриарха Павле. И.А. Чарота перевел более 20 книг, реализовав серию «Сербское богословие XX века», направленную на ознакомление русских и белорусских читателей с трудами выдающихся сербских богословов и мыслителей.

Также И.А. Чарота был членом Издательского совета Белорусской православной церкви и исполнительным редактором белорусского журнала «Праваслаўе».

Более 25 лет И.А. Чарота работал в составе Библейской комиссии, занимаясь переводом Священного писания и литургических текстов с древнегреческого и церковнославянского языков на белорусский язык. Профессор неоднократно отмечал, что это был уникальный, соборный проект. В полном объеме «Новы Запавет Госпада нашага Ісуса Хрыста» вышел в 2017 году, став единственным

белорусским переводом Нового Завета, получившим благословение Белорусской православной церкви. Результатом терминологической работы Библейской комиссии является и «Кароткі царкоўнаславянска-беларускі слоўнік праваслаўнай лексікі» (Минск, 2022), один из авторов которого – И.А. Чарота.

В своих работах профессор Чарота рассмотрел многие вопросы, связанные с переводом библейских текстов, специфику церковного языка, изучил историю переводов Библии в Беларуси (см., например, статью «Переводы Священного писания на белорусский язык», опубликованную в журнале «Јужнословенски филолог»³⁴²). Также профессор писал о событиях, связанных с историей и актуальной жизнью церкви. Безусловно, необходимо также упомянуть сборники статей и эссе «Сербская Праваслаўная Царква» (Минск, 1998) и «Беларуская мова і Царква» (Минск, 2000).

В данной статье мы рассмотрели преимущественно филологические исследования и переводы И.А. Чароты, сосредоточившись в первую очередь на области белорусской и сербской литератур. Работы профессора Чароты, касающиеся истории, культурологии, социологии и геополитики, заслуживают отдельного рассмотрения. Весьма плодотворным было сотрудничество профессора с Институтом политических наук, в публикациях которого И.А. Чарота регулярно участвовал, как и в целом всякое сотрудничество профессора Чароты с д-р Зораном Милошевичем. В 2023 году данный белградский институт опубликовал книгу «Видици једног Белоруса – Белосрбина», куда вошли предисловия И.А. Чароты ко многим антологиям и сборникам, текст его открытой лекции в САНИ (2015), а также его статьи и эссе в переводе Даяны Лазаревич³⁴³.

В филологической деятельности И.А. Чароты выделяются следующие основные тематические направления: взаимосвязи славянских литератур и культур (прежде всего белорусской и сербской); национальное содержание литературы и национальная идентичность; представление белорусской литературы и культуры в Сербии и сербской в Беларуси; университетская сербистика в Минске; практика и

³⁴² Чарота Иван. Переводы Священного писания на белорусский язык // Јужнословенски филолог LXVI, 2010. С. 497–511. ISSN 0350-185x.

³⁴³ Серб. *видици* ‘горизонты, взгляды’; белорусское название сборника: «Далягляды беларуса-беласерба». Автор благодарит Даяну Лазаревич за предоставление данного названия и нескольких цитат из оригинальных текстов И.А. Чароты.

теория перевода; Белорусская и Сербская православные церкви, их культура, язык. В рамках каждого направления мы указали основные монографии, брошюры, пособия, а также отдельные статьи; рассмотрели отраженные в работах идеи и взгляды И.А. Чароты, некоторые понятия. Также отмечены два подхода И.А. Чароты к исследованию литературного материала: во-первых, это тщательный фактологический анализ, всегда предшествовавший истолкованию определенного вопроса (при необходимости – с пересмотром ошибочно представленных фактов и распространенных стереотипов, включая проверку и переосмысление собственных наблюдений); во-вторых, стремление к экспликации национального содержания литературы (поиски «исконной сущности», «опознавательных знаков»), которое рассматривалось в широком литературно-культурном контексте. Профессор Чарота неоднократно отмечал необходимость подобного широкого рассмотрения литературы, подчеркивал значение исследования литературных, культурных и духовных связей между славянскими народами, говорил об их общих корнях и единстве, что сегодня особенно актуально.

Каждая идея и позиция профессора Чароты, его подход к литературному материалу являются частью его славистического наследия, которое профессор стремился передать своим ученикам, а в основе всей его филологической деятельности лежит мысль о филологии как любви к Слову и служению Слову Божию. Именно так профессор Чарота говорил о поэтах, о литературе в целом и о профессии филолога: «Литература – это не профессия, не ремесло. Литература – это нечто большее. Это призвание. Господь призывает человека для служения Слову, Словесности» (интервью для газеты «Вечерний Брест», 7–8.01.2005: <http://ln.krcls.by/чарота-и-если-уж-начал-служить-слову/>).

Ученики и коллеги, последователи И.А. Чароты обязаны сохранить это важное славистическое наследие.

ЛИТЕРАТУРА

- Чарота Иван А. Белоруска поезија и духовност // У сусрет Духу: Антологија белоруске хришћанске поезије. Београд: CompuTech/Dinex, 2019. С. 7–15. ISBN 978-86-81454-04-6
- Чарота Иван А. Белоруско-српски односи као научни проблем. Приступна беседа одржана у Српској академији наука и уметности, 26. октобра 2015. године // Глас CDXXVII, Одељење језика и књижевности, књ. 30, Београд, 2017. С. 55–68. ISSN 0351-7365

- Чарота Иван А. Видици једног Белоруса – Белосрбина: есеи и студије. Београд: Институт за политичке студије, 2023. ISBN 978-86-7419-369-3
- Чарота Иван А. Јанко Купала: у своме роду и међу народима (поговор) // Јанко Купала. Наслеђе. Избор из поезије највећег белоруског песника. – Београд: Алма, 2020. – С. 107–133. ISBN 978-86-7974-808-9
- Чарота Иван Алексеевич. Дерусификация как деформация самосознания белорусов // Социология 2015, № 1. С. 69–81. ISSN 2071-0968
- Чарота Иван. Исконска суштина белоруске поезије // Антологија белоруске поезије. Друго, приширено издање. Београд: Српска књижевна задруга, 2012. С. 7–24. ISBN 978-86-379-1209-5
- Чарота Иван. Переводы Священного писания на белорусский язык // Јужнословенски филолог LXVI, 2010. С. 497–511. ISSN 0350-185x
- Чарота Иван. Характер и образотворчество белорусов // Зборник Матице српске за славистику 46–47, Нови Сад, 1994. С. 71–88.
- Чарота Иван Аляксеевіч. Пошук спрадвечнай існасці: беларуская літаратура XX стагоддзя ў працэсах нацыянальнага самавызначэння. Мінск: Навука і тэхніка, 1995.

Svetlana Goljak

Doctor of Philological Sciences, Associate Professor

Faculty of Philology, University of Belgrade

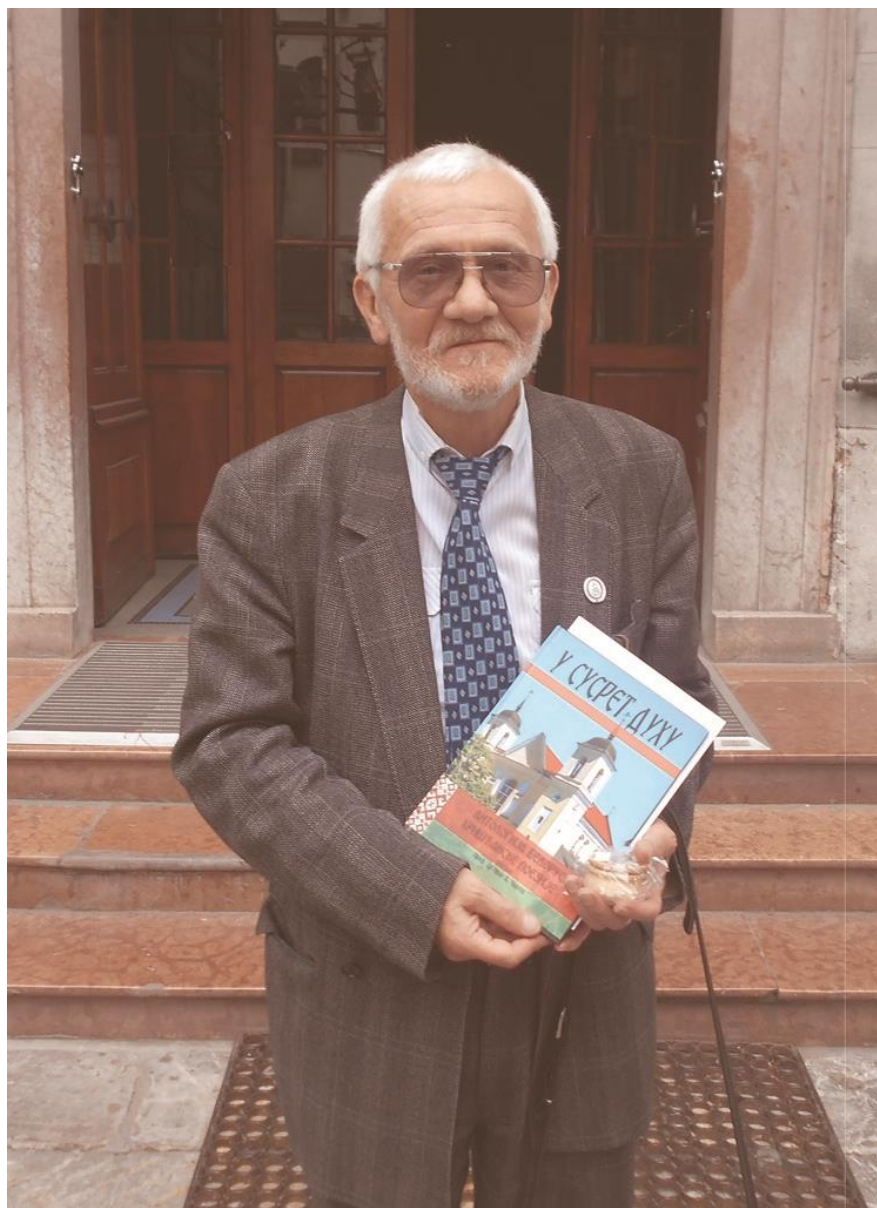
Belgrade, Serbia

THE SLAVISTIC LEGACY OF PROFESSOR IVAN CHAROTA

Abstract

The aim of this paper is to present the main directions and topics of the philological research of Professor Ivan Charota and to examine the significant results of his work in the field of philology. Five thematic areas are distinguished: (1) Slavic literatures and cultures and their interconnections, with an emphasis on literary and cultural ties between Serbia and Belarus; (2) the national component of literature and national identity; (3) Belarusian literature—its presentation in Serbia; (4) Serbian literature, history, and culture—their presentation in Belarus. University-level Serbian studies in Minsk. Theory of literary translation; (5) the Serbian and Belarusian Orthodox Church, culture, and language. Within each section, the main monographs, brochures, manuals, and selected articles by Professor Charota are listed. Particular attention is given to certain important ideas and positions of Professor Charota, as well as to his approach to the analysis and interpretation of literary material. The importance of Professor Charota's Slavistic legacy is once again emphasized, along with the complexity and integrative nature of his approach to Slavic studies.

Keywords: Ivan Charota, Slavic studies, Belarusian-Serbian cultural ties, inter-Slavic relations.

У Соборной церкви в Белграде, 2019 год. Фото: Д. Лазаревич.

Ивана Божович³⁴⁴

Доктор филологических наук, доцент
Философский факультет Университета г. Приштина
с временным местонахождением в г. Косовска-Митровица, Сербия

ПОЭЗИЯ ЯНКИ КУПАЛЫ КАК ПЕРВООСНОВА „ЗЕМЛИ ПОД БЕЛЫМИ КРЫЛЬЯМИ”³⁴⁵

*С обращением к редакторской деятельности Ивана Чароты*³⁴⁶

Аннотация

В работе рассматривается поэтическая диалектика белорусского поэта-классика Янки Купалы (1882–1942), который вложил «свое поэтическое творчество в формирование фундамента собственной личности». Свод произведений определяется стихотворениями, созданными в период с 1905 по 1941 год, которые вошли в хрестоматию под названием «Наследие», составленную проф. Иваном Алексеевичем Чаротой (1952–2024) — крупнейшим славистом Беларуси, компаративистом и культурологом. При этом, будучи белорусом, он обладал по сути всеславянским духом, в котором сербская культура и язык занимали особое место, что делает его не просто объектом национальной гордости, но и и особого, великого долга. Жизненный и поэтический путь Купалы пересекается с рождением страны, с периодом ее тяжелого и драматичного национального становления, поэтому в годы тектонических исторических и политических изменений он «должен был определиться с выбором своего жизненного и творческого пути». Заслуги Купалы и его влияние на идеологическую ориентацию белорусов огромны: он был активным участником ключевых исторических процессов начала XX века, активным культурным подвижником и общественным деятелем, инициатором институционального оформления и интеллектуальной жизни своей страны. Особое внимание в работе уделяется герменевтическому коду патриотической поэзии, в которой выделяются три доминанты, три формы патриотического эроса. Аналитический фокус направлен на стихотворение «Пророк» (1912), в котором проявляется выраженный антропологический пессимизм.

³⁴⁴ ivana.bozovic@pr.ac.rs, ORCID 0000-0002-3080-374X.

³⁴⁵ Название эссеистической книги Владимира Короткевича: *Земля под белыми крыльями*.

³⁴⁶ Данная статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта Синодальной исторической комиссии (01.12.2025–01.12.2026).

Ключевые слова: Янка Купала, Иван Чарота, белорусская художественная литература, диалектика поэзии Янки Купалы.

В культуре есть сущности, которые воспринимаются как ее столпы, рубежи и кругозор. С них всегда что-то начинается или же начатое совершенствуется и развивается. Благодаря их поэтическому богатству культура становится новым измерением, в котором пересекаются различные метафизические и экзистенциальные вопросы не только отдельного народа и его этоса, но и его хронотопического диалога с другими культурами, с которыми он по-разному соприкасается и переплетается.

Когда писатель становится классиком? «Писатель становится классиком, когда получает признание от каждого нового поколения читателей; когда его произведение позволяет возникнуть великой и автономной традиции интерпретации, в которой происходит непрерывный обмен между тем, что произведение значит для самого автора и его толкователей, вооруженных необходимыми знаниями и навыками, и его такими далекими, невообразимо различными читателями. Писатель становится классиком, когда его понимание уже *наперед* обеспечено, а сомнение в том, что перед нами великий писатель, воспринимается как инцидент, нелепость или сознательный удар по основам культуры; когда его искусство воплощает институт, ценность и сила которого взаимосвязанны с другими институтами власти. Высшая эстетика и когнитивные свойства самой поэзии не могут обеспечить писателю статус классика, потому что это не просто величайший среди поэтов и не просто один из великих писателей, а «различный по своей природе критерий литературного порядка, как *imperium* политический; он – недвижимая точка традиции»³⁴⁷.

Янка Купала (белор. *Янка Купала*, 1882-1942, *настоящее имя: Иван Доминикович Луцевич*, белор. *Іван Дамінікавіч Луцэвіч*), «вложив свое поэтическое творчество в формирование фундамента собственной личности»³⁴⁸, без сомнения, является классиком белорусской литературы. Сосредоточенность на *бытии* своего народа, его существовании, характере, судьбе и способности является одним из ключевых мотивов поэзии Купалы: «От прадедов до нас дошло/ одно наследство странное./ Как материнское тепло —/ со мной, где б я ни

³⁴⁷ Ломпар Мило. Црнянский – биография одного чувства. Новый Сад: Православное слово, 2018. С. 3.

³⁴⁸ Там же. С. 473-474.

странствовал (...) Мой клад волшебный, как в дупле,/ в живой душе скрывается./ Лишь он мерцает мне во мгле/ сгустившегося варварства.»³⁴⁹

Между тем неоднократно подтверждалось, что духовные поиски и интеллектуальные стремления в культуре почти всегда формируют позиции собеседников. Рассматривая это таким образом, мы заметим, что именно не случайностью, а духовным *родством* является тот факт, что «Избранные произведения величайшего белорусского поэта», в редакции профессора Ивана Чароты 2020 года, именуются как «Наследие». Название всегда несет в себе глубокий смысл (*nomen est omen*), и в данном случае он двояк: с одной стороны, автор делает отсылку к одному из сборников самого поэта (*Спадчына*, 1922), но еще более знаково – к собственному внутреннему духовному коду, которому он следовал последовательно и глубоко в своей исключительно плодотворной научной работе. Труд профессора Чароты, помимо несомненных научных достижений, является ценностью сам по себе, обладает сильным патриотичным духом, глубоким переживанием за свой народ и Отечество и, который ввиду особой значимости, подобно своему собеседнику Янке Купале, не был лишен объективной и доброжелательной критики. При этом профессор Чарота, будучи белорусом, обладал по сути всеславянским духом, в котором сербская культура и язык занимали особое место, что делает его не просто объектом национальной гордости, но и особого, великого долга.³⁵⁰

³⁴⁹ Автор перевода стихотворений *Наследие – избранные произведения величайшего белорусского поэта*, в редакции Ивана А. Чароты, – Даяна Лазаревич (1993). Пер. В. Куллэ.

³⁵⁰ Иван Алексеевич Чарота родился 16 сентября 1952 года в деревне Лыщики Кобринского района Брестской области, в Беларуси. Скорпостижно скончался 7 ноября 2024 года в Минске. До последнего дня своей жизни он читал лекции по сербской литературе студентам филологического факультета и боролся за соединение своей родины, Беларуси, со страной, которую после нее он любил больше всего, Сербией. Кандидатскую диссертацию он защитил в Ленинграде в 1987 году, а докторскую в Минске в 1998 году, обе по темам югославской литературы. Свои научные интересы он сосредоточил прежде всего на литературе и культуре славянских народов, которые в дальнейшем сузились исключительно до сербской литературы и культуры. Чарота был автором, редактором и переводчиком 145 книг и брошюр, а также написал 640 научных работ, в основном связанных с филологическими, политическими и культурными темами. (...) Иван Чарота стал членом Сербской академии наук и искусств 5 ноября 2009 года.

Структура книги «Наследие – избранные произведения величайшего белорусского поэта Янки Купалы» включает 72 стихотворения различной тематической направленности, созданные в период с 1905 года (когда Купала начал свой поэтический путь) по 1941 год. Стихотворения расположены в хронологическом порядке, а книгу дополняет ряд сопроводительных текстов: «Заметка об авторе» (Янка Купала), затем очень важный текст профессора Чароты «*Янка Купала: в своем роде и среди народов*», а также «*Биография составителя* (Иван Алексеевич Чарота) и «*Биография переводчика*» (Даяна Лазаревич).

Поэтическая диалектика Янки Купалы характеризуется различными поисками и внутренними тональностями, а также глубоким погружением в фундаментальные вопросы человеческого существования. Купала – признанный лирик,³⁵¹ но вместе с тем не менее глубокомыслящий и патриотичный поэт. Эту особенность его творчества особенно подчеркнул профессор Чарота в указанном тексте книги: Купала «в своем роде» стал классиком, по которому определяются последующие поколения: «Тот, кому суждено быть поэтом, принимает от Бога дар, который несет в себе соответствующую предопределенность, то есть судьбоносное призвание и миссию. Такой избранный появляется на этом свете там и тогда, когда он наиболее необходим, когда ему надлежит исполнить свое предназначение как сына Слова, носителя и хранителя Словесности».³⁵²

В герменевтическом коде патриотической поэзии Янки Купалы выделяются три доминанты, три формы патриотического эроса,

Лазаревич Даяна М. Сербско-белорусские научные и культурные связи: избранная персонология народной дипломатии // Ноосферные исследования. 2025. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/serbsko-belorusskie-nauchnye-i-kulturnye-svyazi-izbrannaya-personologiya-narodnoy-diplomatii> (дата обращения: 04.04.2026).

⁷ Янку Купалу выбрал и Стефан Раичкович, который при составлении *Славянских рифм* (1976), прежде всего, руководствовался принципом, согласно которому в указанную славянскую хрестоматию «входит только та поэзия, которая содержит преимущественно лирические или философские акценты, реализованные исключительно в стихотворной форме». Стихотворения, вошедшие в сборник: *Когда иду я по полю, Наследие, Отчизна, Два тополя, Жатва*.

Раичкович Стефан. Славянские рифмы. Белград: Издательский дом Рад, 1976.

³⁵² Чарота Иван А. (сост.). Наследие. Избранные произведения величайшего белорусского поэта / Янка Купала. Белград: Алма, 2020. С. 107.

которые проявляются как чистая, верная любовь к своему народу («Земля», «Моя молитва», «За землю моих предков...», «За отечество», «Наследие» и др.), как экзистенциальное сомнение (а порой и отчаяние), вызванное агонией и пассивностью, которые он обнаруживает в своем народе («Не для вас...», «Оставьте мысли о славном прошлом», «Когда нас будут спрашивать», «Пророк», «В большом мире...» и др.), и, наконец, как целительный, побудительный, верующий вид любви, в котором стихотворения приобретают форму и монументальность гимна («Молодая Белоруссия», «Не ищи», «Моя вера», «С новой мыслью» и др.).

Жизненный и поэтический путь Купалы пересекается с рождением страны, с периодом ее тяжелого и драматичного национального формирования.³⁵³ В годы тектонических исторических и политических изменений он «должен был сделать выбор своего жизненного и творческого пути. Особенно важно то, что заботу о белорусском крестьянине – сугубо декларативную для идеологов пролетарской (а не крестьянской!) революции – сам поэт в начале своего пути, решивший стать защитником крестьянства, воспринял с самого начала с полной серьезностью. Не менее значимо и то, что впоследствии эта забота была декларирована в официальной идеологии вновь образованного государства белорусских крестьян, то есть БССР».³⁵⁴

Патриотическая поэзия Купалы обладала мощной формирующей энергией, его пробуждающее художественное слово в тот исторический момент было решающим, и с сегодняшней дистанции времени можно сказать – определяющим. Как активный участник

³⁵³ После бурь революции, мировой, гражданской и советско-польской войн, после оккупаций и драмы вокруг признания суверенитета была создана Белорусская ССР. Хотя и не вполне суверенное, несмотря на то, что у него была отнята (согласно положениям Рижского договора 1920 года) западная часть ее исконной территории, новое белорусское государство отличалось значительной активностью в рамках национального возрождения, относительным идеологическим плюрализмом и богатством эстетических ориентаций. Чарота Иван А. Видения одного белоруса – белосерба: эссе и исследования. Белград: Институт политических исследований, 2023. С. 18.

³⁵⁴ Чарота Иван А. (сост.). Наследие. Избранные произведения величайшего белорусского поэта» / Янка Купала. Белград: Алма, 2020. С. 10.

ключевых исторических процессов начала XX века³⁵⁵, он был не только значимым поэтом, который посвятил и подчинил свою жизнь национальному становлению, глубоко и полно выразил чувства своей эпохи, но и инициативным подвижником культуры и общественным деятелем, инициатором институционального оформления и интеллектуальной жизни своей страны.³⁵⁶

Заслуги и влияние Купалы на идеологическую ориентацию белорусов, как отмечал профессор Чарота, действительно огромны. Благодаря ему национальное самовосприятие изменилось и углубилось: «они начали осознавать себя как особую нацию», что подразумевало и закрепление языка — как одного из ключевых этнических (со)составляющих, как необходимого уровня самоидентификации.³⁵⁷

Несомненно, его личный вклад в культуру был результатом глубокой эмпатии и понимания собственной истории, а также тщательного анализа белорусского этоса. Именно поэтому его патриотическая поэзия отличается таким широким спектром эмоций: от безусловной и жертвенной любви до резкой критики и порой отчаяния, которые, без преувеличения, коренятся в этнической

³⁵⁵ «Однако и на этом этапе путь развития белорусской литературы оказался тернистым и даже драматичным. Вследствие общего тоталитарного курса системы и, в частности, нарушения ранее провозглашенных принципов национальной политики и навязывания идеи ускоренного слияния наций началась борьба против «нацдемовщины», в результате чего процесс белорусизации был остановлен и, по сути, подавлен. Особенно жестоким репрессиям подверглась творческая интеллигенция. Из республиканского Союза писателей было «вычищено» более 90% его членов. Многие из них были уничтожены без вины, многие погибли в лагерях и тюрьмах, некоторые под давлением заканчивали жизнь самоубийством, а те, кто выжил, не всегда возвращались к творческой деятельности». Белорусское литературное слово: Чарота Иван А. Видения одного белоруса – белосерба: эссе и исследования. Белград: Институт политических исследований, 2023. С. 18–19.

³⁵⁶ Он был одним из инициаторов создания Белорусского народного драматического театра (1920), Института белорусской культуры (1922), участником Академической конференции по реформе белорусской орфографии (1926). В 1925 году он первым был удостоен почетного звания «Народный поэт БССР» и награжден орденом Ленина; был избран членом Академии наук Белоруссии (1929) и Национальной академии наук Украины (1929). Чарота Иван А. (сост.). Наследие. Избранные произведения величайшего белорусского поэта / Янка Купала. Белград: Алма, 2020. С. 6.

³⁵⁷ Там же. С. 12.

«дезориентированности», вызванной многовековыми историческими рассоединениями и присвоениями Беларуси. На духовном уровне это должно было породить глубокое чувство *беспочвенности*³⁵⁸ и неукорененности, а также, вследствие этого, определенную этническую пассивность, апатию и безволие.

Поэтому неудивительно, что Купала в стихотворении «Хто ты гэткі?» — «Кто ты такой?» (1908) задаст ключевые аксиологические этнические вопросы:

Хто ты гэткі? — Свой, тутэйшы./ Чаго хочаш?/ — Долі лепшай./
Якой долі?/ — Хлеба, солі./ А што болей?/ — Зямлі, волі./ Дзе радзіўся?/
— Ёў сваёй вёсцы./ Дзе хрысціўся?/ — Пры дарожцы./ Чым асвенчан?/
— Кроўю, потам./ Чым быць хочаш?/ — Не быць скотам...³⁵⁹

Янка Купала был живым представителем прошлого, наследия (языческого и христианского)³⁶⁰, но также и предвестником будущего: после него, по сути, поэзия стала звучать иначе.³⁶¹ Массы белорусской

³⁵⁸ См.: «Апофеоз беспочвенности» (1905), Лев И. Шестов.

³⁵⁹ Стихотворение было написано в 1908 году в Вильнюсе и опубликовано в журнале «Наша нива» — первом, напечатанном на белорусском языке.

³⁶⁰ Благодаря народному наследию сформировалась основа его творческого отражения мира... Другой вопрос — в какой мере указанное свойство творчества правомерно распространяется на все то, чем поэт через свои стихи наделял гражданское сознание белорусского крестьянина в дореволюционное время, в исключительно противоречивую эпоху непосредственно революционных событий и гражданского противостояния, а также в период строительства социализма.

Там же. С. 111–112.

³⁶¹ Попытки национального самоопределения — не путем отрицания, отчуждения и конфронтации, а через утверждение русского и других родственных народов, включенных в европейский и мировой контекст, — мы находим у Максима Богдановича (1891–1917). Богданович активно пользовался всеми родственными языками и был знаком с культурой многих славянских народов. Он переводил римских, французских, немецких, испанских и скандинавских поэтов. Его творческие интенции и результаты являются убедительным доказательством возможности ускоренного развития национальных культур. Творчество «книголюба Максима» важно также как своеобразный ориентир-маяк для его последователей и писателей следующего поколения. Наряду с Максимом Богдановичем, Янка Купала, Якуб Колас, Алесь Гарун являются основателями новой белорусской поэзии. Чарота Иван А. Видения одного белоруса — белосерба: эссе и исследования. Белград: Институт политических исследований, 2023. С. 18.

культуры, долгое время остававшиеся безмолвными, заговорили «новым» языком в его поэтическом выражении, и в этом он очень близок с Пушкиным. Подобно Пушкину, он – «начало и основа целой новой эпохи»³⁶², поскольку для обоих поэтов характерно то, что их творчество обозначает новую фазу в развитии национальной литературы, а также ее более широкого восприятия и понимания.³⁶³

Патриотическая поэзия Купалы – это не просто поэтическое высказывание того, кто искренне и глубоко любит свою землю и свой народ – она раскрывает «то, что может быть сказано в поэзии и то, чего нет в летописях; открывает то, как из недр земли вершится суд над одной исторической судьбой – такой поражающий, что невозможно передать словами: речь о выживании или гибели».³⁶⁴

«А кто там идет по болотам и лесам/
Огромной такую толпой?/
Белоруссы./ А что они несут на худых плечах,/ Что подняли они на худых руках?/
Свою кривду./ А куда они несут эту кривду всю,/ А кому они несут напоказ свою?/
На свет божий./ А кто ж это их, не один миллион, –/ Кривду несть научил, разбудил их сон?/
Нужда, горе./ А чего ж теперь захотелось им,/ Угнетенным века, им, слепым и глухим?/
Людьми зваться.»

«А кто там идет...»³⁶⁵

Уже было отмечено, что его патриотическая поэзия имеет характер гимна и силу постоянства. В таких стихах есть побуждение к наивысшему импульсу сохранения и этнического достоинства, соразмерное глубине предшествующего «падения»; в них сосредоточены кровная преданность, стремление к родовому самовозрождению, национальной гордости и чести:

«С новой мыслью, с новой песней/
Выйдешь ты на нивы,/ Белорус в весне прелестной,/ Брат мой терпеливый./
Сеять там зерном ты

³⁶² Сибинович Миодраг. Поэтика и поэзия. Белград: Литературное объединение Звездара, 1990. С. 73.

³⁶³ Подробнее о рецепции поэзии Янки Купалы в славянском сообществе см.: Наследие – Янка Купала: в своем роде и среди народов / Чарота Иван А. (сост.). Наследие. Избранные произведения величайшего белорусского поэта / Янка Купала. Белград: Алма, 2020. С. 115–133.

³⁶⁴ Ерков Александр. Тайна Европы и сербская литература (Апокриптика). Белград: Albartos Plus, 2023. С. 186.

³⁶⁵ Чарота Иван А. (сост.). Наследие. Избранные произведения величайшего белорусского поэта / Янка Купала. Белград: Алма, 2020. С. 113. Пер. М. Горький. ПСС в 25-ти томах. М., 1971. Т. 11. С. 515, 611.

будешь,/ Как янтарь, отборным,/ И никто тебя не сдюжит/ Сбить с
путей просторных (...) Не узнаешь ты вовеки/ Той нужды постыдной,/
Зваться будешь человеком,/ А не панским быдлом./ В благости и при
доходе/ Радостный, счастливый,/ Жить ты будешь на свободе,/ Брат мой
терпеливый.»

«С новой мыслью»³⁶⁶

«Соколиное племя, восстань из низин/ Над крестами отцов, над
невзгодами./ Беларусь молодая моя, ты займи/ Место славы своей меж
народами!»

«Молодая Беларусь»³⁶⁷

Стихи не рождаются из точного математического расчета и не подчиняются законам рационального ума, стремящегося удержать все «в жестких рамках». Они сопротивляются установленным алгоритмам, поскольку дионисийскую силу черпают из глубочайшего страдания, разочарования и боли. Это и есть поэтическая «логика», с помощью которой Купала преобразует трагическую реальность в *гимническую* веру и надежду. И когда поется именно *так* – всей глубиной бытия, без остатка, тогда в текст вкладывается не только само упомянутое *Слово*, но и собственная жизнь. И это, к сожалению, Купале, пришлось доказывать.

В условиях сложной политической обстановки и стремительного погружения в тоталитаризм Янка Купала в драматическом 1930 году, который в определенной степени был переломным, пытался покончить с собой. Именно в тот год совершает самоубийство поэт Маяковский и ведется целенаправленное разрушение живой русской культуры. Действительно, на XVI партийном съезде Сталин заявил, что первый пятилетний план расширяется до «социалистического наступления по всему фронту», что означало бы абсолютный контроль над всеми сферами жизни, включая культуру.³⁶⁸

³⁶⁶ Там же. С. 100. Пер. Автор перевода.

³⁶⁷ Там же. С. 51. Пер. Автор перевода.

³⁶⁸ В последующих маниакальных эксцессах «чисток» в статистике смертей фиксировались уже миллионы. По оценкам, около пяти миллионов крестьян было уничтожено в ходе социального переворота в 1930-е годы. Принадлежность к партийной элите не являлась гарантией безопасности: 55 из 71 члена Центрального комитета и 60 из 68 кандидатов в члены были уничтожены в период с 1934 по 1939 год. По: Биллингтон Дж. Икона и топор. Белград: Рад, 1988. С. 600, 623.

Купалу регулярно вызывали в ГПУ³⁶⁹ на так называемые «разговоры». В документах эти вызовы были зарегистрированы как «переговоры», хотя по сути это были допросы, во время которых ему предъявляли многочисленные претензии, в том числе за драму «Тутэйшыя», созданную в 1922 году. В 1930 году он отмечал юбилей – 25 лет творческой деятельности, и, что парадоксально, в то же время из Москвы ему направлялись поздравления, подписанные самим Луначарским, но одновременно его обвиняли в национализме («нацдемовщине») и в «национал-фашизме». Сборник «Творы 1918–1928», изданный в 1930 году Белорусским государственным издательством, подвергся строгой цензуре. Все эти обстоятельства, наряду с лицемерным поведением советской власти, подвели Купалу к мысли, что его неизбежно арестуют и осудят. В случае ареста и осуждения за контрреволюцию все его произведения будут конфискованы, запрещены или уничтожены, а ведь в то время они уже были «самой сутью его жизни». В Музей Янки Купалы были переданы архивы КГБ и признание, подписанное Купалой 15 ноября 1930 года, в котором он отрицает вину в том, что в его квартире в Минске находился штаб контрреволюции.³⁷⁰

Считается, что 20 ноября был также запланирован допрос не только самого Купалы, но и его лучшего друга и поэта Якуба Коласа. Галина Воронова³⁷¹ считает, что попытка самоубийства была актом защиты собственного творчества и наследия и что Купала стремился сохранить не свою жизнь, а прежде всего «свое доброе имя и свои произведения». Именно в указанный день он предпринимает попытку самоубийства, однако по счастливому стечению обстоятельств остается жив. Его поступок был истолкован как нападение на советскую власть, но все же он не был арестован. В середине декабря он направляет открытое письмо, в котором заявляет, что занимал неправильную позицию, что его произведения носили националистический характер, однако, что особенно важно, в этом письме, он никого не обвиняет и не упоминает никаких имен. Этот случай оказал на него огромное

³⁶⁹ Государственное политическое управление при Центральном исполнительном комитете (правительстве) БССР. Прим. Автор перевода.

³⁷⁰ Как умер Купала? Про травлю, попытку самоубийства, творчество и события в гостинице Москва // БелТА. <https://belta.by/video/getRecord/11712/> (дата обращения: 11.04.2026).

³⁷¹ Ученый секретарь Государственного литературного музея Янки Купалы в г. Минск, Беларусь.

влияние.³⁷² Купала в 1930 году сохранил свою лирику, поскольку знал, «того, чего нет в жизни и в прошлом, нет и в поэзии: написанное остается записанным (...) Основное свойство текста – как блестяще показал Кафка в известной главе «Процесса», «В соборе» – это неизменность».³⁷³ А Купала прежде всего стремился сохранить свое творчество, чтобы оно стало тем, чем сегодня и является, – наследием. Оказавшись, подобно Йозефу К., в том же парадоксальном процессе, верится, что несмотря на внутреннее знание о том, что его подстерегает гибель, Поэт сохранил то, что для него было самым важным, но цену за это заплатил никто иной, как он сам.³⁷⁴

На упомянутых постоянных вопросах одним из оснований для подозрений в адрес Купалы стало совпадение публикации его стихотворения «Пророк» (1912) с приездом Юзефа Пилсудского в Минск. Купала в 1912 году публикует стихотворение «Пророк»,³⁷⁵ весьма любопытное и сложное, поэтому хочется обратиться к некоторым основным элементам его мотивов. А именно, купаловский «Пророк» обнаруживается в лермонтовском настроении одноименного стихотворения:

Лермонтов: «С тех пор как вечный судия/ Мне дал всеведение пророка,/ В очах людей читаю я/ Страницы злобы и порока.» (М. Ю. Лермонтов, «Пророк», 1841).

Купала: «Среди насмешек и обмана,/ Прижавши знак к груди своей,/ Пророк шел тропкою песчаной/ С наукой новой для людей.»

Однако в дальнейшем нарративном развитии обнаруживается существенное различие: лермонтовский пророк, изгнанный людьми,

³⁷² Там же.

³⁷³ Ерков Александар. Смысл (сербского) стиха, Само/оспорение. Белград: Институт литературы и искусства, 2010. С. 49–50.

³⁷⁴ «Купала погиб в московской гостинице при невыясненных обстоятельствах – упал с лестницы десятого этажа. Он был похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве, а в июле 1962 года урна с прахом Янки Купалы была перевезена в Минск и помещена на Военном кладбище. Существуют три версии его смерти: несчастный случай, самоубийство, убийство». Чарота Иван А. (сост.). Наследие. Избранные произведения величайшего белорусского поэта / Янка Купала. Белград: Алма, 2020. С. 7.

³⁷⁵ В русской литературе к теме пророка обращались многие поэты: Г. Р. Державин *Властителям и судиям*, А. С. Пушкин *Пророк*, В. К. Кюхельбекер *Пророчество*, Н. А. Некрасов *Пророк*, Д. С. Мережковский *Пророк Иеремия*, А. Белый *Раздумье*, С. А. Есенин *Поэт*, Б. Л. Пастернак *Тема с вариациями*, Е. А. Евтушенко *Поэт в России больше, чем поэт*.

уходит в пустыню, где обретает гармонию с живыми существами и космосом, тогда как купаловский пророк проявляет стойкость, решимость и боевой дух.

«А он, не знаячи границ,/ Шел и был на бок накренен;/ Сиял огонь его зениц,/ Великих правд святой огонь./ Душа пылала чудным жаром,/ Как сотканная звездой нить,/ Что мир смогла б своим пожаром/ Затмить, до солнца воскресить.

Со своим «призывным словом» он стал широко известен и: «Толпой народ будил к дням новым/ И братскую дал славу братьям».

В строгой ангельской иерархии такого же рода воинственность обнаруживается у Архангела Михаила. Подтверждением того, что текст уместно интерпретировать в данном ключе, является первый стих девятой строфы: «Пророк – посланник света – отрешенный»: именно Архангел Михаил спасает многих ангелов, отступивших от Бога, а о его силе свидетельствует и само имя – на еврейском: מִיכָאֵל (Михаэль) – «кто как Бог», «равный Богу». В христианской иконографии он изображается как небесный воин в боевом облачении, с мечом, копьем и злым духом, который окован цепями и лежит у него под ногами.³⁷⁶

В дальнейшем нарративном развитии пророк, «увенчан славой», приходит к людям, «Где царство тьмы уж восседало/ Палач над палачом навис». Он застаёт народ в состоянии утраты, как этнического, так и этического энтузиазма: «Народ уставший того края,/ Имен своих даже не зная,/ Как рухлядь старя, гнилая/ Со света гинут, исчезают».

³⁷⁶ Св. Дионисий Ареопагит, ученик апостола Павла – того апостола, который был вознесен до третьего неба, описал девять ангельских чинов в книге «О небесной иерархии». Эти чины таковы: шестокрылые Серафимы, многоочитые Херувимы и богоносные Престолы, Господства, Силы и Власти, Начала, Архангелы и Ангелы. Воеводой всего ангельского воинства является архистратиг Михаил. Когда сатана, Люцифер, отпал от Бога и повлек за собой в погибель часть ангелов, тогда Михаил восстал и возгласил перед неотступившими ангелами: «Вонмем! Станем добре, станем со страхом!» И все небесные воинства верных ангелов громогласно воспели: «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф, исполнь небо и земля славы Твоя!» (См. об архангеле Михаиле: Ис. Нав. 5:13–15; Иуд. 9). Среди ангелов царят совершенное единомыслие, единодушие и любовь, а также полное послушание низших чинов высшим и всех вместе – святой воле Божией.

Святитель Николай Жичский. Охридский пролог // Сербская православная епархия Жичская. <https://eparhija-zicka.rs>

То, что еще ранее мы определили в тексте как народную пассивность, агонию и летаргию, поэт формулирует следующим образом: *«И головы склонили люди,/ Копая землю, как кроты/ В ночной тиши они все губят,/ Свои желанья и мечты.»*

Поэтический образ склоненных голов и вертикали, направленной к земле и в землю («как кроты»), представляет собой тот духовный этический эйдос – отчаяния и безнадежности. Народ, которого встречает пророк-поэт, – на самом деле свой народ, – он застает как существ, лишенных достоинства, чье духовное падение обозначено переходом в мир иной («в землю»), которому они по своей сути и природе не принадлежат. В этом исчезновении человеческого облика (у)теряны и все желанья, а вместе с ними и агон, необходимый для жизни. Тишина, которую мы застаем, не является обычной: она одновременно «ночная» (то есть темная), но в то же время и «мертвая». Тем самым интенсивность агонии предельно радикализируется.

Именно в этом месте поэмы «пророк – посланник света», «людей увидевши таких/кричать им стал умалишенно»: поэтическая динамика достигается не только глаголом «кричать», который семантически указывает на некую спешку и страх, но и контрастом между «светлым» Божиим пророком-поэтом и народом – толпой, которая оцепенело скользит (по принципу контраста) в хтонический мир. Затем следует призыв, зов и, по сути, борьба с «дьяволом».

Неслучайно внушительным рядом (из восьми строф) чрезвычайно выразительных поэтических образов пророк-поэт стремится пробудить, побудить и вдохновить обезглавленный и апатичный народ: *«Восстаньте, рабские натуры,/ Прервите свой извечный сон,/ Заговорите вихрем, бурей,/ Чтоб содрогнулся ваш полон!»* Именно пророк находит людей в состоянии полной несвободы, за которую осуждает их самих. Высокая моральная провокативность проявляется в упоминании предков, являющихся святыней, реликвией нации, в отличие от которых, он называет людей «погубленными гостями», «проклятьем» на земле. Вместе с тем предельная динамика интериоризируется только личностью пророка. В этой диалогической структуре четко очерчены две силы – крайняя энергичность и возбужденность, но также и страх пророка – в противовес молчанию (которое длится все 17 строф) бездеятельного и инертного народа.

Затем, в 13-й строфе, пророк преимущественно указывает на проблему вины: *«Забыли все, сгубили долю,/ Смешали с грязью славы цвет./ Себя продали вы в неволю,/ Души и тела больше нет.»* В

сложившейся тягостной атмосфере темницы главным образом обнаруживается внутренняя вина. Иными словами, люди слабы не потому, что героически пострадали от врага, который надел на них «ярмо»; из строки о том, что они «продались в рабство», мы в полной мере убеждаемся в том, что они сами склонили головы в ярмо – за (некую) цену. Если они «смешали с грязью славы цвет», значит некогда были способны к славе, действительно ею обладали и по собственной вине ее утратили. Следовательно, некая внутренняя темная сила (дьявольщина) фактически подтачивает их сущность. Именно поэтому привлечена сила света – пророк Михаил, воин и воевода. Но пророк есть и поэт, ибо только Пророки и Поэты (какой бы ни была цена) глаголят истину. И пушкинский, и лермонтовский пророк, несмотря на существенно отличающиеся концепции, в значительной мере интерпретируются в библейском контексте. И, хотя этот мотив особенно важен для романтической поэтики, символ пророка носит характер вневременной и классический, а у Янки Купалы он еще и необыкновенно выразителен, красноречив и горяч.

Он говорит: «Вы факелы в руках сожмете,/ Чтоб встать, идти, ночь освещать!/ Что вы сегодня не возьмете,/ Того и завтра вам не взять.» Пророк, по сути, приходит в судный час, в predetermined момент: не только потому, что люди находятся на пороге гибели, но и потому, что именно этот момент он называет судьбоносным. Отсюда и мотив огня – он и горит, и «освещает». Пророк – это их Вождь и Предводитель, а его риторика носит воинственный характер: «И дайте знать другим народам,/ Что еще сильный вы народ!/ За мной, за мной, запрета люди!/ Судьбой я доброй послан к вам/ Что было знаю и что будет,/ И вас в обиду я не дам». Как Архангел Михаил, «равный» Богу, он знает истину и стремится вести их за собой. А после на «великую обеспокоенность» пророка следует ответ народа: последняя строфа является финалом и до известной степени кульминацией этого необычного и сложного стихотворения:

«А люди, глянувши на солнце,/ Ему ответили толпой:/ – А сколько дашь ты нам червонцев,/ Если мы пойдем за тобой?»

Обращение взгляда к солнцу (предположительно прищуривание) представляет собой живую гоголевскую картину обыденной праздности. Это указывает на высшую степень иронии еще до того, как она будет (вы)сказана словами: предшествующий пламенный монолог пророка «стадо» слушало не просто в полусонном состоянии, но было совершенно незаинтересованным – за исключением

одного: какую «прибыль» из этого всего можно извлечь. Поэт использует «червонцы» неслучайно: они являются аналогией тридцати сребреников, за которые Иуда предает Христа, но одновременно и метафорой продажи души дьяволу. Ответ дается самим «стадом», без остатка – без единого «избранного». Поэт еще ранее, в 13-й строфе, говорит, что они «продались в рабство», – следовательно, сам финальный акт уже не является полной неожиданностью.

С учетом перспективы композиции последняя строфа единственная, в которой мы видим и слышим народ; его появление здесь максимально редуцировано, но именно эта эксклюзивность указывает на (сверх)необычайный смысловой и символический уровень. Эта искусно сконструированная, живо ироничная поэтическая картина одним коллективным движением (которое своей формой обнаруживает пустоту – взгляд на солнце) и одной фразой раскрывает всю суть, что и является мастерским художественным приемом.

Это стихотворение представляет собой апологию купаловского антропологического и национального пессимизма. Неслучайно этот пессимизм достигает своей вершины не в классическом философском стихотворении (которых так много у упомянутого Лермонтова) – как сомнение в ценности человеческого рода как такового, как постановка вопроса о его изначальных ценностях и фундаментальных категориях бытия. В контексте нашей темы и рассмотрения патриотической поэзии Купалы, его этического и эстетического сознания сужение данной критической психологии до уровня народа приобретает особую значимость и двоякий смысл: она является насколько критической, настолько и пробуждающей. Ибо всякая конверсия естества, а значит и коллективного сознания, должна иметь исходную точку в столкновении с его глубочайшими безднами, страхами и пропастями. Лишь в этом столкновении может начаться подъем его духа и достоинства. Подробный текстуальный анализ данного стихотворения, разумеется, требует значительно большего пространства. Мы в данном случае ограничились одной перспективой, чей герменевтический горизонт обращен к Ф. М. Достоевскому, к «Великому инквизитору» и особенно – к понятию свободы. Но эта взаимосвязь станет уже темой следующей работы.

В тексте о Янке Купале профессор Чарота, в частности, пишет, что отношение людей к поэту «определяется прежде всего тем, как он относится к Божьему дару – насколько осознает свое призвание, как распоряжается полученным даром и как исполняет то, что ему

предначертано волей Небес».³⁷⁷ Рассматривая вещи таким образом, в соответствии с внутренней сущностью, Янка Купала был крестonosным поэтом-пророком, которого даже строители бюрократического государства не смогли отвратить от самого главного – от верности своему творческому призванию, несмотря на то что цена этого оказалась (пре)огромной.³⁷⁸ И данный аспект его светлой личности, данная нравственная осознанность позволили ему остаться «недвижимой точкой традиции» – классиком белорусской литературы. Однако это воплощение в культуре было бы невозможно без духовной диалогической позиции, без того глубинного патриотического импульса, который пылал в большом славянском, белорусско-сербском сердце – профессоре и выдающемся человеке Иване Алексеевиче Чароте.

ЛИТЕРАТУРА

- Bilington Džejms. *Ikona i sekira*. Beograd: Rad, 1988.
- Jerkov Aleksandar. *Smisao (srpskoq) stiha, Samo/osporavanje*. Beograd: Institut za književnost i umetnost, 2010.
- Jerkov Aleksandar. *Tajna Evrope i srpska književnost (Apokritpika)*. Beograd: Albartos Plus, 2023.
- Как умер Купала? Про травлю, попытку самоубийства, творчество и события в гостинице Москва // Белта. URL: <https://belta.by/video/getRecord/11712/> (дата обращения: 04.04.2026).
- Лазаревич Даяна М. Сербско-белорусские научные и культурные связи: избранная персоналогия народной дипломатии // Ноосферные исследования. 2025. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/serbsko-belorusskie-nauchnye-i-kulturnye-svyazi-izbrannaya-personologiya-narodnoy-diplomatii> (дата обращения: 04.04.2026).
- Ломпар Мило. *Црњански – биографија једног осећања*. Нови Сад: Православна реч, 2018.
- Раичковић Стеван. *Словенске риме*. Београд: Издавачко предузеће Рад, 1976.
- Свети Николај Жички. *Охридски пролог. Свети архангел Михаил и остале силе Небесне бестелесне* // Српска православна епархија Жичка, 2022. URL: <https://eparhija-zicka.rs> (дата обращения: 04.04.2026).
- Сибиновић Миодраг. *Поетика и поезија*. Београд: Књижевна заједница Звездара, 1990.
- Чарота Иван А. (прир.). *Наслеђе – избор из поезије највећег белоруског песника / Янка Купала*. Београд: Алма, 2020.

³⁷⁷ Чарота Иван А. (сост.). Наследие. Избранные произведения величайшего белорусского поэта / Янка Купала. Белград: Алма, 2020. С. 107.

³⁷⁸ Там же. С. 113–114.

Чарота Иван А. *Видици једног Белоруса – Белосрбина, есеји и студије*.
Институт за политичке студије, 2023.

Ivana Bozovic

Doctor of Philological Sciences, Associate Professor
Faculty of Philosophy, University of Prishtina
(temporarily seated in Kosovska Mitrovica), Serbia

THE POETRY OF YANKA KUPALA AS THE HABITAT OF THE “LAND UNDER THE WHITE WINGS”

Summary

This paper examines the poetic dialectic of the Belarusian poet and classic writer Yanka Kupala (1882-1942), who regarded “his poetic work as the foundation of his own identity”. The corpus analysed in the paper is defined by a chrestomathy – a selection of poems written between 1905 and 1941 under the title “Heritage”, compiled by Prof. Ivan Alexeyevich Charota (1952–2024), the foremost Yugoslavist in Belarus, a comparatist and culturologist. Although Belarusian by origin, he possessed a distinctly pan-Slavic spirit, within which Serbian culture and language held a special place. Therefore, our sense of pride and scholarly debt toward him is particularly strong.

Kupala’s life and poetic path coincided with the birth of the Belarusian state and the period of its turbulent and dramatic national formation. During these years of tectonic historical and political change, he “had to make a choice of his life and creative path”. Kupala’s merits and influence on the ideological orientation of Belarusians were immense: he was an active participant in the major historical movements of the early 20th century, a committed cultural and social activist, and one of the founders of the institutional and intellectual life of his country. Special attention is devoted to the hermeneutic code of patriotic poetry, within which three dominant principles may be observed, i.e. three forms of patriotic eros. Our analytical focus is narrowed to the poem *The Prophet* (1912), in which a pronounced anthropological pessimism is manifested.

Keywords: Janka Kupala, Ivan Charota, Belarusian classical literature, the dialectics of Janka Kupala’s poetry.

На конференции в Институте политических исследований, 2024 год.

У церкви Святой Троицы в Белграде, участники конференции 2024 г.

ОЧЕРКИ О ТВОРЧЕСТВЕ ИВАНА ЧАРОТЫ

Людмила Сергеевна Циманович³⁷⁹

кандидат филологических наук

Автор и редактор обучающего портала serbian-fluently.ru

Иордания

И. А. ЧАРОТА КАК ОСНОВОПОЛОЖНИК БЕЛОРУССКОЙ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ШКОЛЫ С СЕРБСКОГО ЯЗЫКА³⁸⁰

Историю переводов с сербского языка на белорусский можно условно начать с адаптации текста жития Стефана Дечанского, о котором на восточнославянских землях узнали благодаря просветительской работе южнославянских монахов. Духовная связь с данным переложением прослеживается уже в современной фазе активного знакомства белорусскоязычных читателей с произведениями сербской словесности. Без сомнения, данная фаза начинается трудами Ивана Алексеевича Чароты: из-под его пера вышли десятки переводов, включая произведения художественной литературы, публицистические работы, труды православных религиозных мыслителей, научные статьи по филологии.

Важной составляющей своей переводческой деятельности Иван Алексеевич видел передачу опыта и знаний для того, чтобы литературные контакты между Беларусью и Сербией не прекращались. Будучи ученицей профессора И. Чароты, чем я очень горжусь, в данной работе хочу указать на те принципы, на которых основывалась его переводческая концепция: от выбора произведений для «пересадки» на «почву» другого языка до нюансов подбора лексики, чтобы «сербскость» оставалась ощутимой восточнославянскому читателю.

Йово Байич в интервью с Иваном Алексеевичем в 2024 году назвал его «белосербом».³⁸¹ Данное определение, на наш взгляд, очень

³⁷⁹ liudmila.tsimanovich@gmail.com

³⁸⁰ Данная статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта Синодальной исторической комиссии (01.12.2025–01.12.2026).

³⁸¹ Бајић Јово. «Белорус» и «Белосербин у једном даху», први део: Интервју с И. Чаротой // Печат, бр. 809, 2024. С. 30-34

ёмко отражает характер профессора: ему были присущи многие черты, отражающие сербскую идентичность.

Йован Марич в исследовании сербского национального характера³⁸² указывал на консервативное мировоззрение, присущее сербскому народу, а также на настороженность и недоверие по отношению к прогрессу. Данная черта была характерна и для профессора Чароты: будучи студентами 18–20 лет, например, мы не понимали, почему Иван Алексеевич отказывается пользоваться мобильным телефоном или не доверяет источникам из интернета, требуя ссылаться на бумажные издания. Со временем пришло понимание, что эти поступки были не чудачеством гения, а умением видеть сущность происходящего в перспективе — всё-таки «что написано пером, не вырубишь топором», как гласит народная мудрость. Цифровизация не всегда направлена на комфорт потребителей, а часто преследует цель слежки, изменения информации, хранимой в электронном формате, или даже сокрытия определённых фактов. Вероятно, поэтому Иван Алексеевич очень осторожно относился к современной «модной» литературе, отрицающей духовность и восхваляющей «европейский гуманистический прогресс», «притупляющий в человеке чувство бессмертия».³⁸³ Данный принцип можно проследить и в переводческой деятельности профессора, в которой особое место отводилось работам сербских христианских философов.

Преимущество традиций средневековой славянской литературы для Ивана Алексеевича была очень важна, поэтому он настаивал на том, что знакомство с сербской словесностью должно начинаться с фольклора, хорошо сохранившегося на Балканах, в отличие от восточнославянской литературы, и с житий сербских святых, поскольку они содержат ключ к пониманию духовности сербского народа и последующей литературной классики (И. Андрич, П. Негош).

В формировании школы перевода с сербского языка в Беларуси особое место занимал, на наш взгляд, спецкурс «Художественный перевод», разработанный профессором И. Чаротой и апробированный на студентах специальности «Славянские языки и литература».

³⁸² См.: Marić J. Kakvi smo mi Srbi?: Prilozi za karakterologiju Srba. Beograd: BAREX, 1997. – 200 с.

³⁸³ Преп. Иустин Попович. Прогресс в мельнице смерти / перевод, послесловие и комментарии И. Чароты. Мн.: Прав. Брат. Архистрат. Михаила, 2001.

Мне довелось быть слушательницей данного спецкурса, поэтому хочу поделиться некоторыми фактами о том, как он проходил и какая атмосфера там царила.

На встречах в рамках спецкурса не просто обсуждалась теория перевода, но много времени уделялось практике. Надо отметить, что Иван Алексеевич умел мотивировать: переводы студентов не только хранились в документах кафедры «для галочки» — профессор находил способы публиковать их в виде научных изданий, сопровождая рецензиями. Это позволило информации о сербских традициях, обычаях, верованиях, важных духовных центрах и личностях попасть в ведущие библиотеки Беларуси, а значит, до сих пор учёные имеют к ним доступ.

В первую книгу с такими переводами (*Народ сербскі : яго абрады і звычаі, святы і святыні*)³⁸⁴ вошли фрагменты из трудов Вука Караджича и других авторов, касавшихся описания важных для сербской истории монастырей, символов и понятий (*босиљак, задужбина, моба* и др.), а также аутентичных сербских обычаев: празднования Рождественского сочельника, Рождества, Крещения, масленичной недели, Пасхи, дня Св. Георгия и др., то есть тех традиций, которые сербы отмечают иначе, нежели восточные славяне, что придаёт им национальное своеобразие.

Выполняя переводы, студенты отрабатывали навыки переложения прозаического текста публицистического жанра; при этом стиль некоторых оригиналов (переводы из сборников В. Караджича) отличались своеобразием сербского языка первой половины XIX века, когда только что победившая языковая реформа демонстрировала всё богатство народного выражения. С одной стороны, студенты работали не с художественным текстом, что облегчало задачу переводчика, но и не с полноценной современной научной публикацией, отличающейся канцелярскими штампами и сухим языком. Обязательным условием для участия в сборнике был перевод текста именно на белорусский язык — чтобы поддержать отечественную науку и фольклористику и пополнить их корпус таким ценным изданием.

В 2012 году из печати вышел второй сборник *Народ сербскі: яго абрады і звычаі, святы і святыні*, посвящённых исследованию сербского народа, в котором также часть текстов также студенты под

³⁸⁴ Народ сербскі : яго абрады і звычаі, святы і святыні / укладанне, каментарыі і агульная рэдакцыя І. А. Чароты. Мн.: РІВШ, 2006 – 99 с.

научным руководством Ивана Алексеевича.³⁸⁵ Книга продолжила знакомство читателей с верованиями и традициями сербов; также в неё были включены тексты, посвящённые важным для понимания сербского менталитета понятиям и символам, описанию монастырей и жизни сербских святых (неканонические жития), что всегда было предметом глубоких рефлексий профессора. При этом следует отметить, что доверить перевод такой серьёзной литературы молодым специалистам было достаточно рискованно. Однако под чутким руководством Ивана Алексеевича работа была выполнена на высоком уровне, доказательством чего стала публикация сборника в издательстве РИВШ, которое занимается изданием научных трудов, сопровождаемых высокими оценками авторитетных рецензентов.

Отдельно необходимо отметить скрупулёзность и внимание Ивана Алексеевича к любому тексту, который он получал на проверку: начиная от реферата первокурсника и заканчивая диссертацией. Нас, студентов, всегда очень удивлял вид наших работ, которые профессор возвращал после проверки: каждая страница была полна исправлений — даже описки, не говоря уже о грамматических и стилистических ошибках, а тем более неточностях содержания, не оставались им незамеченными. Это свидетельствует о отношении к любому тексту, воспринимаемому им как к одной из многочисленных ступеней в общении с Богом. Каждая такая ступень важна, особенно если человек решил стать филологом. Этой ответственностью перед «Словом» объяснялся выбор каждого текста для перевода или анализа, за который брался Иван Алексеевич, будучи большим противником рассмотрения материалов, где присутствует хоть малейшая глорификация «лукавого».

В рамках курса, где проходила подготовка упомянутых сборников, также рассматривался поэтический перевод. Когда речь шла о творчестве Петра Негоша, студентам было предложено задание попытаться переложить на белорусский язык отрывок из драматической поэмы «Горный венец» и передать всю полноту используемых автором средств художественной выразительности. По моим воспоминаниям, речь шла о монологе Кола «Бог се драги на Србе разљути...». Переложенные фрагменты зачитывались на семинаре, за круглым

³⁸⁵ Народ сербски: яго абрады і звычаі, святы і святыні = Народ српски: његови обреди и обичаји, светковине и светиње : зборник артыкулаў / склаў, частку перакладаў, каментарыі і агульную рэдакцыю здзейсніў І. А. Чарота. Вып. 2. Минск: РИВШ, 2012. – 117 с

столом, во главе которого сидел профессор И. Чарота, на кафедре славянских литератур филологического факультета БГУ. Анализировались конкретные удачные и менее удачные моменты. Общей оценки Иван Алексеевич не давал, дабы избежать излишней критики и не отбить тягу к подобному занятию. На мой, тогда ещё неопытный, взгляд, перевод фрагмента, выполненный Мариной Скаскевич, выпускницей славистического отделения 2006 года, был весьма качественным с точки зрения тональности и сохранения содержания оригинального текста. Однако Иван Алексеевич был скуп и на похвалу, и на критику, и часто основной оценкой ценности поэтического перевода оставалось: «Надо ещё подумать, вероятно, существуют варианты лучше». Эти строгие критерии он применял в первую очередь к самому себе как к переводчику. Лирическое произведение для профессора всегда было «цветком», который при переложении на другой язык должен адаптироваться в «новой почве», где «мутации» неизбежны, а риск «не прижиться» велик. Тем не менее корпус переводческого наследия Ивана Алексеевича значителен; при этом не менее важной его заслугой является подготовка достойных учителя учеников, среди которых стоит выделить переводчиков Алексея Ивановича Чароту и Даяну Лазаревич, чьи работы пополняют фонд белорусскоязычных исследований по сербистике, а также знакомят сербского читателя с белорусской литературой.

ЛИТЕРАТУРА

- Бајић Јово. «Белорус» и «Белосрбин у једном даху», први део: Интервью с И. Чаротой // Печат, бр. 809, 2024. С. 30-34
- Marić J. Kakvi smo mi Srbi?: Prilozi za karakterologiju Srba. Beograd: BAREX, 1997. – 200 с.
- Народ сербскі : яго абрады і звычаі, святы і святыні / укладанне, каментарыі і агульная рэдакцыя І. А. Чароты. Мн.: РІВШ, 2006 – 99 с.
- Народ сербскі: яго абрады і звычаі, святы і святыні = Народ српски: његови обреди и обичаји, светковине и светиње : зборник артыкулаў / склаў, частку перакладаў, каментарыі і агульную рэдакцыю здзейсніў І. А. Чарота. Вып. 2. Минск: РІВШ, 2012. – 117 с
- Преп. Иустин Попович. Прогресс в мельнице смерти / перевод, послесловие и комментарии И. Чароты. Мн.: Прав. Брат. Архистрат. Михаила, 2001.

Иван Чарота, Даяна Лазаревич и Зоран Милошевич в ресторане на Скадарлии, в феврале 2024 года.

Радомир Андрич³⁸⁶

Союз писателей Сербии
Белград, Сербия

МОЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ СОБЕСЕДНИК ИВАН А. ЧАРОТА³⁸⁷

В круге моего многолетнего литературного именника отдельные личности присутствуют постоянно и, безусловно, обладают чем-то драгоценным, с неизгладимыми свойствами на указателе пути к вековым истокам поэтического языка. Одной из таких личностей является Иван А. Чарота, литературный подвижник из Беларуси (славист и сербист, исследователь и надежный толкователь взаимной культурной связности восточных и южных славян, переводчик и автор многих эссе и исследований), белорус и белосерб по всеобъемлющим устремлениям к осмыслению духовного единства Беларуси и Сербии – собственно, всего того, что поэтическому высказыванию позволяет более полно приблизиться к благодатной силе Всевышнего Творца, как этот мыслитель любил говорить, размышляя о сущности поэзии и духовности.

Впрочем, с наших первых встреч и разговоров это имело основу возможных совместных начинаний, при том, что определенные пробелы в прежние годы несомненно являлись недостатком для более деятельного сотрудничества. Тем самым мы становились собеседниками в разговорах о значении православия и вообще духовной поэзии в белорусской и сербской литературной традиции, в народном творческом существе в той же мере, как и в художественных достижениях.

В то время, в конце двадцатого века и начале двадцать первого, мы здесь не слишком хорошо знали поэзию Янки Купалы, Якуба Коласа, Максима Богдановича и других лириков, утвердивших

³⁸⁶ radomirandric3@gmail.com

³⁸⁷ Данная статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта Синодальной исторической комиссии (01.12.2025–01.12.2026).

самобытное белорусское поэтическое слово. Правда, некоторые стихотворения были переведены благодаря профессору Миодрагу Сибиновичу и поэту Момчилу Джерковичу, и большее внимание к белорусской поэзии, в контексте наиболее значимой славянской поэзии, уделила антология поэта Стевана Райчковича, в которой были опубликованы и несколько стихотворений Янки Купалы.

Также писатель Милорад Р. Блечич договаривался с Иваном Чаротой о более широком отборе белорусской поэзии. К сожалению, эта идея не была осуществлена, в том числе из-за незаинтересованности издателей или, скорее, вследствие преждевременной смерти выдающегося литературного критика Блечича.

Иван А. Чарота неустанно и с большим количеством аргументов выступал за осуществление этой идеи. Союз писателей Сербии и Посольство Республики Беларусь более интенсивно сотрудничали во время Дней святых Кирилла и Мефодия. По этому поводу в Белград приезжали белорусские поэты и переводчики, среди которых, конечно, был и Иван Чарота, описывавший литературный обмен, визиты и знакомство наших народов.

Так мы узнавали о сотрудничестве в прежние века и о немаловажной работе отдельных подвижников культуры, о духовных ценностях, без которых идентичность белорусов и сербов не имела бы более заметного места в до сих пор сложившейся истории. Иван Чарота напомнил нам текстами о деятельности просветителя, философа и богослова Михаила Козачинского (1699–1755)³⁸⁸, родом из Беларуси, и богослова и историка Иоанна Пичеты (1844–1920),³⁸⁹ родом из Герцеговины. Статьи о них в значительной мере прояснили времена, в которых они жили, и их вклад в белорусскую, соответственно сербскую, национальную историю и культуру.

Особенно мне было интересно житие Иоанна Пичеты и его сына Владимира, поскольку корни и моих предков находятся в Герцеговине. Иван Чарота с большим знанием писал об их значительном вкладе в собственную национальную идентичность.

³⁸⁸ Чарота Иван А. Михаил (Мануил) Козачински (1699-1755) у историји Србије и Белорусије // Светост и идентитет – Улога светаца и светости у формирању идентитета православних народа. Београд: Институт за политичке студије, 2020. стр. 139-156.

³⁸⁹ Чарота Иван А. Јован Пичета (1844–1920) – богослов, историчар, отац знаменитог историчара // Летопис Матице српске, књ. 503, св. 6, 2019. стр. 818-843.

Также этот подвижник не обходил в наших беседах здесь, в Белграде, и несколько позже в Минске сопоставление с собственными поэтическими установками в двойной оптике: будь то в своих текстах или в весьма значительной переводческой работе, не пренебрегая и эмоциональными причинами.

Однажды он был у меня в гостях – в квартире в районе Петлово брдо, где мы разговаривали главным образом о поэзии и значении языка для передачи всех тех характеристик, порой непередаваемых. Когда я провожал его, мы остановились у моего дома... Он вдруг прослезился. Я подумал, что задел его. Он сказал: «Молчи и слушай». Я не понял, к чему относится эта его фраза, и спросил: «Что слушать?» Он ответил: «Сверчков...» Сверчков, которых теперь больше нет в его родном краю – после катастрофы на Чернобыльской атомной станции. Мой друг Иван плакал по сверчкам.

Об этом я написал несколько стихов... Общение продолжилось по поводу публикации «Антологии белорусской христианской поэзии» (2019),³⁹⁰ которую он долго готовил, а стихи перевела на сербский язык Даяна Лазаревич.

Этот текст о нашей литературной дружбе не может быть завершён, особенно если знать, что Иван А. Чарота, трудолюбивый учёный, академик, переводчик и писатель, прежде всего мой доблестный соратник и собеседник из незабвенного, озарённого неисчерпаемым духовным светом, здесь и там, где мы ещё не побывали, хотя бы немного счастливее быть в высказываниях вслух или ещё более во всём том недосмотренном сне...

ЛИТЕРАТУРА

- Чарота Иван А. Михаил (Мануил) Козачински (1699-1755) у историји Србије и Белорусије // Светост и идентитет – Улога светаца и светости у формирању идентитета православних народа. Београд: Институт за политичке студије, 2020. стр. 139-156.
- Чарота Иван А. Јован Пичета (1844–1920) – богослов, историчар, отац знаменитог историчара // Летопис Матице српске, књ. 503, св. 6, 2019. стр. 818-843.
- Чарота Иван А. (прир.). Антологија белоруске хришћанске поезије / прев. Дајана Лазаревић. Београд: CompuTeh, 2019.

³⁹⁰ Чарота Иван А. (прир.). Антологија белоруске хришћанске поезије / прев. Дајана Лазаревић. Београд: CompuTeh, 2019.

*Последняя фотография в Белграде, 23 февраля 2024 года.
Фото: Д. Лазаревич.*

Антоний Миронович³⁹¹

Университет в Белостоке

Белосток, Польша

**ИВАН ЧАРОТА КАК ПЕРЕВОДЧИК НОВОГО ЗАВЕТА И
ЦЕРКОВНЫЙ ИСТОРИК**³⁹²

Перевод, особенно литературных и исторических текстов, предполагает особый вид ответственности, который требует преданности переводчика, хорошего знания языка, с которого осуществляется перевод, и культуры народа, язык которого используется. Без этой основы перевод не может быть достаточно качественным и достоверным, а также не способен дать представление о духе и сущности оригинального текста.

Одним из самых сложных переводческих предприятий, безусловно, является перевод Священного Писания, в котором профессор Иван А. Чарота принимал участие на протяжении целых 25 лет (1992–2017), без материального вознаграждения, исключительно во славу Господа и Православия. А именно, в 1992 году была сформирована рабочая группа по переводу Нового Завета, которую возглавлял протоиерей Сергей Гордун, а над текстом Нового Завета работали пять специалистов: научный секретарь Белорусской Библейской комиссии проф. д-р И.А. Чарота, выпускник филологического факультета и Духовной академии А. Почепко, кандидат филологических наук и фольклорист В. Василевич, выпускник филологического факультета и доктор Духовной академии А. Король, а также Т. Матрунчик, технический секретарь. Во главе Белорусской Библейской комиссии находился митрополит Филарет, который также курировал работу своей группы.³⁹³

³⁹¹ amir@uwb.edu.pl

³⁹² Данная статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта Синодальной исторической комиссии (01.12.2025–01.12.2026).

³⁹³ *Издательский совет БПЦ. Новы Запавет Госпада нашага Ісуса Хрыста //*
Издательский совет БПЦ. — Доступно на:

Этот научный труд был завершён в 2017 году, когда Белорусский экзархат Московского патриархата представил Новый Завет на белорусском языке — уникальное в православном мире научное издание, за которое Белорусская Библейская комиссия была удостоена почётной награды «За духовное возрождение» 9 января 2019 года. Награду вручил президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, обратившись к собравшимся на белорусском языке.

О своеобразии перевода Нового Завета³⁹⁴ на белорусский язык И.А. Чарота говорил следующее, описывая его природу и значение: «Абсолютно оправданно сказать, что это первый перевод, причём в следующем смысле. Ни один из ранее выполненных переводов не мог быть принят Церковью. Эти переводы были самостоятельными предприятиями и не предназначались для церковного употребления. Их выполняли писатели и филологи, но не богословы. А у нас, слава Господу, существовало соборное видение и соборный результат — соединение богословия и филологии, филологического и теологического подходов в добром согласии.

Существует ещё одно обстоятельство: прежние переводы имели различные конфессиональные ориентации. В отдельных переводах преобладает латинская, католическая традиция. Это касается и самого текста: посредническим языком в таких переводах был польский, лексика полонизирована и никоим образом не может быть приемлемой для православных.

Мы считали необходимым сохранить тот церковный язык, который сохранён в традиции самого народа. В отдельных прежних переводах появляется новотворчество, случайное творчество, а так быть не может, если народ никогда так не говорил и не будет говорить, поскольку невозможно навязать ему язык. Церковная традиция сильнее любых индивидуальных пожеланий. Поэтому всякое личное

<https://izdatsovet.by/index.php/katalogi/izdaniya-poluchivshie-grif-izdatelskogo-soveta-bpts/680-novy-zapavet-gospada-nashaga-iisusa-khrysta>

Лазаревіх Даяна. Новы Завет на беларуском језику – питање апсолутне преданості // *Звездані колодвор*, год V, бр. 18, 2019. – стр. 53.

³⁹⁴ Новы Запавет Госпада нашага Іісуса Хрыста / [па благаслаўленню Паўла, Мітрапаліта Мінскага і Заслаўскага, Патрыяршага Экзарха ўсяе Беларусі. ІС Б17-706-0102 ; пераклад з грэчаскай мовы на беларускую Біблейскай камісіі Беларускай Праваслаўнай Царквы ; адк. рэд. пер. протаіерэй Сяргій Гардун]. - Мінск : Прыход Свята-Петра-Паўлаўскага сабора : Медыял, 2017.

новотворчество, терминологическое экспериментирование в церковной сфере, попросту неприемлемо.

Ясно, что мы не претендовали и не претендуем на идеальность проделанной работы. Естественно, что она может и должна ещё исправляться. Мы многое исправляли и в ходе самого процесса работы. Перевод может и далее совершенствоваться. Но как этапный результат он существует — и слава Господу!»³⁹⁵

В церкви, которую проф. д-р И.А. Чарота посещал последние двадцать пять лет жизни, в Петропавловском соборе в Минске, было продано наибольшее количество экземпляров «Нового Завета Господа нашего Иисуса Христа». Книга была издана в роскошном кожаном переплёте и с позолоченными буквами на обложке, тиражом в 6000 экземпляров (из которых 500 предназначались для дарения).³⁹⁶

Ивана Чароту с полным правом можно рассматривать как «православного учёного». Этому способствует и его многолетнее исследование церковной истории, благодаря которому он был известен. Упомяну некоторые из важнейших научных результатов в этой области. Чарота был составителем сборника на белорусском и русском языках «Православие в славянских культурных традициях», который является результатом научно-практического семинара «Наследие святых братьев Кирилла и Мефодия» (Минск, 1996).³⁹⁷

В сотрудничестве с православными учёными из Польши, Анной Радюкевич и Виктором Волковым, Чарота перевёл с польского на русский язык каталог выставки «Православие в Польше» (2005).³⁹⁸

³⁹⁵ *Издательский совет БПЦ.* Академик Иван Чарота про уникальность перевода Нового Завета на белорусский язык // Издательский совет БПЦ, 2017. — Доступно на: <https://izdatsovet.by/index.php/component/k2/item/210-akademik-ivan-charota-pro-unikalnost-perevoda-novogo-zaveta-na-belorusskij-yazyk>

³⁹⁶ *Издательский совет БПЦ.* Новы Запавет Госпада нашага Ісуса Хрыста // Издательский совет БПЦ. — Доступно на: <https://izdatsovet.by/index.php/katalogi/izdaniya-poluchivshie-grif-izdatelskogo-soveta-bpts/680-novy-zapavet-gospada-nashaga-iisusa-khrysta>

³⁹⁷ Чарота І.А. Праваслаўе ў славянскіх культурных традыцыях : зборнік навукова-практычнага семінара „Спадчына святых братоў Кірыла і Мяфодзія і славянскія мовы“. Мінск : Беларускае Праваслаўнае Брацтва Трех Віленскіх Мучанікаў, 1996.

³⁹⁸ Радзюкевич Анна. Свет с Востока [Изоматериал] = Light from the East : [каталог выставки "Православие в Польше", октябрь 2005, Москва] / [перевод:

Сборник трудов, составленный Иваном Чаротой и использовавшийся также в учебных целях на факультете, — это «Сербский народ: его обряды и обычаи, святыи и святыни», на белорусском языке (Минск, 2009). Акцент сделан на сербских православных обрядах и народных обычаях при различных праздниках и торжествах.³⁹⁹

В сотрудничестве с коллегой Лидией Я. Кулаженко он составил сборник «Верные родительской вере», содержащий материалы международной церковно-научной конференции, посвящённой 400-летию со дня рождения святой Софии Слуцкой и 400-летию возведения Собора святых Петра и Павла в Минске (Минск, 2012).⁴⁰⁰

Одним из наиболее известных трудов Чароты во славу православия и белорусско-сербских церковных связей является и научная монография «Иоанн Пичета (1844–1920)», изданная в Минске в 2024 году.⁴⁰¹

Важно отметить, что Чарота, как исследователь церковной истории, был также противником униатства, выделяя его как большого врага православия. Он говорил, что униатство — это проблема не только прошлого, но и настоящего. Кратко изложим взгляды Ивана Чароты на униатство.

Чарота подчёркивал, что униатство не является аутентичным религиозным явлением белорусского народа, а прежде всего выступает как политический проект и средство религиозно-политического влияния, которое в истории нередко приводило к разделению и конфликтам. Следовательно, уния — это политически разрушительное, а не церковно-объединительное движение. Несмотря на (меньшую) часть белорусского населения, заблуждающуюся в вопросах веры, Чарота ясно утверждает: униатство не является национальной верой

Иван Чарота [и др.] ; [снимки: Виктор Волков [и др.]. Белосток : Фонд им. князя Константина Острожского, 2005.

³⁹⁹ Чарота І.А. Народ сербскі: яго абрады і звычаі, святы і святыні : зборнік артыкулаў. — Вып. 2 / склаў, частку пер., камент. і агул. рэд. здзейсніў І. А. Чарота. Мінск: РІВШ, 2009.

⁴⁰⁰ Чарота І.А., Кулажанка Л. Я. Верныя веры бацькоў : зборнік матэрыялаў царкоўна-навуковай канферэнцыі, прысвечанай 400-годдзю спачыну святой праведнай Сафіі Слуцкай і 400-годдзю заснавання Свята-Петра-Паўлаўскага сабора ў Мінску (Мінск, 3 мая 2012 г.). Мінск : Прыход Свята-Петра-Паўлаўскага сабора, 2013.

⁴⁰¹ Чарота І.А. Иоанн Пичета (1844–1920). Минск : БГУ, 2024.

белорусов, оно навязывалось насилием и общественно-политическим давлением и до сих пор представляет собой исключительно политический инструмент, направленный против национального и религиозного чувства белорусов. Тем самым уния приводит к ассимиляции народа, то есть к его растворению в других (враждебно настроенных) народах, которые будут противопоставлены православным братьям.⁴⁰²

Уния способствует дерусификации белорусов (а по замечанию Чароты, если у белорусов отнять «руса», что останется? Белое? А что это белое и кто тогда этот народ — белоамериканцы, белонемцы, белополяки?), то есть отрыву от своего происхождения, традиции, принадлежности к православной вере, а вместе с тем и от этнологических и этнических характеристик.⁴⁰³

Интерес к церковной традиции у Чароты проявляется и в области литературы. Например, в 2005 году в Минске вышла составленная им антология русской духовной поэзии «Слово и Дух»,⁴⁰⁴ а в 2018 году в Белграде — «Антология белорусской христианской поэзии», составленная Чаротой и переведённая Даяной Лазаревич.⁴⁰⁵ Сербская антология создана на основе двухтомника на русском и белорусском языках с тем же названием.⁴⁰⁶

⁴⁰² Чарота И.А. Уния и национальное самосознание белорусов – Доклад на международной научно-практической конференции «Русская цивилизация и Ватикан: неизбежен ли конфликт?» // РНЛ. https://ruskline.ru/analitika/2010/02/27/uniya_i_nacionalnoe_samosoznanie_belorusov/

⁴⁰³ Чарота И.А. Дерусификация как деформация самосознания белорусов // РНЛ. https://ruskline.ru/monitoring_smi/2015/08/20/derusifikaciya_kak_deformaciya_samosoznaniya_belorusov

⁴⁰⁴ Чарота И. Слово и Дух: антология русской духовной поэзии (XXX вв.) / И. Чарота. Минск : Издание Свято-Елисаветинского монастыря, 2005.

⁴⁰⁵ Чарота И.А. У сусрет Духу – антологија белоруске хришћанске поезије / прев. Дајана Лазаревић. Београд: Компутех, 2018.

Лазаревић Дајана. Белорус са српским срцем – Иван Алексејевич Чарота (1952–2024) // Књижевне новине, новембар 2024. – стр. 18.

⁴⁰⁶ Чарота И.А. Насустрэч духу : анталогія беларускай хрысціянскай прозы / [укладанне і прадмова І. А. Чароты ; мастак Ю. А. Тарэў]. Мінск : Ураджай, 2002.

С учётом изложенного в заключение отмечу, что Ивана Чароту можно рассматривать как исследователя церковной литературной традиции, церковной истории, глашатая борьбы против униатства и одного из научных переводчиков Нового Завета на белорусский язык.

ЛИТЕРАТУРА

- Издательский совет БПЦ.* Академик Иван Чарота про уникальность перевода Нового Завета на белорусский язык // *Издательский совет БПЦ*, 2017. – Доступно на: <https://izdatsovet.by/index.php/component/k2/item/210-akademik-ivan-charota-pro-unikalnost-perevoda-novogo-zaveta-na-beloruskij-yazyk>
- Издательский совет БПЦ.* Новы Запавет Госпада нашага Ісуса Хрыста // *Издательский совет БПЦ.* – Доступно на: <https://izdatsovet.by/index.php/katalogi/izdaniya-poluchivshie-grif-izdatelskogo-soveta-bpts/680-novy-zapavet-gospada-nashaga-iisusa-khrysta>
- Издательский совет БПЦ.* Новы Запавет Госпада нашага Ісуса Хрыста // *Издательский совет БПЦ.* – Доступно на: <https://izdatsovet.by/index.php/katalogi/izdaniya-poluchivshie-grif-izdatelskogo-soveta-bpts/680-novy-zapavet-gospada-nashaga-iisusa-khrysta>
- Лазаревіч Даяна. Беларус са српским срцем – Иван Алексејевич Чарота (1952–2024) // *Књижевне новине*, новембар 2024. – стр. 18.
- Лазаревіч Даяна. Нови Завет на белоруском језику – питање апсолутне преданости // *Звездани колодор*, год V, бр. 18, 2019. – стр. 53.
- Новы Запавет Госпада нашага Ісуса Хрыста / [па благаславенню Паўла, Мітрапаліта Мінскага і Заслаўскага, Патрыяршага Экзарха ўсяе Беларусі. ІС Б17-706-0102 ; пераклад з грэчаскай мовы на беларускую Біблейскай камііі Беларускай Праваслаўнай Царквы ; адк. рэд. пер. прагаіерэй Сергій Гардун]. - Мінск : Прыход Свята-Петра-Паўлаўскага сабора : Медыял, 2017.
- Радзюкевич Анна. Свет с Востока [Изоматериал] = Light from the East : [каталог выставки "Православие в Польше", октябрь 2005, Москва] / [перевод: Иван Чарота [и др.] ; [снимки: Виктор Волков [и др.]. Белосток : Фонд им. князя Константина Острожского, 2005.

Чарота І.А. Насустрэч духу : анталогія беларускай хрысціянскай прозы / [укладанне і прадмова І. А. Чароты ; мастак Ю. А. Тарэеў]. Мінск : Ураджай, 2001.

- Чарота І.А. Народ сербскі: яго абрады і звычаі, святы і святыні : зборнік артыкулаў. — Вып. 2 / склаў, частку пер., камент. і агул. рэд. здзейсніў І. А. Чарота. Мінск: РІВШ, 2009.
- Чарота І.А. Насустрач духу : анталогія беларускай хрысціянскай прозы / [укладанне і прадмова І. А. Чароты ; мастак Ю. А. Тарэеў]. Мінск : Ураджай, 2002.
- Чарота І.А. Насустрач духу : анталогія беларускай хрысціянскай прозы / [укладанне і прадмова І. А. Чароты ; мастак Ю. А. Тарэеў]. Мінск : Ураджай, 2001.
- Чарота І.А. Праваслаўе ў славянскіх культурных традыцыях : зборнік навукова-практычнага семінара „Спадчына святых братоў Кірыла і Мяфодзія і славянскія мовы“. Мінск : Беларускае Праваслаўнае Брацтва Трох Віленскіх Мучанікаў, 1996.
- Чарота І.А., Кулажанка Л. Я. Верныя веры бацькоў : зборнік матэрыялаў царкоўна-навуковай канферэнцыі, прысвечанай 400-годдзю спачыну святой праведнай Сафіі Слуцкай і 400-годдзю заснавання Свята-Петра-Паўлаўскага сабора ў Мінску (Мінск, 3 мая 2012 г.). Мінск : Прыход Свята-Петра-Паўлаўскага сабора, 2013.
- Чарота И. Слово и Дух: антология русской духовной поэзии (XXX вв.) / И. Чарота. Минск : Издание Свято-Елисаветинского монастыря, 2005.
- Чарота И.А. Дерусификация как деформация самосознания белорусов // РНЛ. https://ruskline.ru/monitoring_smi/2015/08/20/derusifikaciya_kak_deformaciya_samosoznaniya_belorusov
- Чарота И.А. Иоанн Пичета (1844—1920). Минск : БГУ, 2024.
- Чарота И.А. У сусрэт Духу – анталогія беларускае хрышчанскае поезіі / прев. Даяна Лазаревіч. Београд: Компутех, 2018.
- Чарота И.А. Уния и национальное самосознание белорусов – Доклад на международной научно-практической конференции «Русская цивилизация и Ватикан: неизбежен ли конфликт?» // РНЛ. https://ruskline.ru/analitika/2010/02/27/uniya_i_nacionalnoe_samosoznaniye_belorusov/

Игор Йорданов⁴⁰⁷

Геополитический исследователь

Институт международного права, безопасности и политики

Северная Македония

ИВАН ЧАРОТА И МАКЕДОНО-БЕЛОРУССКИЕ СВЯЗИ⁴⁰⁸

Иван Алексеевич Чарота (1952–2024) был профессором, доктором филологических наук, переводчиком, культурным деятелем и общественным мыслителем. Связи между Чаротой и македонской литературой и культурой представляют важную часть его более широкой славянской культурной деятельности. К сожалению, об этом очень мало говорится в македонских научных кругах, что мы попытаемся изменить данным кратким научным изложением.

Хотя он наиболее известен как сербист, Чарота проявлял глубокий интерес ко всем славянским народам, включая и македонский как часть одной более широкой группы – южнославянской. Он не углублялся в общественно-политическую проблематику, основываясь прежде всего на македонской народной литературе. Для нужд преподавания в Белорусском государственном университете в Минске были созданы его сборники «Югославянские сказки» (1999), «Языки всего живого: сербские народные сказки» (2007) и «Подарок от всего сердца: сказки славянских народов» (2013).⁴⁰⁹ За указанную книгу «Языки всего живого» Чарота получил Национальную премию за лучшую переведённую книгу с иностранного языка на белорусский и за

⁴⁰⁷ jordanovigor@gmail.com

⁴⁰⁸ Данная статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта Синодальной исторической комиссии (01.12.2025–01.12.2026).

⁴⁰⁹ Чарота І.А. (уклад.). Югаславянскія казкі : Зборнік. Мн, 1999.

Чарота І.А. (уклад.). Мовы ўсяго жывога : сербскія народныя казкі. Мінск : Мастацкая літаратура, 2007. Чарота І.А. (уклад.). Падарунак ад усяго сэрца : казкі славянскіх народаў. Мінск : Звязда, 2013.

лучшее иллюстрированное издание (2008).⁴¹⁰ И именно в этих книгах, которые использовались среди молодёжи как учебные пособия, и в отмеченных наградами коммерческих изданиях для широкой аудитории Чарота использовал возможность упомянуть македонский язык, литературу и культуру.

Останавливаясь на белорусско-македонских отношениях, Чарота говорил о белорусском Лавришевском Евангелии XIV века, которое возникло на основе сербской и македонской литературной традиции.⁴¹¹ Ссылаясь на митрополита Амфилохия и его труд «Возвращение души в чистоту», Чарота говорил о македонской стойкости в период Кукушской унии. Речь идёт о попытке Ватикана овладеть Охридом – очагом славянской письменности и культуры.⁴¹² С помощью французской дипломатии, священников-лазаристов, материальных средств и эмиссаров около 100 000 человек в Македонии было переведено в унию, однако большинство сумело вернуться в православие, так что попытка Ватикана была успешно предотвращена.⁴¹³

В рамках официальной биографии Чароты всегда отмечалось его знание македонского языка и перевод с него. Хотя основную часть своего внимания он посвятил сербистике, он следил и за литературной сценой в Македонии, периодически вступал в контакты с македонскими коллегами, обменивался опытом.

Кукушскую унию и борьбу македонского народа за сохранение своей веры, а не навязывание чужой Чарота чаще всего упоминал на традиционных ежегодных встречах в монастыре Жировичи (Минская духовная семинария), посвящённых митрополиту Иосифу (Семашко) и его борьбе против униатства среди православных народов.

После ухода Ивана Чароты в Беларуси навсегда угас голос единственного представителя македонско-белорусских литературных и культурных связей, однако его труды, особенно в плане осознания

⁴¹⁰ Лазаревић Дајана. У корак са проф. др Иваном Чаротом на 56. Београдским међународним сусретима писаца (приказ и разговори) // Књижевни преглед, год. X, бр. 22, 2019. стр. 107-116.

⁴¹¹ Чарота Иван А. Видици једног Белоруса-Белосрбина. Београд: Институт за политичке студије, 2023. стр. 23.

⁴¹² Радовић Амфилохије. Косово је глава Лазарева. Београд, Цетиње: Светигора, 2011. – стр. 170.

⁴¹³ Чарота Иван. Видици једног Белоруса-Белосрбина... – стр. 133-134.

красоты македонских народных сказок и мужества в защите Охрида в период Кукушской унии, навсегда остаются жить.

ЛИТЕРАТУРА

- Лазаревић Дајана. У корак са проф. др Иваном Чаротом на 56. Београдским међународним сусретима писаца (приказ и разговори) // Књижевни преглед, год. X, бр. 22, 2019. стр. 107-116.
- Радовић Амфилохије. Косово је глава Лазарева. Београд – Цетиње: Светигора, 2011.
- Чарота Иван А. Видици једног Белоруса-Белосрбина. Београд: Институт за политичке студије, 2023.
- Чарота І.А. (уклад.). Мовы ўсяго жывога : сербскія народныя казкі. Мінск : Мастацкая літаратура, 2007.
- Чарота І.А. (уклад.). Падарунак ад усяго сэрца : казкі славянскіх народаў. Мінск : Звязда, 2013.
- Чарота І.А. (уклад.). Югаславянскія казкі : Зборнік. Мн, 1999.

Саша Гайич⁴¹⁴Союз сербской диаспоры Словении
Любляна, Словения**ИВАН ЧАРОТА И СЛОВЕНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА**⁴¹⁵

Иван Алексеевич Чарота (1952–2024) был одним из наиболее значительных мировых исследователей сербской литературы и культуры. Он был профессором для своих студентов, выдающимся литературным переводчиком и культурным деятелем и оставил неизгладимый след в научных и культурных кругах. Чарота был основоположником научного осмысления белорусско-сербских литературных и культурных связей, и его работа способствовала большей видимости сербской культуры в Восточной Европе.

Заслуги Чароты следует рассматривать не только с точки зрения сербистики, но и в более широком славянском контексте. Это видно и по его кандидатской (“докторат”) диссертации, в которой он занимался восприятием Шолохова в югославских (!) литературах. Таким образом, как белорусского «югослави́ста», Чароту интересовали сербская, хорватская, словенская, македонская и болгарская литературы, а также влияние советской (прежде всего русской и белорусской) литературы на них.

До распада Югославии Чарота поддерживал связи со всеми южнославянскими литературами (и их авторами), а после распада в наибольшей степени сосредоточился на сотрудничестве с сербами. В его работах не было ненависти ни к кому, а в конце жизненного пути он подчёркивал, что многие формы сотрудничества в рамках СССР – СФР

⁴¹⁴ gajicsasa366@gmail.com

⁴¹⁵ Данная статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта Синодальной исторической комиссии (01.12.2025–01.12.2026).

Югославия были заранее предопределены: Россия с Сербией; Украина с Хорватией, а Беларусь со Словенией.⁴¹⁶

Через это «предопределённое» сотрудничество Чарота и вышел на контакт со словенской культурой и литературой. При этом, чтобы удовлетворить потребности преподавания на филологическом факультете, где он с 22 лет работал преподавателем, Чарота сначала занимался словенскими народными сказками (в контексте южнославянских). Так появились его сборники: «Югославянские сказки» (1999), «Языки всего живого: сербские народные сказки» (2007) и «Подарок от всего сердца: сказки славянских народов» (2013).⁴¹⁷

Чарота тонко понимал словенский язык, хотя тот никогда не был частью его основного исследовательского труда. Он понимал словенский язык в контексте других языков южнославянских народов и культур, тем самым представляя их целостность.

На вопросы о том, поддерживал ли он контакты со словенскими писателями, Чарота отвечал: «Да, до распада Югославии». А на уточняющий вопрос, что произошло после распада, простодушно отвечал: «Нет, прежде всего – по их воле, так как я не хотел навязываться. А другая причина – их негативное отношение к сербам и сербской культуре, к которой я уже был привержен...»

Тем не менее Иван Чарота всегда подчёркивал, что переводил произведения словенского академика, писателя и драматурга Драго Янчара (род. 1948).⁴¹⁸ Кроме Янчара, Чарота переводил на русский или белорусский язык также произведения Бена Зупанчича (1925 – 1980), Прежихова Воранца (1893 – 1950) и Йосипа Юрчича (1844 – 1881), которые в основном публиковал в литературной периодике.

Иван Чарота оставил большой след в литературе сербского народа, но не следует забывать и о его заслугах среди других

⁴¹⁶ Чарота Иван А. Белоруско-бугарске књижевне везе као одраз промене политике // Бугарско-српски односи – питања сарадње и перспектива / ур. Зоран Милошевић. Београд: Институт за политичке студије, 2024. стр. 308-309.

⁴¹⁷ Чарота І.А. (уклад.). Югославянські казки : Збірник. Мн, 1999.

Чарота І.А. (уклад.). Мови усього живого : сербські народні казки. Мінск : Мастацкая літаратура, 2007. Чарота І.А. (уклад.). Подарунок ад усяго сэрца : казки славянскіх народаў. – Мінск : Звязда, 2013.

⁴¹⁸ Мишин П.И., Сумко Е.В. История южных славян : учеб.-метод. комплекс для студентов специальностей 1-21 03 01-01 «История (отечественная и всеобщая)» и 1-02 01 02 «История. Дополнительная специальность». Новополюк : ПГУ, 2010. С. 26.

южнославянских народов.⁴¹⁹ Среди них находятся словенцы и Словения. Хотя в словенской культурной памяти не нашлось соответствующего места для великого представителя белорусской славистики, с научно-объективной точки зрения мы это место ему отдаём.

По этому случаю напомним слова Чароты о том, что из всех славянских государств только Словения и Словакия в названии страны сохранили след о нашем общем праистокке. Остаётся надежда, но не в том, что в будущем мы провозгласим себя братьями, а в том, что мы вспомним, что на самом деле таковыми и являемся.

ЛИТЕРАТУРА

- Лазаревић Дајана. Нова српска реч – Чарота – за 71. рођендан проф. др Ивана Чароте (16.09.2023.) // Суштина поезике бр. 79, 2023. стр. 115-118.
- Мишин П.И., Сумко Е.В. История южных славян : учеб.-метод. комплекс для студентов специальностей 1-21 03 01-01 «История (отечественная и всеобщая)» и 1-02 01 02 «История. Дополнительная специальность». Новополоцк : ПГУ, 2010.
- Чарота Иван А. Белоруско-бугарске књижевне везе као одраз промене политике // Бугарско-српски односи – питања сарадње и перспектива / ур. Зоран Милошевић. Београд: Институт за политичке студије, 2024. стр. 308-309.
- Чарота І.А. (уклад.). Мовы ўсяго жывога : сербскія народныя казкі. Мінск : Мастацкая літаратура, 2007. Чарота І.А. (уклад.). Падарунак ад ўсяго сэрца : казкі славянскіх народаў. – Мінск : Звязда, 2013.
- Чарота І.А. (уклад.). Югаславіянскія казкі : Зборнік. Мн, 1999.

⁴¹⁹ Лазаревић Дајана. Нова српска реч – Чарота – за 71. рођендан проф. др Ивана Чароте (16.09.2023.) // Суштина поезике бр. 79, 2023. стр. 115-118.

Эмил Миланов⁴²⁰

Генерал полиции

Министерство молодежи и спорта Республики Болгарии

София, Болгария

ИВАН ЧАРОТА И БОЛГАРО-БЕЛОРУССКИЕ СВЯЗИ⁴²¹

С белорусским филологом и мыслителем Иваном Чаротой я познакомился в феврале 2024 года, а именно на конференции «Болгаро-сербские отношения – вопросы сотрудничества и перспективы». Конференцию организовал д-р Зоран Милошевич, научный советник Института политических исследований в Белграде. Они с Чаротой были многолетними друзьями и деловыми партнёрами.

На этой конференции проф. д-р Иван Алексеевич Чарота выступил с интересным докладом «Белорусско-болгарские литературные связи как выражение изменчивой политики». ⁴²² Он изложил утверждения, которые были мало известны научной общественности, особенно болгарской. А именно, ответы о белорусско-болгарских связях следует искать в периоде социализма, когда Болгария неоднократно безуспешно пыталась стать 16-м членом Советского Союза. Да и до социализма – в кровавой жертве русского народа ради освобождения болгарского народа от турецкого ига. ⁴²³

Современная болгарская политика забыла о том, что болгарская земля усеяна костями русских воинов, павших за её освобождение от различных врагов. Чарота объясняет это через призму культуры. Уже в 1960-е годы в Болгарии появляется журнал «Летопис на дружбата», который заявляет о намерении укреплять связь между русским и

⁴²⁰ emilmilanov@abv.bg

⁴²¹ Данная статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта Синодальной исторической комиссии (01.12.2025–01.12.2026).

⁴²² Чарота Иван Алексејевич. Белоруско-бугарске књижевне везе као израз промене политике // Бугарско-српски односи – питања сарадње и перспективе / прир. Зоран Милошевић. Београд: Институт за политичке студије, 2024. стр. 307 – 318.

⁴²³ Там же. С. 309.

болгарским народами, а одновременно публикует тексты, искажённо изображающие исторические события.

Несмотря на многочисленные идеологические вопросы, Чарота утверждает, что в Советском Союзе болгарский народ считался братским, а этому в значительной мере способствовала и православная вера. Однако положительное отношение советского / русского народа к болгарскому меняется, когда Болгария выражает желание стать частью Европейского союза, который де-факто находится на противоположной стороне от СССР.⁴²⁴

Нестабильная политическая ситуация отражалась и на культурном сотрудничестве. Хотя белорусско-болгарские культурные связи существуют, они обусловлены политическими факторами и не имеют своего естественного континуума. Во время Советского Союза и т.н. русского «болгарофильства» сотрудничество интенсифицировалось, а литературно-переводческая функция с обеих сторон процветала. Советский Союз и в культурной сфере (как и в других сферах) вкладывал значительно больше в Болгарию, чем в СФР Югославию. После распада Советского Союза и вступления Болгарии в Европейский союз и НАТО сотрудничество по линии Болгарии и России / Беларуси сведено к минимуму и постоянно подвергается пересмотру.⁴²⁵

Чарота и сам в своей литературно-переводческой деятельности обращал внимание на болгарскую литературу и понимал болгарский язык. В его сборнике «Подарок от всего сердца: сказки славянских народов» (2013) включены и болгарские народные сказки.⁴²⁶

Как и многие другие учёные, в русской среде именуемые «православными учёными», и профессор Иван Чарота размышлял о феномене вступления Болгарии в Европейский союз и НАТО и её современной политике. Он отмечал, что в западном мире всегда создавался образ несоответствия и отсталости православных народов, делая акцент на России, Болгарии и Греции.⁴²⁷ Говоря об абсурдности болгарского стремления вступить в такие союзы, которые противоречат их национальным, культурным и религиозным интересам, Чарота

⁴²⁴ Там же. С. 311.

⁴²⁵ Там же. С. 314.

⁴²⁶ Чарота І.А. (уклад.). Падарунак ад усяго сэрца : казкі славянскіх народаў. Мінск : Звязда, 2013.

⁴²⁷ Чарота Иван А. Видици једног Белоруса-Белосрбина. Београд: Институт за политичке студије, 2023. стр. 96.

привёл один анекдотический рассказ: «Необычно пространную и живописную иллюстрацию всего этого недавно сыграло Евровидение: „братушка“ представитель Болгарии в Брюсселе плакал от радости, что его государство принято в НАТО и с тех пор „навсегда вместе“ с Турцией, которая болгарский народ пять столетий угнетала, а будет стоять против России, которая освободила их от турецкого ига».⁴²⁸

Реакция на современную политику Болгарии, вступление в НАТО и ЕС, а также противопоставление России (и Сербии, и всему, что является славянофильским) у Чароты представляет собой типичную реакцию «православного учёного». Этот русский термин «православный учёный» обозначает сторонников традиционного направления научной мысли, которое отдаёт предпочтение собственному по отношению к глобальному; славянофильскому или панславянскому по отношению к европейскому; и, соответственно, рассматривает как политическую и духовную ошибку Болгарии поворот спиной к своим славянским братьям и вступление в союзы, которые исключительно «ведут её к гибели».⁴²⁹

Исходя из этого, могу сделать следующее заключение. Иван Чарота был представителем традиционного направления, православным учёным, известным белорусским славистом и переводчиком, который работал над сближением восточнославянских и южнославянских народов. В рамках этих контактов он изучал белорусско-болгарские культурные связи. По его мнению, политические факторы чаще всего влияли на развитие белорусско-болгарских связей, а также на развитие русско-болгарских связей. Остаётся надеяться, что ситуация в будущем будет иной и что упомянутые вопросы из прошлого будут решаться.

ЛИТЕРАТУРА

- Милошевић Зоран и Лазаревић Дајана. Пропаст Бугарске у Европској унији. Београд: Институт за политичке студије, 2026.
- Чарота Иван А. Видици једног Белоруса-Белосрбина. Београд: Институт за политичке студије, 2023.
- Чарота Иван Алексејевич. Белоруско-бугарске књижевне везе као израз промевиве политике // Бугарско-српски односи – питања сарадње и

⁴²⁸ Там же. С. 112.

⁴²⁹ Милошевић Зоран и Лазаревић Дајана. Пропаст Бугарске у Европској унији. – Београд: Институт за политичке студије, 2026.

перспективе / прир. Зоран Милошевић. Београд: Институт за политичке студије, 2024. стр. 307-318.

Чарота І.А. (уклад.). Падарунак ад усяго сэрца : казкі славянскіх народаў. Мінск : Звязда, 2013.

Милутин Джюричкович⁴³⁰

Институт детской литературы
Белград

ИВАН ЧАРОТА И ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА⁴³¹

Хорошо известно, что славистика занимается не исключительно лингвистическими и литературно-историческими вопросами, но всё более подчёркивает роль и значение культурных посредников, обеспечивающих живую коммуникацию между славянскими народами. В этом контексте особое место принадлежит белорусскому филологу, переводчику и слависту профессору доктору Ивану Чароте (1952–2024), чья научная и культурная деятельность в значительной степени была направлена и на сербскую культуру и литературу. Как выдающийся литературный критик, историк, антологист и переводчик, он существенно обогатил современную славистику, а особенно белорусскую, русскую и сербскую литературу. За свой богатый и разнообразный научный и литературный труд он был удостоен многочисленных отечественных и зарубежных наград. Чарота был членом Союза писателей Беларуси, Союза писателей России и Союза писателей Сербии.

Он принадлежал к поколению учёных, которые в постсоветский период внесли значительный вклад в восстановление и углубление культурных связей между восточными и южными славянами. Его исследования охватывают широкий спектр тем: от истории сербской литературы и духовной традиции до современных литературных процессов и культурных контактов. Особенно важно, что его научная и переводческая деятельность не ограничивалась академическими кругами, но имела также выраженную культурную и образовательную функцию. Через переводы, научные труды и культурные проекты он способствовал распространению знаний о сербской культуре в

⁴³⁰ mdjurickovic@yahoo.com

⁴³¹ Данная статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта Синодальной исторической комиссии (01.12.2025–01.12.2026).

Беларуси, а также установлению прочных культурных связей между двумя странами.

Научная деятельность Ивана Чароты охватывает широкий спектр тем в области славянской филологии, сербской литературы, истории культуры и сравнительных исследований. Как профессор и исследователь, он посвятил значительную часть своего научного наследия изучению сербской духовности, литературы и культурной традиции. В рамках этих исследований особое место занимают работы о сербских писателях, культурной истории и духовном наследии, а также исследования рецепции сербской литературы в славянском мире. Чарота в своей деятельности / публикациях часто опирается на сравнительный подход, который позволяет рассматривать общие культурные модели славянских народов, а также специфику национальных традиций. Его исследования способствуют более глубокому пониманию сербской культуры в белорусском академическом и культурном пространстве, что имеет исключительное значение для развития славистики как междисциплинарной научной области.

Помимо научной деятельности, одним из наиболее значимых аспектов работы Ивана Чароты, безусловно, является перевод сербской литературы на белорусский язык. Перевод в данном контексте — это не только филологический акт, но и культурная миссия, поскольку он позволяет интегрировать сербскую литературу в белорусское культурное и образовательное пространство. Чарота также весьма успешно и вдохновенно переводил поэзию (Драинац, М. Лазич), прозу (Андрич, Чосич, Д. Михайлович, Д. Лакиевич, Г. Петрович) и духовную литературу (Юстин Попович, Николай Велимирович, патриарх Павел), а также тексты, принадлежащие к корпусу литературы, предназначенной для молодой читательской аудитории (Г. Олуич, Н. Витошевич). Таким образом, он открыл пространство для знакомства белорусских читателей с сербской литературной традицией с самого раннего возраста. Перевод детской литературы имеет особую культурную функцию, поскольку позволяет через рассказ, поэзию и символический мир приблизить молодым читателям ценности, мифы и культурные модели других народов (сербские народные сказки).

В рамках современных славистических исследований детская и юношеская литература всё чаще рассматривается как важный сегмент культурной коммуникации. Именно в этом смысле деятельность Ивана Чароты приобретает особую ценность и заслуживает полного

внимания. Через переводы, научные труды и антологии Чарота способствовал тому, чтобы сербская детская литература была представлена белорусской публике как часть более широкого славянского культурного наследия, а также наоборот. Его работа стимулирует интерес к белорусской культуре в сербском культурном пространстве.

Рисунок 1. Обложка антологии

Именно это подтверждает антология белорусской литературы для детей и юношества «Слово доброты и мудрости» (с. 360), являющаяся значимым культурологическим и литературным проектом, направленным на представление белорусской детской и юношеской литературы сербскому читателю. Книгу составил и написал предисловие к ней проф. д-р Иван А. Чарота, а перевод с белорусского языка профессионально выполнила Даяна Лазаревич. Антология опубликована

Институтом детской литературы в Белграде в 2024 году.

Эта капитальная и уникальная антология имеет двойную ценность:

- *литературно-художественную*, поскольку представляет собой репрезентативный выбор текстов из белорусской литературы для юных читателей,
- *культурологическую*, поскольку устанавливает мост между двумя славянскими культурами: белорусской и сербской.

Книга одновременно может рассматриваться как своеобразная панорама развития белорусской детской литературы, охватывающая различные жанры, стили и поэтические подходы — от самых истоков до наших дней. Эта антология является первым проектом такого рода и тематики в нашем регионе, поскольку белорусская детская и юношеская литература впервые представлена сербской читательской аудитории в таком объёме. Антология задумана как репрезентативный выбор текстов белорусских авторов, включающий:

- народные рассказы и сказки,

- народные песни,
- народные колыбельные,
- считалки,
- загадки,
- пословицы,
- авторские стихи для детей,
- авторские рассказы для детей...

В конце приводятся подробные биобиблиографические примечания как о составителе, так и о переводчике. Антологию открывает проникновенное и вдохновенное предисловие Чароты «Белорусская словесность для детей и о детях», в котором он говорит о феномене детского письма, а также о его связи с духовным наследием и устной традицией:

«В обширных рассуждениях о детской литературе можно выделить и другие важные аспекты. Однако о чём бы ни шла речь, невозможно игнорировать следующий момент: настоящие детские писатели — это те мастера слова, которые, сознательно или бессознательно, смогли приблизиться к пониманию истины, содержащейся в Священном Писании Нового Завета, особенно в фрагментах Евангелия от Матфея (18, 3–6) и Марка (9, 34–37). Напомним, что там содержится ответ Господа Иисуса Христа на вопрос учеников о том, кому суждено стать наибольшим в Царстве Небесном» (с. 6).

Говоря о концепции, основных особенностях и генезисе антологии, Чарота отмечает следующее: «Решающим в её подготовке можно считать то, что она составлена с целью дать как можно более ясное представление о белорусской детской литературе сербскому народу — братскому, но всё же иностранному. И в зависимости от этого формировался общий замысел книги» (с. 9).

При отборе произведений Чарота основывался, прежде всего, на нескольких ключевых принципах:

- 1) *культурно-историческом принципе* (антология представляет различные периоды белорусской детской и юношеской литературы);
- 2) *жанровом принципе* (представлены различные литературные формы: народное творчество, стихи, рассказы...);
- 3) *идейно-тематическом принципе* (тексты объединены общим мотивным ядром: детство, доброта, моральные ценности, природа, семья, духовность, игра, воображение...).

Таким образом, книга функционирует как своеобразная панорама одной национальной традиции, обладающей глубокими корнями, творческой автономией и значительной эстетико-художественной ценностью. С другой стороны, читатели и исследователи получают возможность более полно познакомиться с поэтикой, тематикой и достижениями белорусской детской и юношеской литературы, обладающей значительным историческим континуитетом и творческим потенциалом в культуре и славистике в целом. Первая глава антологии включает «Народное творчество для детей и юношества», вторая — «Стихи», третья и последняя — «Авторские произведения». Придерживаясь хронологического и методологического принципа, составитель, среди прочего, представил следующих авторов: Франциск (Георгий) Скорина (1450–1551), Павлюк Багрим (1812–1891), Кондрат Лейка (1860–1921), Ядвигин Ш. (Антон Лявицкий, 1869–1922), Цётка (Алоиза Пашкевич, 1876–1912), Янка Купала (Иван Луцевич, 1882–1942), Якуб Колас (Константин Мицкевич, 1882–1956) и др.

Из современных авторов включены произведения следующих писателей: Данута Бичель-Загнетова (1937), Уладзимир Липский (1940), Сергей Панизник (1942), Казимир Камейша (1943) и др.

Общему качеству антологии в значительной степени способствует превосходный, поэтически тонкий перевод Даяны Лазаревич, которая, безусловно, является одним из лучших и крупнейших популяризаторов белорусской литературы и культуры в нашем регионе. Говоря о работе Чароты в области детской литературы и культуры, следует также упомянуть его научно-специализированный труд «Библия для детей»,⁴³² предметом исследования которого является одно нетипичное издание на книжном рынке Беларуси авторства Л. А. Кушнерёвой — «Библейские образы и мотивы в школьном курсе русской литературы» (2013). Несмотря на определённую временную дистанцию, это во многом интригующее и интересное произведение Чарота рассматривает с нескольких точек зрения, одновременно указывая на его достоинства и недостатки, а также давая определённые рекомендации.

Деятельность Ивана Чароты может рассматриваться и как пример культурной дипломатии внутри славянского мира. Через

⁴³² Иван А. Чарота: *Библија за децу*. Годишњак Института за децу књижевност, Београд, бр. 2/2022, с. 63–68.

научные публикации, переводы, участие в научных конференциях и культурных мероприятиях он способствовал укреплению культурных и академических связей между Беларусью и Сербией, а также гораздо шире. Особое значение имеет его роль в представлении сербской литературы в белорусских академических кругах, а также в стимулировании сотрудничества между учреждениями, университетами и культурными организациями двух стран. В этом смысле деятельность Чароты может рассматриваться как пример успешного синтеза научной славистики, культурной медиации и переводческой практики, способствующего развитию общего славянского культурного пространства.

Антология «Слово доброты и мудрости» во многом представляет собой капитальный издательский, составительский и переводческий проект и как таковая обладает значительным потенциалом для применения в образовательной и библиотечной работе с детьми. В школьной практике антология также может служить важным источником для межкультурного образования, знакомства с белорусской культурой и традицией, а также для развития читательской культуры. Составитель проф. д-р Иван А. Чарота и переводчик Даяна Лазаревич выполнили свою работу очень ответственно и профессионально. Антология, несомненно, является значительным изданием, которое систематически и репрезентативно представляет белорусскую детскую и юношескую литературу. Эта книга — не просто антология текстов, но и свидетельство духовных и культурных ценностей одной литературной традиции, которая через детскую литературу передаёт свои моральные, этические и эстетические идеалы, о чём говорит и её заглавная синтагма.

ИСТОЧНИКИ

Реч доброте и мудрости — антологија белоруске књижевности за децу и младе. Приредио и предговор написао Иван А. Чарота, превела с белоруског Дајана Лазаревић. Београд: Институт за деčју књижевност, 2024.

Чарота, Иван А.: *Библија за децу*. Годишњак Института за деčју књижевност, Београд, бр. 2/2022, с. 63-68.

Юрий Васильевич Иванов⁴³³

председатель Молдавско-Белорусской литературной секции
Рышкани, Молдова

О СОВМЕСТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ С ПРОФЕССОРОМ ИВАНОМ ЧАРОТОЙ ТОЛКОВИНСКИХ ТЕКСТОВ И МОЛДАВСКОГО ПЕРИОДА БИОГРАФИИ Г. Ф. СКОРИНЫ⁴³⁴

С профессором БГУ, иностранным членом Сербской академии наук и искусств Иваном Алексеевичем Чаротой (1952–2024) автор познакомился 7-го сентября 2014 года за Круглым столом в Минске на XXI Дне белорусской письменности, куда был приглашён как представитель писательского сообщества Молдовы министром связи и информации Республики Беларусь Лилией Станиславовной Ананич.⁴³⁵ Первый поэтический сборник автора «О, Бела Русь, Моя Мечта!» в начале года занял третье место на Минском международном литературном конкурсе «Семья-Единение-Отечество, и меня позвали на осенний праздник белорусской книжности».⁴³⁶

Так получилось, что на два дня проведения торжеств в древнем городе Заславле Иван Алексеевич стал моим добровольным гидом.⁴³⁷ У профессора вызвал большой интерес рассказ автора о наличии в Молдавии, в личном архиве, доставшимся в наследство от предков, большого количества древних русинских (толковинских) текстов, посвящённых жизни и деятельности великого восточнославянского первопечатника и православного просветителя – Георгия Франциска Скорины (1491-1572), на территории Молдавского княжества и Пруто-Днестровского междуречья.⁴³⁸ А также его заинтересовали

⁴³³ uriivanvas@mail.ru

⁴³⁴ Данная статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта Синодальной исторической комиссии (01.12.2025–01.12.2026).

⁴³⁵ Юрий Иванов. Дорога мечты. День белорусской письменности 2014 года: путевые заметки и размышления. – Бельцы, 2014. С.33.

⁴³⁶ Там же. С.4-5.

⁴³⁷ Там же. С.52.

⁴³⁸ Иван Чарота. Не прятаться от истины // «Беларуская думка» №7 за 2019 год. Общественно-политический и научно-популярный журнал Администрации Президента Республики Беларусь. – Минск. С. 55; Иван А. Чарота. НЕ ПРЯТАТЬСЯ ОТ ИСТИНЫ.

летописные сведения о Всеславе Брячиславиче Полоцком (1044–1101), Евфросинии Полоцкой (1103–1178) и других лицах раннего периода истории Полоцкого княжества и Белой Руси.⁴³⁹

Иван Алексеевич честно признался в сильном недоверии, охватившем его как учёного, долго изучавшего биографию и труды Скорины, однако решил познакомиться автора с епископом Вениамином, который на тот момент был председателем Издательского совета Белорусской православной церкви и викарием Минской епархии и участвовал в проходивших торжествах. Владыка Вениамин тоже с большим интересом выслушал мой сжатый рассказ о древних текстах в Молдавии и, несмотря на возникшие собственные сомнения, попросил профессора и автора, не откладывая в долгий ящик, начать исследования летописей, обещая посильный патронаж и поддержку наших совместных добросовестных изысканий.⁴⁴⁰

Ивана Алексеевича смущало ещё и то, что в судьбе Скорины, определившей его проживание на склоне лет в Молдавском княжестве, сыграли большую роль представители рода сербских властителей Бранковичей, в частности Елена Екатерина Рареш-Бранкович (1490–1553) – супруга господаря Молдавского княжества Петра IV Рареша (1487–1546).

Как пояснил профессор, дело было в том, что основателю этого рода, Вуку Бранковичу (1345–1397), сербский народный эпос приписывает предательство, приведшее к поражению объединённого сербского войска в Битве на Косовом поле 1389 года, и такой обесславленный образ пронесён через века. Хотя, собственно, историографические подтверждения измены отсутствуют; к тому же позднее из этого рода вышли святые, канонизированные церковью личности.⁴⁴¹ Поэтому наличие в толковинском архиве сведений о совместной деятельности Георгия Скорины и Елены Бранкович по реабилитации Вука Бранковича и прославлении его героического поведения во время Косовской битвы⁴⁴² неподдельно взволновало

Белорусско-сербско-молдавские отношения. Moldova and the Slavs: Collection of Scientific Papers from the International Scientific Conference Held on November 24–25, 2025, at the Institute for Political Studies, Belgrade (2025). p.309; Иван А. Чарота. НЕ САКРИВАЈМО СЕ ОД ИСТИНЕ Белоруско-српско-молдавске везе. МОЛДАВИЈА И СЛОВЕНИ Зборник научних радова са међународне научне конференције одржане 24–25. новембра 2025. године на Институту за политичке студије, Београд. С.313.

⁴³⁹ Иван Чарота. Не прятаться от истины // «Беларуская думка» №7 за 2019 год. – Минск. С. 55.

⁴⁴⁰ Там же. С.55.

⁴⁴¹ Там же. С.56.

⁴⁴² Ю.В. Иванов. Церковь Архангела Михаила в селе Вадул-Рашков и её ранняя история в толковинских текстах русинов Молдавии // Научно-популярный журнал «Общее дело» №9, 2017 г. – Кишинев. С.154–155.

выдающегося учёного-сербиста, так как позволяло, в перспективе, пересмотреть в положительном смысле историческую основу самого главного и трагического мифа народного сербского самосознания – поражение от османов и гибель сербского войска на Косовом поле и потерю Сербией независимости на несколько веков.

По окончании праздника мы обменялись телефонами и электронными адресами и решили незамедлительно приступить к совместной разработке обозначенных тем.⁴⁴³ Конечно же, на первоначальном этапе нашего сотрудничества основная тяжесть легла на плечи автора, так как мне надо было переводить и пояснять толковинские тексты, а затем пересылать наработанный материал профессору.

Надо отметить, что Иван Алексеевич серьёзно заинтересовался толковинством, которое было ему ранее неизвестно. Несмотря на первоначальную неосведомлённость, он принял к сведению, что это славянская духовно-культурная традиция, зародившаяся в глуби веков и продолжавшаяся почти до середины XX века, ставшая в конечном итоге под давлением различных обстоятельств замкнутой и почти тайной.⁴⁴⁴ Из публикаций автора профессор узнал⁴⁴⁵, что толковинство сыграло исключительно важную роль в жизни русинов Молдавии, поддерживая соответствующее русинским традициям просвещение, сохраняя сознание о славянской общности и единстве, выразительно фиксируя в том числе и «белорусский вектор». И конечно же, упоминание толковинов Нестором Летописцем и анонимным автором «Слова о полку Игореве», а также наличие слов «толк» и «толока» (место собраний, вече) в русинском, русском, других славянских и неславянских языках всё больше убеждало профессора в глубокой временной основе толковинства и подлинности его письменного наследия.⁴⁴⁶

По зависимым от Чароты причинам наше сотрудничество началось не сразу после моего отъезда в Молдавию, но как только профессор вошёл в рабочую колею, то оно быстро пошло по нужному пути. Толковинский язык и язык русинов Молдавии был нов и не совсем понятен для прочтения, поэтому

⁴⁴³ Иван Чарота. Указ. соч., с. 56.

⁴⁴⁴ Там же. С.56.

⁴⁴⁵ Юрий Иванов. Этническое самосознание русинов севера Молдавии // Международный исторический журнал «Русин» №10(4) за 2007 г. – Кишинев, С.90-96; Иванов Ю. Этническое самосознание русинов севера Молдавии. Петровская академия наук и искусств // «Вестник Петровской академии» № 3-4 (45-46) за 2016 год. С.140-150; Юрий Иванов. Толковины – духовные учителя и наставники русинов Молдавии. Петровская академия наук и искусств // «Медный Всадник» № 1-2 (59-56) 2018 год. – Санкт-Петербург. С.146-152.

⁴⁴⁶ Иван Чарота. Указ., соч., с. 56.

Иван Алексеевич попросил автора точно, с необходимыми пояснениями сделать переводы на русский язык наиболее важных текстов о Скорине, позволяющих ему разобраться в возникших вопросах и поставленных задачах. Кстати, профессор предложил эффективную схему расшифровки и подачи разрабатываемых материалов, с которой автор согласился. Несмотря на собственную занятость мэра большого молдавского села, я вскоре прислал ему точные переводы с подробными пояснениями запрашиваемых текстов, позволившие Ивану Алексеевичу приступить к осмыслению новых материалов и проведению необходимых первоначальных филологических, лингвистических и исторических экспертиз.⁴⁴⁷

Для более глубокого проникновения в «толковинскую Скориниану» (термин, введённый И. Чаротой. – Ю. Иванов⁴⁴⁸) автор предложил белорусскому филологу связаться с Ксенией Павловной Смолиной (1935-2023) – выдающимся советским и российским филологом, доктором филологических наук, профессором кафедры общего языкознания Московского педагогического государственного университета (МПГУ). У Ксении Павловны, с которой автор познакомился в октябре 2010 года в Кишиневе на Международной научно-теоретической конференции «Славянские чтения» в Славянском университете Республики Молдова, к тому времени уже был опыт изучения и расшифровки толковинских текстов, в том числе и мифологических, а также связанных с деятельностью Леонардо да Винчи, Георгия Франциска Скорины и Александра Сергеевича Пушкина. По её мнению, такие тексты невозможно подделать даже группе высококвалифицированных специалистов. Они обладают огромной исторической ценностью, свидетельствующих о тысячелетних истоках возникновения славянских народов и их культур.⁴⁴⁹

В феврале 2017 года автор приехал в Минск на писательский форум «Писатель и время», проходивший в рамках XXIV Минской книжной ярмарки-выставки, и привёз оригиналы толковинских текстов, о которых говорил и писал. Иван Алексеевич наконец-то получил возможность их изучения, проведения визуальных и физических экспертиз.⁴⁵⁰ Несмотря на отсутствие на бумаге водяных знаков (особенность местного молдавского производства бумаги. – Ю.Иванов), её древность, а также архаичность писчих материалов (чёрных и цветных грифелей) вызвали у профессора неподдельный энтузиазм,

⁴⁴⁷ Там же. С.56.

⁴⁴⁸ Там же. С.56.

⁴⁴⁹ Юрий Иванов. Очерки истории русинов. Часть2 // «Сельская молодёжь». 4.12.2024. – Москва. URL: <https://xn--80aibcfugciub2ac7mk4b.xn--p1ai/oчерki-istorii-rusinov-chast-2/> Последнее обращение 28.02.2026.

⁴⁵⁰ Иван Чарота. Не прятаться от истины (Окончание) // «Беларуская думка» №8 за 2019 год. – Минск. С. 38.

и, как он говорил, «появилось моральное право» заявлять во всеуслышанье об уникальной находке в прессе и научных конференциях, что он и начал делать.⁴⁵¹ Это привлекло к публикациям/разысканиям профессора многих профессиональных исследователей и журналистов, а также просто интересующихся этой тематикой людей, потому что Франциск Скорина в современной Беларуси является самой главной культовой фигурой построения белорусской государственности.⁴⁵²

Наличие в природе молдавских текстов, подробно описывающих молдавские странствия Скорины, которые Иван Алексеевич держал в своих руках, наконец-то позволило ему открыто начать опровергать в своих научных докладах и статьях тех исследователей, которые утверждали, что Просветитель был секретарём короля Дании и что именно там он получил свои знания в области медицины, что дало ему возможность в 1512 году защитить в Падуанском университете докторскую степень.⁴⁵³

⁴⁵¹ Иван Чарота. Ці быў Скарына ў Малдове? // «Звязда» от 21.01.2017. – Минск. URL: www.zviazda.by/news/20171121/1511257116-ivan-charona-aziyachysy Последняя дата обращения - 11.05.2021; Чарота І.А. Не хавацца ад ісціны: да скарыназнаўства без заходнай зададзенасці. // Журнал Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта «Соцыялогія». 2017. №3. – Минск. С.75-83; Иван Чарота. Азіраючыся на Скарыну. Портал «Созвучие». Литература и публицистика стран Содружества. «Литературная Беларусь» от 22 ноября 2017 г. URL: www.sozvuchie.by Последняя дата обращения – 11.05.2023; Чарота І.А. Івану Юрый Васільевіч // Францыск Скарына. Энцыклапедыя. – Минск, 2017. С. 193; Чарота Іван. Да лі је Скорина био у Молдавији? //Румунија и румунизација Срба / Приредіо Зоран Милошевић. – Шабац: Центар Академске речи, 2018. С. 174-187; Иван Чарота. Франциск Георгий Скорина. Не прятаться от истины. Содружество: Беларусь. 01.2020. URL: <https://zhurnal-prostor.kz/assets/files/2020/2020-01/01-2020-15.pdf> Последнее обращение 03.03.2026; Пројекат Растко Беларусіја. Иван А. Чарота. Не прятаться от истины. 09.03.2022.URL: <https://www.rastko.rs/rastko/delo/16659> Последнее обращение 16.03.2026.

⁴⁵² Sputnik Беларусь.23.06.2017. Иван Чарота. Ученый: могила Франциска Скорины может находиться в Молдове. О возможной сенсации радио Sputnik Беларусь рассказал доктор филологических наук, профессор, академик Сербской академии наук, заведующий кафедрой славянских литератур БГУ Иван Чарота. URL: <https://sputnik.by/20170623/uchenyy-mogila-frantsiska-skoriny-mozhet-nahoditsya-v-moldove-1029452424.html> Последнее обращение 02.03.2026; Ученый: могила Франциска Скорины может находиться в Молдове. NEWS.21.BY. 23.06.2017. URL: <https://news.21.by/other-news/2017/06/23/1345215.html> Последнее обращение 03.03.2026; Жолобов Кирилл Александрович. Место погребения неизвестно: Франциск Скорина. Городская Ритуальная Служба. 24.07.2020. – Минск. URL: <https://ritual.by/articles/mestopogrebeniya-neizvestno-frantsisk-skorina/> Последнее обращение 02.03.2026.

⁴⁵³ Иван Чарота. Не прятаться от истины // «Беларуская думка» №8 за 2019 год. – Минск. С.39-43.

Речь идёт, по рассказу Ивана Алексеевича, о многочисленных спорах вокруг сообщения в 60-х годах прошлого века известного русского учёного-слависта Антония Васильевича Флоровского (1884-1968), который изучал распространение наследия Скорины в Европе и отмечал: «...Теперь перед исследователями Скорины встала новая неожиданная задача – осмыслить и исследовать новую находку, которая является пока что загадкой. Дело в том, что в 1960 и 1962 гг. ученым стали доступны новые, весьма краткие записи о Скорине, в которых он называется «secretaries regis Datie» или «Dacie»... Необходимо заметить, что мне ещё в 1937 г. было известно это обозначение Скорины как секретаря короля «Дакии» («Daciae», варианта «Datie» я не знал). Но мне тогда было неловко публиковать этот акт. Я ждал, когда его напечатает та особа, которая его первоначально выявила. Дело в том, что как-то осенью 1937 г. профессор Этторе Ло Гатто показал мне в профессорском читальном зале Карлова университета в Праге рукопись небольшой статьи, которую ему предложили напечатать в журнале «L'Europa Orientale». Профессор спросил тогда у меня, известны ли в печати приведённые в этой статье падуанские акты. Среди текстов, с которыми мне здесь же довелось бегло ознакомиться, находился ранее неизвестный текст с обозначением (того), что сейчас нас интересует. Я считал, что в ближайшее время акт этот будет напечатан, поэтому ни в одной из своих работ о Скорине 1938-1946 гг. не делал ссылок на этот интересный документ, ибо считал, что приоритет нашедшего материал должен быть сохранен. Акт этот, однако, настолько привлек мое внимание, что я тогда же предпринял меры, чтобы навести предварительные справки для себя лично и осмыслить исключительно интересную находку».⁴⁵⁴

Иван Алексеевич неоднократно сетовал, что интереснейшие находки А. Флоровского и профессора Этторе Ло Гатто (1890-1983), связывавшие Скорину с «Дакией», т. е. Молдавией, Валахией, Сербией и Северными Балканами, как бы исчезли с поля зрения скориноведов, особенно местных, белорусских.⁴⁵⁵ Последним всегда была особенно мила идея «глубокой европейскости» Скорины, так как позволяла легко причислить Просветителя к сообществу католиков, протестантов, схизматиков, масонов и прочих представителей «истинного европейства».

Однако «датскую версию» с удовольствием подхватили белорусы-эмигранты, в частности белорусский коллаборационист и эмигрантский историк Витовт Тумаш (1910-1998), который всю ратовал за Данию, её короля и тамошние университеты, в которых якобы учился и просвещался

⁴⁵⁴ Там же. С.39.

⁴⁵⁵ Там же. С.40.

Скорина.⁴⁵⁶ В своём письме от 25 января 1966 года он сообщал Флоровскому: «Текст новонайденной падуанской записи (обнаруженный ещё в 1960 году во время поисков «скоринианы» в Падуе, которые были проведены по моей просьбе г. Я. Садовским) с подробным рассмотрением текста и комментариями подготовлены также к печати...».⁴⁵⁷

А. Флоровский, в свою очередь и со своей стороны, в попытке выяснить суть дела, сообщил: «На мои запросы профессор Панаитеску в Букареште ответил, что в румынских документах нет ничего о Скорине, и что могла бы идти речь о князе Н. Бессарабе, хотя он никогда не называл себя «гех». С другой стороны, Гос. Архив в Копенгагене сообщил мне, что в датских актах 1507-1812 гг. нет никаких указаний о Скорине».⁴⁵⁸

Однако, вероятнее всего, Флоровского тоже интересовала новая версия, и он писал далее Тумашу: «Тем ценнее Ваше открытие, что Скорина был секретарем короля Ганса и он учился в Копенгагене. С нетерпением жду издание этого текста, который так интересно расширяет наши сведения о Скорине». А спустя некоторое время Фроловский начал сетовать: «Ваше письмо от 25.1.1966 своевременно получил и с нетерпением и самым живым интересом жду оттиска Вашей статьи о Скорине. Но до сегодняшнего дня Ваша статья до меня не дошла! Кстати, Вы в первом же письме ко мне писали, что Скорина изучал медицину (очевидно, до Падуи) в Дании. В каком именно университете? Откуда Вы имеете эти сведения? И может быть можно было бы навести дополнительно справку в архиве в Копенгагене, возможно, что там сохранились списки студентов начала XVI века».⁴⁵⁹

Как и должно было произойти, по мнению профессора Чароты, Антоний Флоровский не ограничился рекомендациями, а начал собственное разбирательство – обратился к ректору Копенгагенского университета с просьбой поискать списки студентов соответствующего периода, но вновь получил отрицательный ответ.⁴⁶⁰ В поисках надёжных сведений он всё же придерживался других ориентиров, причём пражский профессор повторял это более настойчиво, чем вежливо: «У меня всё же в голове вертится, что надо было подумать о возможности связей Скорины и ещё с Молдавией и Валахией...».⁴⁶¹

Впрочем, и Тумаша, как заметил профессор Чарота, тоже одолевали сомнения: «Что касается возможности связать Скорину с Молдавией и

⁴⁵⁶ Там же. С.40.

⁴⁵⁷ Там же. С.40.

⁴⁵⁸ Там же. С.40.

⁴⁵⁹ Там же. С.40.

⁴⁶⁰ Там же. С.40.

⁴⁶¹ Там же. С.40.

Валахией – лет пять тому думал я, не поискать следов Скорины и на землях старой «римской Дации». Потом эту мысль отбросил из-за нескольких соображений, а главное потому, что если бы в «римской Дации» Скорина пребывал перед своим приездом в Падую в 1512 году, то невозможно тогда выяснить, где, в каком университете изучал он в это время медицину, ибо же университетов ни в Молдавии, ни в Валахии, кажется, не было. Из-за этого, мне казалось, такое направление – слепой тор, хотя конечно же, в жизнеописании такого решительного, подвижного человека, как Скорина, могут быть и вещи, на наш взгляд, и совсем «нелогичные»».⁴⁶²

Несмотря на все свои дальнейшие сомнения и фантазии в отношении нахождения «Скориновской Дации», В. Тумаш всё равно заканчивает свои рассуждения околдовавшим его вымыслом, который так дорог современным белорусским скориноведам: «...Если бы даже и все поиски следов Скорины в Дании оказались негативными, Дания останется и далее Скориновой Данией до тех пор, пока кто-то конкретно, на доводах, не покажет, о какой иной «Дации» здесь может идти речь».⁴⁶³

Профессор Чарота с определённой горечью отмечает этот момент в самом известном своём труде: «К сожалению, так и получилось. Потому, что «конкретно, на доводах» никто из белорусских скориноведов даже не брался доказывать-показывать, что эта версия была шита белыми нитками. За редкими исключениями, среди которых – многоопытный в обращении с документами А. Мальдис, осторожно писавший о Скорине, что тот «исполнял ответственную должность секретаря датского короля (или валахского князя)»».⁴⁶⁴

И далее, убедившись в подлинности представленных автором толковинских документов, Иван Алексеевич продолжает: «Что же касается материалов Ю. Иванова, то по отношению к ним все признаки именно «дакийской версии» не просто упоминаются, но и вполне сносно увязываются в некую целостность: Дакия (лат. Dacia) – провинция, присоединенная Траяном к Римской империи в начале II века нашей эры. Границы ее, в пределах Прута, Тисы, Днестра, Дуная и Карпат, охватывали значительную часть современных Румынии и Молдовы, включая и пограничную с Румынией северо-западную часть, где находятся Рышканы, а также часть Сербии... Хотя и непросто, но концы все-таки сходятся».⁴⁶⁵

Нужно сказать, что к тому времени «толковинской скоринианой» заинтересовались и в Молдавии, причём на самом высоком уровне. 10 апреля 2017 года автор побывал на приёме у президента Республики Молдова Игоря

⁴⁶² Там же. С.40.

⁴⁶³ Там же. С.41.

⁴⁶⁴ Там же. С.41.

⁴⁶⁵ Там же. С.41.

Додона, где передал ему книги белорусских писателей, а также показал оригиналы толковинских текстов и рассказал о совместных с профессором Иваном Чаротой исследованиях неизвестных ранее фактов биографии великого восточнославянского просветителя и первопечатника Георгия Ф. Скорины, чётко впечатанных в историю Средневековой Молдавии.⁴⁶⁶

По указанию президента наши исследования начал курировать советник президента в области образования, культуры и исследований Корнелиу Попович. На XXIV День белорусской письменности и празднование 500-летия белорусского книгопечатания, которые проходили в Полоцке в начале сентября 2017 года, автор прибыл с приветствием от советника и Администрации президента Молдовы (рис. 1) к руководству Беларуси и участникам мероприятия. Оно было зачитано 2-го сентября за Круглым столом в Полоцке в Музее белорусского книгопечатания, а после опубликовано в белорусской прессе.⁴⁶⁷

За Круглым столом профессор Иван Чарота призвал скориноведов и заинтересованную общественность по-новому взглянуть на личность и деяния Георгия Франциска Скорины в свете сенсационных открытий толковинских текстов, убедительно доказывающих, что «Скориновская Дация» – это территория современной Румынии и Молдовы, а вовсе не заморской Дании Витовта Тумаши и иже с ним.⁴⁶⁸

Также профессор подверг серьёзнейшей обоснованной критике основные положения современного белорусского скориноведения, которые, по его мнению, основаны не на фактах, а на многолетних выдумках и фантазиях их создателей: «Доводится констатировать, что у нас до сих пор открытыми, окончательно не выясненными, а то и просто запутанными остаются

⁴⁶⁶ Юрий Иванов. Книги известных белорусских писателей – у Президента Молдовы. СОЗВУЧИЕ. Литературная Молдова. Межправительственный литературный портал стран СНГ. 24 мая 2017. – Минск. URL: <http://sozvuchie.by/literaturnaya-moldova/yurij-ivanov-knigi-izvestnykh-belorusskikh-pisatelej-u-prezidenta-moldovy.html> Последнее обращение 28.09.2021.

⁴⁶⁷ Приветствие советника президента РМ Корнелия Поповича в честь 500-летия белорусского книгопечатания. СОЗВУЧИЕ. Межправительственный литературный портал стран СНГ. Главное. Молдова-Беларусь. 31 августа 2017. – Минск. Корнелиу Попович, Советник Президента Республики Молдова, прислал приветствие участникам круглого стола "Дипломатия слова" и других мероприятий в связи с Днём белорусской письменности и 500-летием белорусского книгопечатания. URL: <http://sozvuchie.by/home/novosti/priveststvie-sovetnika-prezidenta-moldovy-uchastnikam-prazdnovaniya-500-letiya-belorusskogo-knigopachataniya.html> Последнее обращение 13.06.2018.

⁴⁶⁸ Ларыса Цімошык. Круглы стол «Номо Skarynus» у гуманітарнай прасторы // Газета творчай інтэлігенцыі Беларусі «Літаратура і мастацтва» № 36 (4939) 8 верасня 2017 г. – Минск. С.5.

практически все главные вопросы, связанные с жизнью и деятельностью Скорины: годы рождения и смерти, вероисповедание, настоящее (полученное при крещении) имя, ближайшее научное и деловое окружение, основные цели задуманных и осуществленных дел, круг профессиональных интересов и непосредственной практики, предназначение изданных книг, конкретное содержание и суть переводческой (или составительской) работы, язык изданий и собственного творчества, места проживания и перемещения, определяющие связи с отечественными и зарубежными деятелями своего времени и т. д. Опять же, не странно ли то обстоятельство, что «белое пятно» покрывает именно последние десятилетия (!) жизни восточнославянского первопечатника?»⁴⁶⁹

И далее Иван Алексеевич сделал неутешительный обвинительный вывод: «По признанию даже самих активных скориноведов, образовались большие «напластования фактических ошибок», едва не целиком покрывшие реальную фактологию. Особенно даёт о себе знать вот такая опасная тенденция: свои нынешние представления о состоянии общества, культуры, веры и духовности, письменности, языка, науки, Церкви и всего остального переносить на реальность полутысячелетней давности, перекраивая ту действительность в соответствии с лекалами нового времени, а при этом ещё и вульгарно актуализируя. Примеры таких искажений даже перечислить невозможно. И все они обросли производными от нового времени стереотипами, которые обычно поддерживаются не менее стереотипными толкованиями, в том числе и категорически неприемлемыми для науки – то, что не соответствует нашему пониманию, считать ошибками давних хронистов, писарей, гравёров и печатников... Само собой разумеется, что расходящиеся мнения современных оппонентов тоже априори зачисляются в разряд ошибочных. Короче говоря, мы сами сделали проблематичным даже прочтение ряда важных для научного скориноведения документов, не говоря уже об их интерпретировании. Причем едва ли не все такого рода проблемы стали глубококомысленно подавать как трудноразрешимые либо неразрешимые в принципе».⁴⁷⁰

Говоря о вреде для истины таких стереотипов современного скориноведения, профессор Чарота продолжил: «Под их воздействием из публикации в публикацию переносятся одни и те же сведения, большинство которых давно, если не от самых первых опытов белорусского скориноведения,

⁴⁶⁹ Иван Чарота. Не прятаться от истины // «Беларуская думка» №7 за 2019 год. – Минск. С.51.

⁴⁷⁰ Там же. С.51-52.

требуют уточнений, основательного корректирования. Хотя бы потому, что они неспособны выдерживать проверки даже элементарной логикой».⁴⁷¹

И далее, ещё конкретней: «Так, невозможно не обращать внимания на самую что ни есть очевидную алогичность в безапелляционно используемой современными скориноведами базовой (!) информации, которую обычно не пропускают школьники и студенты, задавая элементарные вопросы: «Почему же это знаменитого полочанина безо всяких объяснений и оговорок называют Франциском, если имя отца его – Лука, брата – Иван, сына – Семион, племянника – Роман, родственников – Евхим и Савва, Васко и Еско?.. Так получается, что он не из семьи Скорин, не из этого рода?!»⁴⁷²

Во время выступления профессора автор продемонстрировал на экране 14 толковинских документов, рассказывающих о действиях Просветителя на территории Молдавского княжества в разные годы его жизни.⁴⁷³ Конец нашего совместного доклада был встречен бурными аплодисментами зала. Особый восторг наблюдался у работников Музея. Как большие профессионалы своего дела, они признали огромную ценность демонстрируемых документов и просили автора немедленно передать хоть некоторые из них на хранение в Полоцк.

Известный белорусский писатель и сценарист, заслуженный деятель культуры Республики Беларусь, лауреат Национальной литературной премии Беларуси в номинации «драматургия», кандидат исторических наук Наталья Александровна Голубева, по сценарию которой к 500-летию белорусского книгопечатания был снят художественный фильм «Скорина», загорелась желанием снять новый фильм о Скорине на основании толковинских летописей:

«Обнаружены новые документы, которые позволяют предполагать, что Скорина, последние следы которого историки теряют в 1541 году, вовсе не умер 10 лет спустя в Праге. В текстах молдавской летописи толковинов обнаружено упоминание о Скорине и его пребывании в средневековой Молдавии в 1542 году. Расшифровкой текстов занимался профессор БГУ Иван Чарота, в Молдове — писатель Юрий Иванов.

⁴⁷¹ Там же. С.52.

⁴⁷² Там же. С.52.

⁴⁷³ Ларыса ЦІМОШЫК. Круглы стол «Homo Skarynus» у гуманітарнай прасторы // Газета творчай інтэлігенцыі Беларусі «Літаратура і мастацтва» № 36 (4939) 8 верасня 2017 г. – Минск. С.5; Нина ТУЛИНОВА, Наталья ДРОЗДОВА. Фото Олега КЛИМОВИЧА. Фестиваль средневековой культуры, праздничное шествие, литературный марафон и многое другое... Репортаж с Дня белорусской письменности в Полоцке. ВІЦЬБІЧІ. 04.09.2017. URL: https://www.vitbichi.by/news/kultura/festival_srednevekovoy_kultury_literaturnyy_marafon_i_mnogoe_drugoe_reportazh_s_dnya_belorusskoy_pis/ Последнее обращение 23.03.2026.

В летописи говорится, что события, которые излагаются на данном листке, произошли в 14520 году по толковинскому летоисчислению, что соответствует 1542 году от Рождества Христова. Сама надпись гласит: «И прибыл в Великие Расконы Нагоряны к Великому Толковину Твердобой, от господаря Великой Земли Молдавской и Сучавского и Сиретского края Петручча Штэхванови (Петра Стефановича), очень умелый и смышленный мастер по печатанию добрых книг Юрга Скорина Полоцкий. И был Юрга Скорина Полоцкий в Великой Сучаве и Земле Молдавской, ибо запросила его из Праги Чешской добрая царица Молдавская Елена Сербская — любимая жена великого царя и господаря Петра Стефановича. Ибо имела зарок напечатать красивые и яркие писания за своих великих предков: Иоанна Бранковича — великого царя и господаря Сербского, за его великих родителей: Стефана Бранковича — великого царя и господаря Сербского, и его святую жену — великую царицу Ангелину Сербскую, и за весь ее царский род, который унизили и навели великую ложь, неправду и кривду проклятые и бешеные турки».

Вокруг настоящего имени Скорины было немало ученых споров, некоторые исследователи считают, что на самом деле его звали не Франциск, а Георгий (Юрий), напоминает Наталья Голубева:

— Текст летописи сопровождается рисунком. Слева, с короной на голове, в резном кресле сидит великий толковин Твердобой. Точные даты его жизни неизвестны. Справа в шапке с пером сидит Юрга Скорина Палацьки — толковинская запись имени и фамилии Франциска Скорины. Между ними на небольшой подставке, по-видимому, несколько печатных книг. В сокращенных надписях вокруг голов фигур значатся имена, слева — Великий Толковин Твердобой, справа — Юрга Полоцкий. Таким образом, появились новые версии о судьбе Скорины, требующие своего исследования, над ними сейчас работают историки и археологи. Это позволило нам оставить в фильме открытый финал. Бегущий от судебного преследования Скорина, к которому в 1541 году действительно было множество претензий с разных сторон, отправляется в дорогу.⁴⁷⁴

К большому сожалению, по неизвестным для автора причинам проект Натальи Голубевой так и не был воплощён в жизнь.

Надо отметить, что празднества в Полоцке в честь 500-летия белорусского книгопечатания, наши с Иваном Алексеевичем выступления и интервью местным и центральным средствам массовой информации,

⁴⁷⁴ Ирина Овсепян. "Скорина" на СТБ: телеканалы научились производить собственный художественный контент. Путём Франциска // СБ БЕЛАРУСЬ СЕГОДНЯ Опубликовано: 16 ноября 2017. — Минск. URL: <https://www.sb.by/articles/putem-frantsiska.html> Последнее обращение 12.03.2026.

многочисленные публикации и статьи подняли большую волну интереса к толковинским летописям в белорусском обществе, в той же Молдавии, Сербии, России и других местах.⁴⁷⁵

Из Сербии отозвался известный учёный и общественный деятель, доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института политических исследований в Белграде, профессор Зоран Милошевич. В своём самом известном на постсоветском пространстве труде «Как исчезают

⁴⁷⁵ Юрий Иванов. Космос на днестровском берегу // «Независимая газета» от 01.02.2018 №20(7212). Приложение «НГ – EX LIBRIS». – Москва. С.16; Иванов Ю. В. Георгий Франциск Скорина – русский титан европейского просвещения. Петровская академия наук и искусств // «Медный Всадник» №4 (66) 2018 год. – Санкт-Петербург. С.47-54; Юрий Иванов: Почему Юрга Скорина Полоцкий бежал из Праги. Агентство СЗК. 23 апреля 2018. – Москва. URL: <https://dzen.ru/a/Wt3KcXfQ5oTXPIW7> Последнее обращение 22.12.2025; Юрий Иванов, литератор, историк русинского края (Молдавия) – для Агентства СЗК. Как пытаются окатоличить православного первопечатника Георгия Скорину. 22 Март 2018. Зиновьевский клуб. – Москва. URL: <https://aszk.ru/zinovevskij-klub/menyaem-gyasu-na-sutanu-kak-pytayutsya-okatolichit-pravoslavnogo-pervopechatnika-georgiya-skorinu/> Последнее обращение 16.03.2026; Юрий Иванов. Знак Скорины и загадки рождения великого мастера: штрихи и краски к портрету Георгия Франциска Скорины. СОЗВУЧИЕ. Литературная Молдова. Межправительственный литературный портал стран СНГ. 26 июня 2018 г. – Минск; Юрий Иванов. Знак Скорины и загадки рождения великого мастера: штрихи и краски к портрету Георгия Франциска Скорины. Litavrora.ru. 21 июня 2018. – Москва. URL: <http://litavrora.ru/index.php/publitsistika/item/380-znak-skoriny-i-zagadki-rozhdeniya-russkogo-prosvetatelya-shtrikhi-k-portretu/380-znak-skoriny-i-zagadki-rozhdeniya-russkogo-prosvetatelya-shtrikhi-k-portretu> Последнее обращение 16.03.2026; Юрий Иванов. Косоуцкий монастырь – прошлое и настоящее: штрихи и краски к незавершённому портрету. «Литературная Молдова» от 13 октября 2017 на Межгосударственном интернет-портале «Созвучие. Литература стран Содружества». URL: www.sozvuchie.by/literaturnaya-moldova.html?start=14 Последнее обращение 21.12.2022; Юрий Иванов. Жизнь и деятельность Георгия (Юрги) Франциска Луки Скорины Полоцкого: штрихи и краски к портрету. «Литературная Молдова» от 2 мая 2018 на Межгосударственном интернет-портале «Созвучие. Литература стран Содружества». – Минск. URL: <http://planeta-curata.com/local-history.html> Последнее обращение 16.03.2026; Юрий Иванов. Лука Иванович Скорина – родовитый муж из славного града Полоцка: штрихи и краски к портрету. Часть I. «Литературная Молдова» от 10 июня 2018 на Межгосударственном интернет-портале «Созвучие. Литература стран Содружества». – Минск; URL: www.sozvuchie.by Последнее обращение 23.12.2022; Юрий Иванов. Лука Иванович Скорина – родовитый муж из славного града Полоцка: штрихи и краски к портрету. Часть II. «Литературная Молдова» от 23 июня 2018 на Межгосударственном интернет-портале «Созвучие. Литература стран Содружества». – Минск; URL: www.sozvuchie.by Последнее обращение 23.12.2022; Ю.В. Иванов. Церковь архангела Михаила в селе Вадул-Рашков и её ранняя история в толковинских текстах русинов Молдавии. Научно-популярный журнал «Общее дело» №9, 2017 год. – Кишинев, С. 154-155.

славянские народы» он говорит: «В 1512 году русский (сейчас белорус) Франциск Скорина побывал в Молдавии у царицы Елены Бранкович, которая дала ему денег на борьбу с унией и римскими католиками.»⁴⁷⁶

Николай Максимович Сергеев, политолог, представитель Института стран СНГ в Беларуси в своей известной статье «Георгий Скорина – светоч Русского мира» высказал весьма важные мысли против искажения реального исторического образа Георгия Франциска Скорины как общерусского просветителя и гуманиста: «Прошедший 2017 год проходил в Республике Беларусь под знаком 500-летнего юбилея выхода в свет «Библии Русской» западнорусского первопечатника Георгия (Франциска) Скорины. К сожалению, эта знаменательная дата в истории не только Белой Руси, но и всего Русского мира была омрачена теми искажениями творчества этого выдающегося общерусского просветителя и гуманиста, которые были допущены в ходе информационной кампании и различных мероприятий, посвященных Скорине.

Достаточно заметить, что на многочисленных рекламных щитах, расставленных по всей республике в честь юбилея, из названия главного труда Скорины «Библия Русская» было убрано слово «русская». Видимо организаторам юбилейных празднеств очень не хотелось, чтобы белорусские граждане знали о том, что Георгий (Франциск) Скорина творил на русском языке и именовал свой народ «братия моя русь».⁴⁷⁷

И далее, подчёркивая особую роль профессора Ивана Чароты в процессе возвращения Георгию Скорине русского имени и православного вероисповедания на основании толковинских летописей Молдавии: «Не так давно в Минске состоялся круглый стол «Историко-культурное наследие Русского мира: к 500-летию Библии Русской Георгия (Франциска) Скорины», в работе которого приняли участие белорусские ученые-историки, философы, языковеды, политологи, общественные деятели. В ходе мероприятия были рассмотрены вопросы, связанные с национально-культурной и цивилизационной принадлежностью наследия выдающегося просветителя.

Открыл обсуждение доктор филологических наук, академик Сербской академии наук, профессор Иван Чарота, который остановился на ошибках, содержащихся в работах современных скориноведов. Ученый отметил, что множество вопросов, связанных с жизнью и деятельностью Скорины, не

⁴⁷⁶ Зоран Милошевич. Как исчезают славянские народы. РУССКАЯ НАРОДНАЯ ЛИНИЯ. Православие. Самодержавие. Народность. Информационно-аналитическая служба. 27.01. 2018. URL:

https://ruskline.ru/opp/2018/yanvar1/27/kak_ischezayut_slavyanskije_narody/ Последнее обращение 15.03.2026;

⁴⁷⁷ Николай Сергеев: Георгий Скорина – светоч Русского мира. Вместе с Россией. Сайт российских соотечественников в Республике Беларусь. 22.01.2018. URL: https://ross-bel.ru/analitika-portala-vmeste-s-rossiey/news_post/nikolay-sergeyev-georgiy-skorina-svetoch-russkogo-mira. Последнее обращение 15.03.2026.

имеют простых и однозначных ответов. Неизвестными остаются годы жизни, вероисповедание и имя при крещении просветителя. Однако многие из современных исследователей, занимающихся Скориной, пытаются его представить едва ли не фанатичным католиком.

В то же время известно, что книги, издаваемые Скориной, были адресованы русской православной среде. Отец, братья и родственники носили русские православные имена. Ему покровительствовал радатель за православную веру западнорусский князь Константин Острожский. Как в этом случае Скорина мог быть не православным?

Профессор Чарота обратил внимание на новые документы, свидетельствующие о нахождении Скорины в 1542 году в Молдославии. Так в то время на Западной Руси называли Молдавское княжество, включавшее территории современных Молдавии, части Румынии и Украины. В молдавской летописи толковинов говорится следующее: «И прибыл к Великому Толковину Твердобою от господаря Великой Земли Молдавской Петра Стефановича, очень умелый и смышленный мастер по печатанию добрых книг Юрга Скорина Полоцкий». Он был приглашен в Молдавское княжество «доброй царицей Молдавской Еленой Сербской – любимой женой великого царя и господаря Петра Стефановича». Юрга Скорина Полоцкий должен был напечатать книги о предках Елены Сербской, на которых «навели великую ложь, неправду и кривду проклятые и бешеные турки».

Таким образом, вновь открывшиеся источники определенно свидетельствуют о том, что Скорина носил русское имя Юрга, Юрий или Георгий.⁴⁷⁸

Исследованиями молдавского пути Георгия Франциска Скорины заинтересовалось руководство Гагаузской Автономии в лице Башкана Ирины Фёдоровны Влах, так как автор неоднократно писал, опираясь на толковинские летописи, что Первопечатник мог быть просветителем далёких предков современных гагаузов, проживающих в основном на юге Республики Молдова.⁴⁷⁹ По приглашению руководителей Научно-исследовательского центра Гагаузии им. М. В. Маруневич И.А. Константиновой и С.С. Булгара автор прибыл 21 сентября 2018 года в город Комрат на Международную научно-практическую конференцию «Участие гагаузов Бессарабии в Первой мировой войне и предпосылки создания гагаузской государственности в 1917-

⁴⁷⁸ Там же.

⁴⁷⁹ Иванов Ю. В. Георгий Франциск Скорина – русский титан европейского просвещения. Петровская академия наук и искусств // «Медный Всадник» №4 (66) 2018 год. – Санкт-Петербург. С.52; Ю.В. Иванов. Титан европейского и славяно-молдавского просвещения – Георгий Франциск Скорина. Научно-популярный журнал «Общее дело» №11, 2019 г. – Кишинев. С.28; СЛАВЯНСКИЕ ТРАДИЦИИ.

Статьи. Легенды: почему полоцкий князь Всеслав Чародей уехал в Молдавию. 25.01.2019. URL: <https://slavtradition.com/svodki-smi/stati/4838-legendy-pochemu-polotskij-knyaz-vseslav-charodej-uekhal-v-moldaviyu> Последнее обращение.23.03.2026.

1918 гг.» с докладом «Ставка Верховного главнокомандующего в Могилёве (1915-1917 годы), по материалам Могилёвского областного краеведческого музея им. Е.Р. Романова».⁴⁸⁰

Приглашение получил и профессор Чарота с докладом «Первая мировая война и Беларусь», так как давно и основательно занимался историей Первой мировой войны и считался одним из лучших специалистов в данной области. Ну, конечно же, в первую очередь, гагаузских товарищей интересовали наши совместные с профессором исследования просветительской деятельности Скорины на юге Молдавии, в среде их возможных пращуров.

К большому сожалению, Иван Алексеевич не смог приехать на конференцию в Комрат, так как находился в это время в командировке в Сербии. По его просьбе автор зачитал доклад профессора, который был заслушан аудиторией с большим вниманием... Кстати, по телемосту, из Белграда, на конференции выступил и профессор Зоран Милошевич с интереснейшим докладом «Причины и обстоятельства передачи Баната Румынии королём Югославии Александром после Первой мировой войны (новые и старые проблемы)».⁴⁸¹

По завершении основной части конференции в том же зале Комратского университета состоялся Круглый стол, посвящённый просветительской деятельности Франциска Скорины в Молдавском княжестве и в Буджаке. Автор вкратце поведал аудитории о совместных исследованиях данного вопроса с профессором Чаротой, а также продемонстрировал несколько подлинных толковинских текстов о Скорине, разрешив их фотографировать всем желающим. Прошедшее мероприятие нашло отражение и в местной гагаузской прессе: «В 1542 г. Франциск Скорина побывал в Молдавском Княжестве по просьбе Алены Сербиянки - жены господаря Молдовы. В этот период Франциск Скорина побывал в Буджаке, где жили буджакские татары. Там Франциск Скорина встречался с Кайсаром Старым, который именовал себя «Царем Печенежским». Белорусский ученый Иван Алексеевич Чарота - доктор филологических наук, профессор, литературовед, славист, критик, историк культуры, переводчик, академик Сербской Академии наук и искусств, является исследователем жизни и деятельности Франциска Скорины. Молдавский исследователь истории жизни Франциска Скорины Юрий Иванов обнаружил ряд документов на русинском языке, где рассказывается об этих событиях. Ряд материалов уже опубликовано в белорусской печати: круглый стол ««Номо Skarynus» у гуманітарнай прасторы» в газете «Lim» № 36 (4939) 8 верасня 2017 г., в

⁴⁸⁰ Научно-исследовательский центр Гагаузии им. М.В. Маруневич. ПРОГРАММА Международной научно-практической конференции «Участие гагаузов Бессарабии в Первой Мировой войне и предпосылки создания гагаузской государственности в 1917-1918 гг.». 21 сентября 2018 г. – мун. Комрат, Республика Молдова, АТО Гагаузия. 8 стр.

⁴⁸¹ Там же. С.7.

издательстве «Звезда» «Ці быў Скарына ў Малдове?» Для участия в круглом столе будут приглашены ученые, исследователи, учителя истории, гагаузского языка и литературы, а также все, кто интересуется историей буджакской земли в период средневековья.»⁴⁸²

Автор вправе сообщить, что после конференции руководство Гагаузии и НИЦ им. М.В. Маруневич сделало профессору Чароте очень серьёзные и лестные предложения о временном проживании в Гагаузии и преподавании в Комратском университете. Однако Иван Алексеевич отказался по личным причинам, несмотря на неоднократные запросы и предложения.

Летом 2019 года статья профессора Ивана Чароты «Не бояться истины» вышла в двух частях в общественно-политическом и научно-популярном журнале Администрации президента Республики Беларусь «Беларуская думка», самом авторитетном издании Республики Беларусь.⁴⁸³

17 декабря 2019 года в Белорусском культурном центре г. Кишинева прошла Международная научная конференция «Молдавский след в жизни Георгия Франциска Скорины», посвящённая жизни и деятельности великого восточнославянского просветителя и первопечатника Георгия Франциска Скорины (1491-1572) на территории средневекового Молдавского княжества. Мероприятие состоялось при поддержке Министерства просвещения, культуры и исследований Республики Молдова, Посольства Республики Беларусь в Республике Молдова, Белорусского культурного центра в Молдове и широкой научной общественности страны. Основным докладчиком был автор (Республика Молдова), содокладчиком – Иван Алексеевич Чарота (Республика Беларусь).⁴⁸⁴

В работе конференции приняли участие почётные лица и гости: Сергей Чичук – чрезвычайный и полномочный посол Республики Беларусь в Республике Молдова, Дмитрий Зорин – консул Республики Беларусь в Республике Молдова; Зденек Крейчи – чрезвычайный и полномочный посол Республики Чехии в Республике Молдова, Андрей Кистол – генеральный секретарь Министерства просвещения, культуры и исследований Республики Молдова, Михаил Давыдов – директор Российского центра науки и культуры в

⁴⁸² Круглый стол, посвящённый средневековой истории Буджака и пребыванию в 1542 г. в Молдавском княжестве и в Бджаке Франциска Скорины – первопечатника, писателя, общественного деятеля Белоруссии. 19.09.2018. Научно-исследовательский центр Гагаузии им. М.В. Маруневич. URL: <https://gbm.md/index.php/2-uncategorised/48-skorina>. Последнее обращение 21.03.2026.

⁴⁸³ Иван Чарота. Не прятаться от истины // «Беларуская думка» №7 и №8 за 2019 год. Общественно-политический и научно-популярный журнал Администрации Президента Республики Беларусь. – Минск. С. 50-56, С.37-43.

⁴⁸⁴ Александр Ковальский. Молдавский след в жизни Георгия Франциска Скорины // Научно-популярный журнал «Общее дело» №12, 2020 г. – Кишинев. С.162-163.

Кишиневе, представители посольств США и Республики Польша в Молдове и другие известные общественные и культурные деятели страны.⁴⁸⁵

В начале конференции было зачитано послание от президента Петровской академии наук и искусств Санкт-Петербурга, кавалера ордена Франциска Скорины Республики Беларусь, профессора А. В. Воронцова, переданное первым вице-президентом ПАНИ Андреем Антоновым. Приветственные слова участникам конференции от Башкана Гагаузии Ирины Влах были озвучены Ириной Константиновой – директором НИЦ Гагаузии им. М. В. Маруневич.⁴⁸⁶

В прениях по докладам выступили: Андрей Ешану – действительный член Академии наук Молдовы, почетный член Румынской академии наук; Ирина Константинова – директор НИЦ Гагаузии им. М. В. Маруневич; Николай Руссев – доктор хабилитат истории, профессор; Александр Ковальский – редактор научно-популярного журнала "Общее дело". Активно включились в обсуждение темы конференции: Сергей Суляк – кандидат исторических наук, доцент, главный редактор международного исторического журнала «Русин»; Степан Булгар – кандидат исторических наук, главный редактор журнала «Saba Yildizi», заведующий отделом истории и этнологии НИЦ Гагаузии им. М. В. Маруневич; Олег Тюренок – известный молдавский предприниматель и меценат; Анна Бабина – председатель Белорусского культурного центра Кишинев; Анна Мазур – председатель Белорусского культурного движения Молдовы; Людмила Матковская – общественный деятель, и другие.⁴⁸⁷

Иван Алексеевич в своих последующих интервью прессе неоднократно говорил, что главная задача конференции состоит в привлечении внимания к толковинским рукописям, чтобы мобилизовать усилия исследователей, специалистов из разных областей. Он особо отмечал: «Эти сведения совершенно сенсационные, так как переворачивают всю биографию, существующую в научном обиходе. Во-первых, получается, что Скорина прожил в Молдове гораздо дольше, чем это официально известно и зафиксировано. Опровергнуть это практически невозможно. Появившиеся факты дают объяснение многим непонятым моментам в прежней интерпретации в его жизни и творчестве».⁴⁸⁸

⁴⁸⁵ Там же. С.162-163.

⁴⁸⁶ Там же. С.163.

⁴⁸⁷ Там же. С.163.

⁴⁸⁸ Татьяна Мигулина. Молдавский след Георгия Франциска Скорины. 19 декабря 2019. LOGOS PRES.MD. – Кишинев. URL: <https://logos-pres.md/ru/novosti/moldavskiy-sled-georgiya-frantsiska-skoriny/> Последнее обращение 22.03.2026.

Работа и выводы конференции получили широкое освещение в международных и местных средствах массовой информации, которые иногда перепечатывали их друг у друга.⁴⁸⁹

К большому сожалению, развязанная через три месяца ковидная вакханалия и война в соседнем государстве серьезно затруднили личные контакты с профессором, но не остановили наши совместные исследования толковинских текстов. Профессор продолжал выступать на конференциях и мероприятиях, а автор публиковал статьи, посвящённые скориновской тематике.

Надо сказать, что Ивана Алексеевича интересовала не только скориновская тема в толковинских летописях, но и утраченная древняя история Белой Руси, осколки которой можно обнаружить в Русинско-тивверском (толковинском) летописном своде. А также древняя история Сербии, Болгарии и Балкан и старые связи между Полоцкой и Молдавской землями... Особый интерес у него вызывали толковинские тексты, свидетельствующие о сербском происхождении летописного Радши – основателе рода Пушкиных – от легендарных Властимировичей, первой правящей династии средневековой Сербии. Именно Иван Алексеевич был

⁴⁸⁹ По следам Франциска Скорины: как белорусский просветитель связан с Молдовой? Мир24. 27 декабря 2019. Об этом сообщает "Рамблер". URL: <https://news.rambler.ru/other/43428228-po-sledam-frantsiska-skoriny-kak-belorusskiy-prosvetitel-svyazan-s-moldovoy/> Последнее обращение 22.03.2026; В Белорусском культурном центре Кишинева прошла конференция «Молдавский след Георгия (Франциска) Скорины». ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ БЕЛОРУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ. Официальный сайт. URL: <https://izdatsovet.by/index.php/o-sovete/kontakty/item/368-v-belorusskom-kulturnom-tsentre-g-kishineva-sostoyalas-nauchnaya-konferentsiya-moldavskij-sled-georgiya-frantsiska-skoriny> Последнее обращение 22.03.2026; Историк: великий белорусский просветитель Франциск Скорина похоронен в Молдове - в Рышканах 28.12.2019. ВМЕСТЕ С РОССИЕЙ. САЙТ РОССИЙСКИХ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ. URL: https://ross-bel.ru/about/news_post/istorik-velikij-belorusskij-prosvetitel-francisk-skorina-pohoronen-v-moldove-v-ryshkanah Последнее обращение 22.03.2026; По следам Франциска Скорины: как белорусский просветитель связан с Молдовой? МИР 24. 27.12.2019. URL: <https://web.archive.org/web/20230130143405/https://mir24.tv/articles/16391765/po-sledam-frantsiska-skoriny-kak-belorusskii-prosvetitel-svyazan-s-moldovoi> Последнее обращение 22.03.2026; Павел Мунтян. Историк: великий белорусский просветитель Франциск Скорина похоронен в Молдове – в Рышканах. КП в Молдове. 19 декабря 2019. URL: <https://www.md.kp.media/daily/27070.4/4139276/> Последнее обращение 23.03.2026; По следам Скорины: великий первопечатник, возможно, похоронен... ВИДЕО. Mir 24 Moldova/ Мир 24 Молдова. 18 декабрь 2019. URL: <https://www.facebook.com/watch/?v=564616384115029> Последнее обращение 23.03.2026.

главным консультантом автора в проработке и начале публикаций на эту тему.⁴⁹⁰

Необходимо отметить, что все эти годы наши исследования поддерживал и нынче поддерживает, после ухода из жизни Ивана Алексеевича по причине неизлечимой болезни, владыка Вениамин, Митрополит Минский и Заславский, Патриарший Экзарх всея Беларуси.⁴⁹¹

Автор выражает огромную благодарность за большие усилия в сохранении и увековечивании памяти о выдающемся белорусском и славянском учёном и мыслителе Иване Алексеевиче Чароте его друзьям – руководству Института политических исследований в Белграде, доктору Мише Стоядиновичу и доктору Зорану Милошевичу, а также его замечательной преданной ученице – докторанту Даяне Лазаревич!

⁴⁹⁰ Ю.В. Иванов. Родословная «честного мужа» Радши – основателя рода Пушкиных в Русинско-тиверском летописном своде Средневековой Молдавии // Научно-популярный журнал «Общее дело» №15 за 2023 г. – Кишинев. С.80-83.

⁴⁹¹ Иванов Юрий. Январский триумф профессора Чароты. «Одноклассники» 01.02.2023. URL: <https://ok.ru/profile/582079270048/statuses/154874530648992> Последнее обращение 25.03.2026.

НАВСТРЕЧУ БОГУ

Иван А. Чарота

(1952–2024)

Иностранный член САНИ

Профессор филологического факультета

Белорусского государственного университета⁴⁹²

ХРАМ – МЕСТО ВСТРЕЧИ С БОГОМ

Приснопоминаемый митрополит Филарет (Вахромеев), недавно отошедший к Господу, как-то сказал: «Духовная Родина – это те места, где мы повстречались с Богом». Отталкиваясь от этого высказывания – а для меня малая родина отзывается все бОльшим притяжением, – и пошли изложенные ниже размышления.

Моему поколению памятно, как в середине 1980-х годов, после выхода в прокат фильма Тенгиза Абуладзе «Покаяние», расхожими стали слова “дорога к храму”. Между тем, поскольку сам фильм был не о покаянии в первичном смысле и звал он не к истинной духовности и не к Богу, то упомянутое выражение так и осталось в массовом сознании чем-то наподобие мыльного пузыря. Так или иначе, представление о храме и дороге к нему свое у каждого из нас. Эти понятия, собственно, могут наполняться содержанием не только индивидуализированным, специфически интимным, но и родовым, наследственным. Вот и я, пожалуй, как бы ни старался, не смогу на тему веры говорить, если не вспомню ту сельскую церковь, в которой крещены, венчаны и отпеты несколько поколений моего рода по обеим линиям.

Но для начала позволю себе рефлексивное отступление. Вспоминается, как примерно лет сорок тому я при входе в церковь

⁴⁹² Чарота, И. Храм – место встречи с Богом / Иван Чарота // Духовный вестник. – 2021. — № 6 (июнь). – С. 1-2.

2021 Чарота, И. Храм – место встречи с Богом // Людзі навукі нашага краю. <http://ln.krcls.by/2021-%D1%87%D0%B0%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%B0-%D0%B8-%D1%85%D1%80%D0%B0%D0%BC-%D0%BC%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BE-%D0%B2%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B5%D1%87%D0%B8-%D1%81-%D0%B1%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%BC/>

сербского монастыря Манасия прочитал: “Боже! Благослови того, кто входит в этот дом, спаси и сохрани того, кто из него выходит, и дай мир тому, кто в нем остается. Аминь”. Как выяснилось позднее, слова эти принадлежат богомудрому Николаю (Велимировичу), сербскому святому XX века – епископу, богослову, общественному деятелю и необычайно одаренному писателю. Прочитанное изречение впоследствии доводилось читать еще не один раз при посещении того же монастыря, а также видеть написанным много где и даже растиражированным на продажу. Меня, тем не менее, оно каждый раз трогало. Впечатление от него было обусловлено как концентрированной содержательностью, мудрой проникновенностью, так и своеобразной поэтичностью. А мое восприятие включало и еще что-то, зависящее не столько от глубокого содержания и яркой формы непосредственно этого образца красноречия. Дело в том, что дорогу к древнему сербскому храму я нашел не сам, а был привезен коллегами-сербам. Сербы же для ознакомления со своей страной зарубежных писателей и ученых-славистов — как раз в составе таких групп чаще всего мне доводилось там бывать — всегда возили показывать монастыри, церкви. Несмотря на официальный атеизм они держались убеждения, а показанным и нас убеждали, что нет и быть не может более надежных, нежели эти, свидетельств о самосознании народа, о значимости его истории, о сущности духовных традиций. Причем обычно за день, хотя такие путешествия, как правило, были не однодневными, мы оказывались в нескольких святых обителях, получая возможность осознать, насколько судьбоносным для сербов является Православие. Понятно, такие группы складывались из представителей разных наций и вероисповеданий, так что, естественно, реакции на увиденное были далеко не одинаковыми. Что же касается меня, то в дополнение к уже вспомненному я должен рассказать вот о каком случае. Еще раз уточняю, что подавляющее большинство экскурсантов составляли обычно американцы и западно-европейцы. Так что я обычно, в храмы заходя вместе с ними, крестился лишь украдкой. И вот однажды в такой группе оказалась молодой человек из России, сын известного филолога, который не только чинно осенил себя крестным знаменем при входе, но и зайдя вовнутрь, благоговейно поклонился и приложился к храмовой иконе. Я, признаюсь, был устыжен и по-настоящему вразумлен. После этого никогда больше меня в поведении не сдерживало то, что могу смутить находящегося рядом иностранца-инициатора. Изначально однако я намеревался сказать здесь о другом – о

том, что во время упоминаемых путешествий чувство гордости за братский народ у меня сочеталось также с горечью, ибо никак невозможно было не сравнивать с тем, что происходило на просторах СССР. Я имею в виду, что у нас тогда, принимая зарубежных гостей, по укоренившейся традиции везли показывать какой-нибудь завод-гигант, мощную электростанцию, ударную стройку или перадовой животноводческий комплекс. И все подобное делалось ради того, собственно, чтобы похвалиться “светлыми” перспективами удовлетворения потребностей материальных, физиологических. Забота же о “духовности” иллюстрировалась ничем иным, как строительством новых клубов, эстрадных площадок или стадионов, которые должны были оправдывать лозунг: “В здоровом теле — здоровый дух”, что, как известно, искажает смысл далеко не глупого выражения. Так мы представлялись миру в то время, когда церкви и монастыри наши оказались либо до основания уже разрушенными, либо превращенными в склады или иные “полезные” объекты. Кстати, искаженное, как в кривом зеркале, отражение описанных экскурсий по Сербии, мне доводилось видеть немного раньше, в начале 1970-х годов, при посещении Киево-Печерской лавры. Туда я, будучи студентом и подрабатывая в качестве гида-переводчика, привез югославских туристов. Так вот, и до того, как войдешь в пещеры, и после того, как выйдешь из них, посетителям души заглаживались громкоговорителями, по которым без остановки шла трансляция вульгарно атеистических лекций.

Тогда я, маловерный, предвидеть не мог — а если бы кто и предсказывал, не поверил бы, — что придет время, когда на моей родной земле храмы будут восстанавливаться и даже новые строиться. Но произошло именно так, и это для моего поколения представляло настоящее чудо, а вместе с тем и убедительное подтверждение написанного в Евангелии: “Человеком это невозможно, Богу же все возможно” (Мф 19:26). Так что и меня Господь сподобил своими глазами видеть, как мои соотечественники возвращают осознание святости, а таксама потребность чувствовать себя не отторгнутыми от веры и не отделенными от Царкви. Вот и наблюдаю это уже тридцать лет в Петро-Павловском соборе Минска, прихожанином которого являюсь, а также и вне столицы, в разных уголках Беларуси. Аособенно греет душу все, что этом плане происходит на родной Брестчине. До сих пор не стираются из памяти дни 16-19 сентября 1996 года, когда я имел честь и огромную радость участвовать в торжествах,

посвященных памяти преподобномученика Афанасия, игумена Брестского, святого покровителя моей малой родины. Такое событие для меня (недалеко от Бреста родившегося, а к тому же и день рождения пришелся на время торжества), естественно, имело исключительное значение. Тогда удалось побывать на богослужениях во всех храмах Бреста и в Свято-Афанасьевской часовне, а также посетить несколько пригородных и сельских приходов – Гершоны, Дубровка, Плоска, Черни, Остромечево. А в последующие годы, как участнику экспедиции “Дорога к святыням” при Негасимой Лампаде с Благодатным Огнем от Гроба Господня, посчастливилось бывать во многих церквях городов и весей области – Белоозерска, Березы, Жабинки, Ивацевичей, Косова, Гощева, Телехан, Пинска, Иванова, Лыщи, Достоева... Все впечатления, полученные в таких экспедициях, сейчас непросто должным образом упорядочить, а все, что пережил, передать словами. Пробуя изложить главное, остановлюсь вот на чем: все время не покидало своеобычное слезно-радостное чувство — из-за того, что дано осознать состояние блудного сына, вернувшегося к Отцу, возле которого, а значит и вокруг тебя, так много дорогих людей, в полном смысле “ближних”. Годами они не только старше или равны тебе, но и возраста детей твоих, и даже такие, как твои внуки. И, что существенно, ты замечаешь, что всем им постепенно становятся важными понятия Духовность, Святость, Божья милость. Чрезвычайно радовало, что всюду, включая приходы самой что ни есть глубинки, Негасимую Лампаду встречало множество людей. Наиболее трогательно было смотреть на всегда присутствовавших бабулек. Это же они, по большому счету, сохранили нам веру, поскольку так и не позволили себе забыть дороги к храмам, а что еще важнее, наперекор всем запретам водили-носили крестить и причащать своих наследников. А при этих встречах без слез невозможно было смотреть, как они запредельно натруженными руками поднимали внуков или правнуков, чтобы те могли зажечь от Лампады свечечки и вместе с ними принести Благодатный Огонь в свои дома. Как ярко тогда вспыхивали лучики несказанной радости от утоления духовной жажды в глазах и старых, и малых! Кто же после этого сможет убедить меня, что народ мой утратил веру?! Ну а чтобы еще раз оправдаться за рефлексивное отступление, добавлю: теперь у меня исчезли основания теряться перед братьями-сербам, т.к. уже есть что рассказать им о том, как мои соплеменники относятся к вере, как почитают святыни.

Между тем, вереница воспоминаний несколько уклоняет к отвлеченности. Поэтому не лишним, наверно, будет и некий обобщенно-конкретный взгляд на религиозность в моем родном краю. Отметим, что население Брестчины всегда паказывало себя твердым в вере – и когда пришлось противостоять униатизации как явлению политическому, и при атеистическом режиме в XX веке. Достаточно вспомнить имена святых, подвижничеством которых в разные времена освящалась Брестская земля. В сонме их не случайно прежде всего паминаются преподобнамученик Афанасий Брестский, преподобнамученик Макарий Каменецкий, преподобный Леонтий (Карпович), преподобнамученик Серафим Жировичский (Шахмуть). С другой стороны, сами за себя говорят такие цифры: до 1990 года на Брестчине сохранялись 102 прихода с 97 священнослужителями, т.е. практически половина всего оставшегося в БССР, а на 2020 год в одной Брестской епархии (хотя ведь есть еще и Пинская) насчитывается 202 прихода, 239 священников, 4 монастыря...

Позволю себе привести также некоторые наблюдения из собственного жизненного опыта. Неоднозначно относясь к оправдательным, будто бы, суждениям насчет действовавшего тотального запрета веры, сам я придерживаюсь мнения, что запретить веру никто не способен, по определению. Разумеется, атеистические власти это сделать очень старались. Но все-таки не получилось у них “показать по телевизору последнего попа”. Наперекор воинственному безбожничеству у нас оставалось немало как преданных священнослужителей, так и искренних верующих. Скажем, сколько я помню себя, свой род и местный народ, у нас веры держались. Люди не переставали чтить церковные праздники, в отличие, кстати, от праздников советских; в деревне нашей не было некрещеных вообще; из поколения старшего все были венчаны; и без церковного отпевания ни одного человека не похоронили. Хотя, между прочим, наша церковь и наше кладбище находятся в другом селении, даже не самом ближайшем. Показательно также, что по всей нашей округе, за небольшим исключением, церкви оставались действующими, и богослужения проходили во все воскресные и праздничные дни, как положено. Правда, школьникам посещать их категорически не позволяли учителя; постоянными прихожанками были в основном женщины, из мужчин – немногие.

Среди таких, слава Богу, был мой дед Павел, от которого, видимо, и мне передана вера – понятно, несравнимо слабее, чем у него.

Для большей ясности должен отметить вот что: появившись на этот свет, я застал только деда по линии материнской и бабушку – по отцовской. Бабушка, родом как раз из Вежек, где находится наш храм, дорогу к нему тоже не забывала и тоже регулярно молилась дома. Впрочем, как и мать моя. Однако в этом отношении влияние деда на меня, внука-первенца, бесспорно преобладает. От родственников (у деда было восемь братьев и сестер), а также соседей доводилось слышать, что с детства в его натуре проявлялась искренняя религиозность. Не случайно его с малых лет звали читать Псалтырь возле усопших, причем не только в своей деревне, но и в соседних. Это по-своему продолжалось и позднее. Уже в советское время также его обычно просили прочитать молитвы на поминках односельчан. С отличием окончив приходское училище, он достаточно хорошо знал и Священное Писание, и церковный календарь. Кстати, в награду за успехи полученные книги, в числе которых и Евангелие, он хранил всю жизнь, а Евангелие передал мне. Вообще, судьбу его легкой никак не назовешь: довелось молодым отправляться в Америку на заработки, потом воевать на Бессарабском фронте Первой мировой, пережить и Вторую мировую, дважды разгребать пепелище родного дома и отстраиваться, рано остаться без жены... А поддерживал его Бог, веру в Которого он сохранял, особо не выставляя, но и не пряча. Помнится, к деду часто приходили односельчане выяснить, на какой месяц и день “выпадает” в текущем году Пасха и когда, соответственно, будет тот или иной “подвижный” праздник. И он без календаря все даты определял, пользуясь только так называемой “ручной пасхалией”, сущность которой объяснял и мне, уже студенту, но у меня толку не хватило усвоить. Правда, когда вырос, стал записывать молитвы, которые дед читал. А в детстве я молился как-то своими словами. Когда это вспоминаю теперь, то и усмехаюсь, и теряюсь, что называется... Дело в том, что я тогда просил у Бога, чтобы Он мне и всем моим близким дал прожить семьдесят два года... Почему-то именно это количество лет мне малому казалось самым большим или самым приемлемым для срока земной жизни; а при этом у меня – с дистанции стало очевидным – не хватало ума учесть, что на то время дорогому деду моему было уже примерно столько, сколько я желал яму. Благодарение Господу, Бусень Павел отошел в лучший мир на восемьдесят девятом году жизни. И бабушка, Черота Харитина, также прожила больше того, что моему детскому недомыслию представлялось наибольшим...

Потом довелось мне учиться в пяти школах, включая музыкальную. И последние школьные годы связаны уже с районным городом Кобрином. Тогда я стал самостоятельно читать во множестве книжки типа “Библии для неверующих”, поскольку иные, касавшиеся религии ведь недоступны были. И принялся как-то, по мере уже подросткового недомыслия, рассуждать о Боге. Более того, сам пытался вывести и друзьям объяснить, что в философском смысле – конечно же, что по моему разумению – означают ипостаси Божественной Троицы. Школьным товарищам и даже учителям, помнится, неоднократно говорил, что настоящее образование можно получить только в духовной семинарии. Хотя, как и все вокруг, был пионером, комсомольцем. В партию, правда, Господь не пустил. Слава Ему за это, как и за то, что не позволил плутать в еретических чащобах самосейного философствования. К нормам постоянно возвращала жизнь семьи, рода. Сказывалось воздействие близких, и деда в первую очередь. А также само по себе существование церкви, несмотря на то, что я от нее все-таки отдалился, вместо храма Божьего направившись в “храм науки” – университет. Лишь спустя годы восстановилось то, что можно считать равновесием. И когда стал работать в университете, я не скрывал, что регулярно посещаю Церковь, а как специалист охотно сотрудничаю с церковными структурами. Диапазон реакций на это со стороны коллег был весьма широким: полное безразличие к моей устремленности, простое начальное любопытство к вопросам веры, какая-то настороженность, демонстративный (якобы от «науки») скептицизм, но также и уважительное отношение. Кстати, многие коллеги впоследствии сами начали приближаться к Церкви, а некоторые – к Костелу. Иное проявлялось у представителей администрации, которая упорно держалась атеистических позиций. Соответственно, я вызывал раздражение довольно долго. Уже в 1990-е, когда в отчет по публикациям внес изданный перевод Евангелия на современный белорусский язык, декан заявила, что это, как и статьи о переводах, не учитывается – дескать, у нас государство отделено от Церкви. И мне пришлось иронически предлагать, пусть в таком случае от наследия, принадлежащего государству, отделят Библию Скорины; мол, понятно, я себя не дерзаю сравнивать с Георгием-Франциском, но все же сподобился переводить – вроде бы, как и он, превозносимый за это же, а не только за осуществленное издание. Что же касается упомянутого переводческого дела, то для меня самого оно имело чрезвычайно важное значение, и ему я не зря посвятил более четверти века. Имеется

в виду Белорусская Библейская Комиссия, председатель которой, митрополит Филарет, благословил меня быть ее секретарем. Благодарен незабвенному Владыке я получил возможность 25 лет переводить Священное Писание с обязанностью вдумываться не только в общий смысл, но в значение каждого слова и каждого знака препинания. А при этом также – основательно изучить все ранее выполненные переводы Евангелия на белорусский язык и на другие славянские. Так что отнюдь не случайно в процессе переводческой работы подготовил книгу «Белорусский язык и Церковь».

Возвращаясь же к детству, могу сказать, что из всего, непосредственно от деда услышанного о нашем приходском храме, в памяти сохранились только отдельные детали общей картины. В частности, что церковь нынешняя – совсем не такая, как прежняя. Что та была очень красивая, большая, трехкупольная; что купола той видны были в ясные дни из нашей деревни, за три версты с лишком, что на храмовый праздник (у нас говорили: “на заклад”) там собиралась вся округа. Поясню, что для деда она была “нынешней”, а для меня ее правильнее называть “тогдашней”, поскольку ныне на ее месте стоит новая, – это та, в которой меня крестили, “введение” совершали и в которую к причастию водить начали. Кстати, почему-то выразительно припоминается, как я малый, приведенный туда матерью, после причастия подошел к тарелке с артосом и схватил его целую горсть, за что маме пришлось укорять меня. Теперь и самому неловко. А вот позднее услышанное од деда, что церковь небольшая, тогда мною не замечалось, так как она несравнимо больше хаты и даже школы, в которую как-то со старшими заглядывал. Да и людей там собиралось много, причем незнакомых и для меня интересных, даже совсем необычных. Прежде всего имею в виду на удивление подвижную женщину без ног... На мой вопрос, как эта тетя может так шустро передвигаться, мама шепотом ответила, что такой она родилась, такой и живет, благодаря Бога. Между прочим, эту женщину, как добрую знакомую, встречал я в нашей церкви и лет через сорок...

От матери я вообще услышал немало интересного, касающегося событий, связанных с нашей церковью, а также с обрядовыми традициями. Со свойственным юности скептицизмом, к примеру, я воспринимал мамины воспоминания о том, что в четверг Страстной седмицы наши люди после вечернего богослужения возвращались всегда с горящими свечами, донося их – безо всяких ухищрений ради защиты – до своих хат. Я, конечно, знаю, что обычай этот не только

местный. Но впечатляет, а в свое время и улыбку вызывало, то, что в данном случае речь шла о расстоянии около четырех километров. А моя мама непоколебимо верила, что в эту пору этого дня обязательно утихает ветер, приостанавливается любая непогода. Что ж, каждому дается по его вере. А сама установившаяся традиция склоняла к вере искренней.

Здесь, видимо, я должен остановиться на истории Вежецкого храма, который теперь Вознесенский, когда-то был Успенским, а к тому же особое почтение выражалось преподобному Серафиму Саровскому – в день яго памяти “заклад” праздновали. О давних временах и живой истории этого Дома Божьего своеобразные сведения могли бы дать его старые иконы: к примеру, святых Виленских Мучеников, преподобномученика Афанасия Брестского, преподобной Параскевы Сербской (по-нашему –Тырновки), а также большинство образов аналойных, выкладываемых на конкретные праздники. Они писались определенно людьми местными и, мягко говоря, не очень искусными в иконографии. Но как это, так и вообще историю прихода, насколько мне известно, никто никогда как следует не изучал. Потому сейчас из интернета, главного современного источника сведений, многое доходит в виде запутанном и очень ненадежном. К большому сожалению. Особенно это касается даже такого пренеприятнейшего факта, что в размещенных материалах вовсе не упоминается многолетний настоятель – протоиерей Анатолий Соколовский; несмотря на то, что он похоронен в ограде церкви непосредственно, что его хорошо знали многие нынешние прихожане, и я тоже. Все пользующиеся общими сведениями исходили из того, что храм существует здесь уже не менее трех с половиной столетий. Хотя первое упоминание о нем одни датируют 1668 годом, другие – 1660-ым. Со своей стороны могу уточнить, что к первому изданию энциклопедического справочника “Франциск Скорина” прилагается копия географической карты белорусских земель середины XVI века и на ней фиксируются Вежки. Такого внимания они удостоились, пожалуй, не из-за численности населения или особой стратегической важности, а потому, скорее всего, что в селении была церковь и по всем документам оно значилось как центр прихода. Относительно данных о дальнейшей судьбе храма должен заметить, что не очень убедительно упоминание специальных грамот короля Станислава Понятовского приходскому священнику. Не лишним было бы также выяснить достоверность того, что местные старожилы рассказывали недавнему вежецкому священнику, о.

Михаилу Концевичу – конкретно, о похороненных возле церкви солдатх российской армии во время войны 1812 года. А вот помещенную в интернет-материалах информацию о захоронении там германских солдат в 1914-1915 гг. стоило бы тщательно проверить из-за ее маловероятности. Вызывает сомнение и дата постройки на том же месте храма в начале XX столетия. Интернетовские авторы пишут однозначно, что было это в 1912 году. Однако в связи с этим я опять получаю повод усилить “личный мотив” своей публикации следующим образом. Недавно весьма осведомленный в краеведении бельский коллега Дорофей Фионик прислал мне копию № 3-4 “Гродненских епархиальных ведомостей” за 1914 год, где на страницах 36-37 помещена такая вот заметка: “Кобринский благочинный рапортом за № 700 донес Консistorии, что новый Вежковский храм сооружен на чисто местные средства – пожертвования прихожан в сумме 12 000 руб.; причем при сооружении храма особенно много потрудились бывший настоятель Вежковской церкви, ныне Наблюдатель церковных школ Слонимского уезда, св. Владимир Смирнов, псаломщик Николай Ковалевский, церковный староста А.Черот (!) и Земский Начальник 2 участка, Пружанского уезда, Борис Алексеевич Зеленский, почетный член Строительного Комитета“. Честно признаюсь, что от родственников слышать об этом не доводилось. Могу предположить также, что речь идет о представителе однофамильного рода из соседней деревни Столпы. Ну а на то, чтобы проверить такие сведения в архивах, как обычно, не хватает времени.

Если же вернуться к интернетовской историографии, соотнося ее с только что приведенными документированными данными, а также с тем, что помнили и рассказывали местные жители, то непонятно, откуда взялась дата строительства в 1925 году, к тому же, будто бы, полностью нового.

А вот об уничтожении храма, построенного в 1912-13 годах, мне известно со слов реальных свидетелей, и я об этом уже писал. Кстати, в одном из материалов интернета почти дословно повторяются фрагменты моей публикации. Поэтому, не смущаясь, еще раз изложу то, что знаю. Случилась эта беда в 1943 году. Церковь сгорела. Причем не от рук немцев, как можно было бы подумать, и не советских партизан, которых теперь часто обвиняют в подобных преступлениях. Однако невозможно стереть то, что в памяти людей прочно запечатлелось.

Настал четверг Светлой седмицы, по-местному – Навский Великдень. По нашей традиции в этот день поминаются души прежде

упокоенных и освящаются могилы. На обедне с панихидой, как обычно, присутствовало много людей. А после богослужения почти все они отправились на кладбище, находящееся на расстоянии примерно двух километров, где должны были окропляться святой водой могилы. Не все люди успели дойти туда, как пришлось бежать обратно — заметили пламя над церковью и бросились ее спасать. Когда прибежали, церковь полыхала. Несмотря на это, все-таки смогли вынести из огня священные сосуды и книги, иконы, хоругви, подсвечники, иные предметы церковного обихода. Спасти удалось, кстати, только одно паникадило (по-местному – “паук”), из двух имевшихся ... Второе же так и осталось в здании, сгоревшем дотла. Причины пожара выяснились вскоре. Следствия, понятно, тогда никто не проводил. Однако жизнь сельчан, особенно в минувшие годы, полностью была на виду – как добрые дела, так и злодеяния от своих людей не спрячешь. Оказывается, не все в тот святой день молились, славя Воскресение Христово и поминая усопших сродников. Нашлись и такие, кто посчитал за лучшее провести время иначе: в соседней деревне Матясы к хозяину-богачу, у которого были три дочери на выданье, заехал из Глинянок верховод местной “самообороны”. Изрядно выпив, он устроил там “занятие” или “соревнование” по стрельбе, а в качестве мишени святотатцы избрали купол церкви. И одна из девиц не промахнулась, причем зажигательной пулей... Имена этих “героев и героинь”, естественно, были известны всему местному люду; вспоминали их, правда, очень неохотно. Причем всегда с досадой, осуждением и каким-то ужасом. Тогда как о некоторых иных — наоборот. Например, о благочестивом прихожанине Мазуре, который самоотверженно спасал, а потом в своей хате хранил церковное имущество. Также и о многих других людях, которые, несмотря на разруху, бедность и голод, жертвовали что могли на восстановление сожженного храма. Собранных пожертвований хватило на то, чтобы купить какое-то административно-хозяйственное сооружение у лесничества, и в 1946/1947 году поставили-таки себе церковь – по скромным своим возможностям. Мать рассказывала, что поскольку не было досок, то ткали полотно, для обивки стен изнутри. Полотном обитой церковь была довольно долго. Впрочем, тогда заботились не столько о внешней красоте, сколько о благолепии, приличествующем храму.

После войны, когда безбожная советская власть набрала силу, начали складываться условия такие, в которых ребром ставился вопрос,

быть или не быть приходу и церкви вообще. Несмотря на все противоречия и сложности, приход сохранился; правда, стали часто меняться приходские священники. Пока не появился о. Анатолий Соколовский, отдавший Вежецкому приходу около трех десятилетий жизни – собственно, он здесь остался и после упокоения тоже.

За те годы, когда возраст брал свое по отношению к этому пастырю доброму, а также к его помощникам, наиболее преданным прихожанам, заметно сократилась численность местного населения – в раз пять! И казалось, что церковная жизнь здесь уже в прошлом. Но, как известно, на все воля Господня. Новые силы в жизнь прихода вдохнул присланный окормлять его молодой священник, Михаил Концевич. Он, по благословению правящего архиерея, владыки Константина (Хомича), взялся возводить новый храм – между прочим, не разрушая старый, а строя вокруг него. Так что в старой церкви во время строительства новой отпевали моего отца, который перед этим по мере сил тоже участвовал в строительных работах. Да и почти все местные люди, хотя жилось нелегко, поддерживали так же, как и в конце войны, святое дело как могли – если не деньгами, то своим трудом. Какие трудности довелось преодолевать священнику-строителю, это отдельная тема. Но задуманное, с Божьей помощью, было осуществлено. Правды ради следует отметить, что не остались в стороне и руководители местных колхозов, а также ряда государственных предприятий двух районов — Жабинковского и Кобринского. Дела и пожертвования всех во славу Господа не забудутся. Благодаря им вознесся над околицей новоотстроенный храм. Стал притягивать взгляды издали, напоминая обо всем том, что связано с верой, служением Богу и народу Божьему.

Моя же личная история движения навстречу Духу Святому в связи с этим пополнилась еще одной страницей дорогих душе воспоминаний. В день памяти великомученика Димитрия Солунского, 8 ноября 1997 года, светлой памяти Высокопреосвященный митрополит Филарет в сослужении архимандрита Иоанна (тогда секретаря Минской епархии, а ныне – архиепископа Брестского и Кобринского) и священнослужителей Брестской епархии совершил освящение престола новопостроенного Вежецкого храма в честь Вознесения Христова. Столько людей на этой территории, наверно, никогда не собиралось — со всех окрестных деревень и из ряда ближайших городов. Причем для большинства присутствовавших это было не только церковное торжество, но и, опять-таки, чрезвычайно важный повод задуматься о

прошлом и будущем вообще, а о своей малой родине в частности. Многие же участники торжества, как и я недостойный, были прочными нитями привязаны к местам, центр притяжения которых создает храм. А что касается общего настроения, то оно было близко тому, которое передается Пасхальным стихом: “Сей день его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в онь”. При этом каждый, понятно, вспоминал также свое. Не случайно освящение престола храма нашего совершалось “на Дмытра”, как у нас говорят. С именем этого святого Церковь связывает паминовение всех православных христиан, почивших в Бозе, то есть в вере и надежде на жизнь вечную. Соответственно, радость присутствовавших на торжестве разделяли покойные предки наши. А мы исполняли, как можем и умеем, свой долг перед ними — хранить веру, восстанавливать святыни, не допускать, чтобы забывались их традиции и заветы. Жизнь моего поколения оказалась несравнимо легче той, которая выпала им. Некоторые трудности, вразумления ради, а также искушения, ради испытания, посылались и нам. Однако при освящении нового храма очень хателось верить, что радость для всех нас вместе не случайная. Беспокоил, правда, вопрос, способно ли младшее поколение ценить то, что ему по милости Божией передается.

Между тем, и описанное событие отплыло уже на отдаление почти в четверть столетия. На Вежковском приходе теперь новый молодой священник – о. Владимир Кондращук. А церковь стоит, как положено, ожидая верных. Потому всегда хочется хотя бы пару раз в год ее посетить. Невдалеке, на кладбище, ведь ждут также родители и предки по обеим линиям. Но об этом я уже сказал. Сбиваюсь на повторения, как все старики...

(2021)

Научный комитет

кандидат филологических наук, доцент Владимир И. Черота, Институт
литературоведения имени Янки Купалы, Минск, Беларусь
д-р Миша Стоядинович, Институт политических исследований,
Белград, Сербия
проф. д-р Кирилл В. Шевченко, Российский государственный
социальный университет (РГСУ), Минск, Беларусь
кандидат исторических наук Александр Д. Гронский, Синодальная
историческая комиссия, Минск, Беларусь
магистр гуманитарных наук Алексей И. Черота, Союз писателей
Беларуси; редактор газеты «Літаратура і мастацтва», Минск, Беларусь
магистр истории искусства и богословских наук Катарина Тодорович,
Белград, Сербия

Программный комитет

д-р Зоран Милошевич, Институт политических исследований, Белград,
Сербия
кандидат филологических наук, доцент Владимир И. Черота, Институт
литературоведения имени Янки Купалы, Минск, Беларусь
д-р Александра Савич, Институт политических исследований, Белград,
Сербия
д-р Александра Мирович-Янкович, Институт политических
исследований, Белград, Сербия
проф. д-р Кирилл В. Шевченко, Российский государственный
социальный университет (РГСУ), Минск, Беларусь
д-р Войн Божинов, Институт исторических исследований, София,
Болгария
магистр филологических наук Даяна Лазаревич, Институт
политических исследований, Белград, Сербия
д-р Брацо Ковачевич, Университет в Бания-Луке, Босния и Герцеговина

Дизайн обложки
Даяна Лазаревич

Печать
Комазец, Индия

Тираж
100

CIP - Каталогизација у публикацији
Народна библиотека Србије, Београд

821.161.3.09 Черота И. А. (082)

821.161.3:929 Черота И. А.(082)

ЖИЗНЬ и деятельность Ивана Чероты (1952-2024) : сборник научных трудов Международной научной конференции, состоявшейся 22 июня 2026 года в Институте политических исследований в Белграде / редактор Александра Савич. - Белград : Институт политических исследований ; Минск : Синодальная историческая комиссия Белорусского экзархата Русской православной церкви : Минская духовная семинария : Минская духовная академия : Центр евразийских исследований Филиала РГСУ в Минск, 2026 (Индия : Комазеп). - 306 стр. : илустр. ; 24 см

Тираж 100. - Напомене и библиографске референце уз текст. - Библиографија уз сваки рад. - Summaries.

ISBN 978-86-7419-448-5 (ИПЦ)

1. Савић, Александра Р., 1990- [уредник]
а) Черота, Иван Алексејевич (1952-2024) -- Зборници

COBISS.SR-ID 193836297